

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

РЕСПУБЛИКЕ – 90

- В. Гайзер. «От мечты к реальности...». Интервью* 4
Е. Морозова, С. Бандура. Три ордена республики 10

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

- В. Тимин. Викинг из Биармии. Роман. Перевод Ю. Ионова* .. 14
В. Шахов. Бывает тишина стихией 46
И. Вавилов. Думы. Стихи 50
Н. Дьяконов. Свадьба. Пьеса. Продолжение 56
*Е. Холопова. Путешествия российских пенсионерок в период
неразвитого капитализма. Продолжение* 66
О. Уляшев. «Вöлі пыж, и вöлі öзын...». Кывбурьяс 87

К. Ф. ЖАКОВ

- К. Жаков. Правила жизни по лимитизму* 92
*Е. Созина. Творчество К. Ф. Жакова в культурном контексте
XX века* 94
К. Жаков. Гимн Латвии 107
С. Ковальчук. Латвия в жизни Каллистрата Жакова 108
Светлой памяти профессора К. Ф. Жакова (некролог) 133

А. К. МИКУШЕВ

- П. Лимеров. А. К. Микушев: путь к эпосу* 136
Öлексей человек Божий (духовные стихи) 144
Жития Алексия и духовные стихи 151

АРТ-ФАКТ

- О. Орлова, Н. Плаксина. Притяжение Италии* 156
Интервью с Г. А. Марковой 177

НОВОСТИ. ОБОЗРЕНИЯ. РЕЦЕНЗИИ

- Новости. Рецензии* 183
Приложение к журналу книга А. Е. Ванеева «Йöра. Лось Васька»

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической,
историко-культурологической, художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: *Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»*

Главный редактор — Галина Бутырева
Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 17.08.11. Формат: 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 4379. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована картина Т. Васильевой «Венеция». Б., пастель. Собственность автора.

В оформлении заставок использованы работы Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзӧдтӧм гижӧдъяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

**Республике
Коми**

90

лет

**Ов, мян
Республика!**

Вячеслав Гайзер

Гайзер Вячеслав Михайлович

Родился 28 декабря 1966 года в г. Инта, Коми АССР. По национальности – коми.

Образование – высшее. В 1991 году окончил Московский экономико-статистический институт, специальность – «Автоматизированные системы управления»;

В 1999 году – Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, специальность – «Финансы и кредит».

6 января 2010 года Президент Российской Федерации Д. А. Медведев внёс на рассмотрение Государственного Совета Республики Коми кандидатуру В. М. Гайзера для наделения его полномочиями Главы Республики Коми.

15 января 2010 года утверждён Государственным Советом на должность Главы Республики Коми. Вступил в должность 15 января 2010 года.

«От мечты к реальности...»

*Интервью с Главой Республики Коми
Вячеславом Михайловичем Гайзером*

Корр.: Вячеслав Михайлович, в год 90-летия республики журнал «Арт» подготовил для Вас несколько вопросов, касающихся как прошлого, так и настоящего и будущего нашего края. Подобное интервью мы брали у первого Главы Республики Коми Ю. А. Спиридонова десять лет тому назад. В разговоре с ним было отмечено, что его правительству удалось «обеспечить, начиная с 1999 года, **переход от выживания к стабилизации и развитию**». Когда по-вашему этот переход был закончен и стало возможно говорить уже **о наступившей стабилизации**?

В. М. Гайзер: С точки зрения, состояния экономики, долгов, которые были накоплены у республики, я бы сказал, что реально о стабилизации можно говорить только с 2003 года. До этого времени было 1,5 миллиарда долгов только перед воркутинскими шахтёрами. Только-только начала развиваться «Северная нефть»...

Я в 90-е годы перевозил родителей из Инты, за 5 тысяч рублей еле-еле продал там их квартиру... За 5 тысяч рублей! Не намного лучше ситуация была и в Усинске, оттуда все бежали... Поэтому то, что касается 90-х и начала 2000-х, в той или иной степени это всё ещё было продолжение «выживания»... В 2000–2001 годах бюджетники даже зарплату вовремя не получали...

И это была общая ситуация по стране. Правильно сказал Владимир Путин:

«Стабилизация началась, когда страна получила план развития на десятилетку, возможность более или менее спокойно работать...»

Корр.: Можно ли говорить о преемственности во властных структурах? Взяли ли Вы что-то из опыта первых двух Глав республики для своей нынешней работы?

В. М. Гайзер: Если говорить о преемственности, как о продолжении выбранного ранее курса, то, конечно, я изучал опыт работы прежних руководителей республики, учился у них и, основываясь на этом, выстраивал свою работу. Мне, бесспорно, был интересен опыт Юрия Алексеевича Спиридонова как опытного хозяйственника, промышленника. У Владимира Александровича Торлопова огромный опыт работы в социальной сфере, знание её болевых точек.

Но в чистом виде преемственности быть во власти не может. В стратегическом смысле – да. А пути достижения результатов будут у каждого руководителя свои. Другое дело, что я не приемлю принцип «до основанья, а затем...». Это неправильно. Всегда, в любом случае, в любом движении положительное всегда можно найти и надо его применять.

Корр.: Наша республика (чаще со стороны) нередко представляется чуть ли не этакой «Саудовской Аравией», мол, у вас и нефть, и газ, и уголь, и лес, и вообще вся таблица Менделеева... Но так ли уж мы богаты на самом деле? Как выглядит сегодня Республика Коми на общем фоне страны?

В. М. Гайзер: Я очень не люблю этот лозунг. Вот когда мы говорим, что у нас вся таблица Менделеева, важно ведь понимать, а насколько актуальна с экономической точки зрения разработка всего и вся?.. Если все усилия будут в разы дороже всех результатов, то извините... Когда говорят, что у нас всё под ногами валяется, то это далеко не так! Экономически доступного и целесообразного у нас действительно много. Но в силу очень многих вещей, – транспортной недоступности, северной специфики в целом, – основная масса природных запасов будет востребована только в будущем.

А сегодня всё-таки мы продолжаем работать по добыче более традиционных полезных ископаемых.

Сейчас возрождаем геологическое изучение недр, которым занимается и государство, и частные компании... В бурные 90-е годы мы, к сожалению, потеряли прежние темпы прироста, поэтому сегодня мы особый упор делаем на геологоразведку, разрабатываем новые инструменты государственной поддержки, работаем с крупными компаниями, как давно действующими на территории нашей республики, так и только что с пришедшими.

Даже если эти результаты не будут востребованы в ближайшее время, у нас есть дети, мы должны и им что-то оставить. Нынче разработка недр идёт по той базе геологоразведочных работ, которые были проведены в 60–70 годы прошлого века, значит, и мы должны что-то сделать для будущих поколений.

Конечно, по объёму промышленного производства мы не сопоставимы с такими крупными индустриальными центрами, как Москва, или Екатеринбург. И с Ханты-Мансийском – по объёму добычи полезных ископаемых...

Но если считать на душу населения по объёму производимой продукции, по

инвестициям, по уровню доходов, то республика входит в первую пятёрку регионов. И вообще, по большинству жизненно-важных показателей мы в десятке. Не лидеры, но уж точно не аутсайдеры.

Но в первую очередь, конечно, наша республика богата людьми, а уж потом остальными ресурсами.

Корр.: Ваш недавний доклад «От мечты к реальности. 10 лет пути» многим показался довольно смелым. У нас действительно есть силы и средства для реализации этих планов?

В. М. Гайзер: Есть. У нас достаточно и сил, и средств. И желание реализовать эти планы, иначе я бы о них не заявлял. Другой вопрос, как правильно эти средства распределить? Всегда есть два варианта: первый – раздать «всем сёстрам по серьгам»... И тогда уж действительно мы ничего существенно не улучшим. А вот если мы все вместе собрались и говорим: в этом году мы строим школы, а через год будем заниматься другой проблемой – строительством дорог? Я считаю, ресурсы всегда надо концентрировать, поэтому я за второй вариант.

Корр.: А почему нельзя было это делать уже 4-5 лет назад, – строить школы, строить дороги?

В. М. Гайзер: Можно было... У каждого свой подход к решению проблем. У меня – такой.

Корр.: Сейчас много говорят о «Концепции устойчивого развития». Отражена ли она в Ваших планах «От мечты к реальности»?.. Ведь естественные возможности региона не беспредельны...

В. М. Гайзер: Конечно. Мы долго добивались, чтобы наша наука переходила из теоретической в практическую плоскость, и мы к этому пришли. Наши планы отражают концепцию устойчивого развития региона, всё это произошло благодаря сотрудничеству науки и каждой отрасли, каждого министерства.

Корр.: В последнее время всё чаще слышишь от выпускников школ, что они выбирают и вузы, и место будущей работы за пределами республики. Скоро выпускникам 2011 года предстоит определиться в жизни – кем быть, где работать? С каким напутствием Вы бы хотели обратиться к молодым?

В. М. Гайзер: Это было всегда – часть выпускников выбирала вузы за пределами республики, оставались работать в других регионах. И это нормально. А те, кто возвращались, почти все они нашли здесь достойное применение своим знаниям.

Из личного опыта... Я уверен, если бы я остался в Москве, то скорее всего пополнил бы среднестатистическое большинство людей своей профессии... Вряд ли можно было бы говорить о какой-то серьёзной карьере...

Я бы хотел призвать выпускников не гнаться за популярными сегодня профессиями, не руководствоваться сиюминутными соображениями, а заглянуть на лет пять вперёд и выбрать профессию, которая будет востребована на рынке труда в будущем. Сегодня у нас избыток юристов и экономистов. Да, эти профессии престижны, позволяют получать неплохие доходы, но их уже слишком много,

а сегодня в республике очень востребованы технические специальности. И хороший инженер зарабатывает не меньше экономиста или юриста.

Корр.: А какие возможности у самой республики в решении вопроса по подготовке инженеров сегодня?

В. М. Гайзер: В Республике Коми создана эффективная система подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием технического профиля, которая включает в себя один из ведущих технических вузов Северо-Запада России, Ухтинский государственный технический университет, а также Сыктывкарский лесной институт.

Данные учебные заведения готовят инженерные кадры для ведущих отраслей промышленности республики – нефтегазовой и лесной, а также для строительного и агропромышленного комплекса, транспорта и энергетики.

Так что выбор есть – более двадцати специальностей технической направленности можно получить у нас, дома...

Корр.: В этом году сложилась непростая ситуация с набором в СГУ группы, изучающих коми филологию. Но Вам, кажется, удалось решить её положительно? А как будет в дальнейшем? И как по-Вашему должно быть?

В. М. Гайзер: Принципиальная позиция руководства Республики Коми, проведённая работа с руководством Министерства образования и науки Российской Федерации, которое является учредителем СыктГУ, позволила решить проблему – был объявлен набор абитуриентов, проведены дополнительные вступительные испытания по коми языку, выделены бюджетные места, а в конечном итоге 5 августа 2011 г. приказом СыктГУ зачислено на 1 курс 17 человек по направлению «Филология национальная».

В дальнейшем ситуация может развиваться по двум сценариям.

1. Продолжение работы с руководством Министерства образования и науки Российской Федерации по выделению бюджетных мест за счёт средств федерального бюджета на те направления подготовки, в которых нуждается республика.

2. В случае, если данная работа не будет приносить свои плоды, существует вариант подготовки кадров за счёт средств республиканского бюджета путём размещения соответствующего государственного заказа на конкурсной основе.

Первый вариант предпочтительней

Здание новой Чухломской школы. Фото Юрия Кабанцева.

Фото Юрия Кабанцева.

как с нормативно-правовой точки зрения, так и межбюджетных отношений, в связи с тем, что предоставление высшего профессионального образования относится к компетенции Российской Федерации, а не её субъектов.

Но если ситуация будет складываться не по этому сценарию, то руководство республики будет использовать и другие возможности.

Корр.: Республика отметила 90-летний юбилей. Обычно к юбилею республики всегда приурочивали сдачу какого-то значительного объекта. Что удалось на этот раз подарить республике?

В. М. Гайзер: Перечень объектов капитального строительства и реконструкции, приуроченный к сдаче в юбилейный год довольно большой, но, пожалуй, самым значительным из них стал «Финно-угорский этнокультурный парк»...

Во многих субъектах России национальный колорит уже не первый год используется как эффективный инструмент развития туризма, межрегионального сотрудничества и привлечения инвестиций.

Мы надеемся, что наш Финно-угорский этнокультурный парк не будет исключением. В праздничные дни была сдана первая очередь парка. В будущем этнокультурный парк в селе Иб должен стать одним из ключевых центров на российском и международном туристском рынке.

Корр.: Какие первоочередные задачи на предстоящие годы Вы ставите перед собой и перед правительством как первое лицо республики?

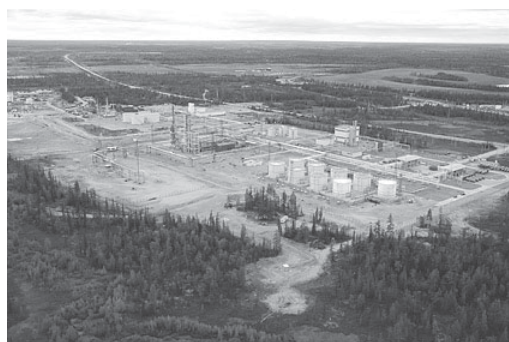
В. М. Гайзер: Как вы знаете, в период кризиса Правительство Республики Коми разработало программу оперативных действий, согласованных с экономической политикой Правительства России. И эти меры оказались эффективны. Республика вышла из охватившего всю мировую экономику финансового кризиса без существенных потерь. Мы достойно выдержали этот удар и ставим сегодня перед собой новые задачи, реализуем дальнейшие меры по развитию нашего региона.

Открытие нового корпуса детсада в п. Краснозатонский. Фото Надежды Горчевой.

Новый туристический поезд «Сияние Севера». Фото Юрия Кабанцева.

В Усинске открыли новый НПЗ компании «Енисей». Фото Юрия Кабанцева.

Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и открытое акционерное общество Межрегиональная Компания «Белкомур» заключили Меморандум о намерениях по реализации проекта строительства железнодорожной магистрали «Белкомур» (Архангельск–Сыктывкар–Пермь (Соликамск)).

Слева: член Правления – заместитель Председателя Анатолий Валло, со стороны ОАО МК «Белкомур» – генеральный директор Эльман Худазаров.

Конечно, за всё, что происходит в республике, за судьбу региона основную ответственность несу я, как высшее должностное лицо. Но эту ответственность я разделяю и с главами городов и районов, как людей, наиболее близких к проблемам территорий. Людей, которым доверено в том числе решать вопросы развития своих территорий. И об этом каждый из них должен помнить, особенно учитывая, что в республике про-

водится масштабная административная реформа, затрагивающая все уровни власти.

Если говорить об основных задачах и направлениях работы Правительства – они подробно расписаны в стратегии социально-экономического развития республики. Документ находится в свободном доступе, и каждый человек имеет возможность в любое время сравнить то, что мы говорили, начиная работать по этим направлениям, и то, что на самом деле происходит.

*Орден Ленина. СССР. 1966 г. Золото, платина, серебро, эмаль.
Награда Коми АССР «За успехи, достигнутые трудящимися республики в хозяйственном и культурном строительстве».*

*Орден Октябрьской Революции. СССР. 1971 г. Золото, серебро, эмаль.
Награда Коми АССР «За успехи, достигнутые в коммунистическом строительстве и в связи с 50-летием со дня образования Коми АССР».*

*Орден Дружбы народов. СССР. 1972 г. Серебро, эмаль.
Награда Коми АССР «За большие заслуги трудящихся Коми АССР в укреплении братской дружбы и сотрудничества советских народов, большие успехи в экономическом и социально-политическом и культурном строительстве и в ознаменовании 50-летия СССР».*

Три ордена республики

Национальный музей Республики Коми по праву можно назвать главным хранилищем материальных свидетельств истории Республики Коми. На протяжении столетия, с 1911 года, музей собирает и бережно хранит памятники истории и культуры, фотографии и документы. Уникальный предметный ряд, мемориальные коллекции, архивы отражают многие страницы истории Коми.

Значительный корпус источников касается истории республики, её экономи-

ческого и политического становления. Предметом особой гордости музея является фонд наград, насчитывающий более 170 единиц хранения. Каждая награда – героическая страница в истории защиты Отечества, свидетельство трудовых подвигов. Большинство наград – личные награды жителей республики, удостоенные за подвиги в годы Первой и Второй мировых войн, за трудовые достижения в период промышленного освоения северных территорий. Мало, кто знает, что в музее хранятся награды, касающиеся каждого жителя нашей республики – это три ордена, которыми была награждена Коми АССР во второй половине XX века.

В 1995 году Государственным Советом Республики Коми принято решение о передаче в Национальный музей Республики Коми трёх наград: Орден Ленина, Орден Октябрьской Революции, Орден Дружбы народов. Высших государственных наград республика была удостоена соответственно в 1966, 1971 и 1972 гг.

Указ о награждении Коми Автономной Советской Социалистической Республики «За успехи, достигнутые трудящимися республики в хозяйственном и культурном строительстве» Орденом Ленина был утверждён Президиумом Верховного Совета СССР 22 января 1966 г.

Орден Ленина являлся высшей наградой Советского Союза. Он был учреждён постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года и являлся таковой до конца 1991 года – момента распада СССР. Последняя награда была вручена 29 декабря 1991 года. Общее количество награждённых – 431 418. Высшей наградой Советского Союза – Орденом Ленина награждали за «исключительные достижения и особо выдающиеся заслуги».

Шестидесятые годы ознаменовались созданием новой мощной топливно-энергетической базы в республике: началась добыча газа на Вуктыльском газоконденсатном месторождении, строительство газопроводов Коми АССР – Центр. Создание целлюлозно-бумажного производства в Коми АССР связано с началом строительства Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, Княжпогостского завода древесноволокнистых плит, введением новых мощностей на Жешартском фанерном комбинате.

С развитием промышленности расширялась транспортная сеть республики. Развернулось активное строительство автомобильных и железных дорог: построены автодороги с твёрдым покрытием Сыктывкар–Вогвадино и Сыктывкар–Визинга; завершено строительство железной дороги Сыктывкар–Микунь и начато строительство железной дороги Сыктывкар–Кослан. Появляется сеть местных авиалиний.

Начало 1970-х гг. ознаменовалось вручением республике сразу двух наград: Ордена Октябрьской Революции и Ордена Дружбы народов. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Коми АССР Орденом Октябрьской Революции «За успехи, достигнутые в коммунистическом строительстве и в связи с 50-летием со дня образования Коми АССР» был подписан 20 августа 1971 г.

Орден Октябрьской Революции – второй по значимости (после ордена Ленина) орден СССР. Он был учреждён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1967 года в честь 50-летия Октябрьской революции. Количество награждений – 106462. Последняя награда была вручена 21 декабря 1991 г.

В ознаменование 50-летия Союза Советских Социалистических Республик был учреждён орден Дружбы народов. Указ Президиума Верховного Совета СССР

был подписан 17 декабря 1972 г. Коми АССР получила эту награду в числе первых. Указ о награждении Орденом Дружбы народов «За большие заслуги трудящихся Коми АССР в укреплении братской дружбы и сотрудничества советских народов, большие успехи в экономическом и культурном строительстве и в ознаменовании 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик» подписан 29 декабря 1972 г.

Несмотря на то, что обе награды республика получила в связи с юбилейными датами: 50-летием со дня образования Коми АССР и 50-летием образования Союза Советских Социалистических Республик, в 1970-е гг. экономическое и культурное развитие достигло высокого уровня. Республика была достойна высших наград страны.

Три ордена республики стали признанием успехов республики в тот сложный период её истории, когда возводился Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, началось масштабное строительство газопровода «Сияние Севера», крупнейшей в Европе шахты «Воргашорская», в Болгарию отправились эшелоны с удорским лесом, открыл свои двери Сыктывкарский государственный университет, Ухтинский индустриальный институт...

Значительный объём лесозаготовок в 1970-е гг. был обеспечен соглашением 1968 г. между СССР и Народной Республикой Болгарией о строительстве лесозаготовительных предприятий и совместной заготовке леса в Удорском районе Коми АССР. Развитие угольной и нефтяной отраслей, создание новой газодобывающей отрасли требовали значительных людских ресурсов. Население республики ежегодно увеличивалось. В 1970-е гг. численность жителей республики превысила миллион человек. Экономика республики, начало развития которой в 1930-е гг. было связано с системой ГУЛАГа, во второй половине XX века обрела новый облик. Сложившийся многонациональный состав населения: в 1970-е гг. в республике проживали представители более семидесяти национальностей, во многом стал фактором превращения Коми в промышленно развитый регион страны.

Изображения наград республики украшают стеллу в центре Сыктывкара – Монумент трудовой славы (авторы-архитекторы П. Резников и А. Куров). Три символических знамени из полированного титана с тремя орденами напоминают жителям и гостям республики о трудовых победах, о тысячах людей, отдавших свои силы Северу. Три государственные награды – ордена Ленина, Октябрьской Революции и Дружбы народов будут вечно храниться в Национальном музее Республики Коми.

*Морозова Елена Ивановна,
зав. отделом истории Национального
музея Республики Коми;*

*Бандура Светлана Владимировна,
к.и.н., зам. директора Национального
музея Республики Коми*

Проза. Поэзия

Владимир Тимин

Владимир Васильевич Тимин родился 2 июля 1937 года в селе Пажга Сыктывдинского района Коми АССР. Закончил Печорский речной техникум, заочно окончил филологический факультет Коми пединститута, работал учителем, был сотрудником Коми филиала АН СССР, старшим и главным редактором Коми телевидения, главным редактором Коми книжного издательства, председателем Госкомиздата Республики Коми, главным редактором журнала «Войвыв кодзув». Член Союза писателей СССР с 1982 года, заслуженный работник культуры Республики Коми, заместитель председателя правления Союза писателей Коми.

О стране с названием **Биармия**, или **Бьярмия**, или **Бьярмаланд** (норв. *Vjarmeland*), которая предположительно располагалась в бассейне Северной Двины, известно по скандинавским сагам X–XIII вв., а также из рассказа Саксона Грамматика об Оттаре из Холугаланда, который в конце IX века совершил первое путешествие в эту страну. Оттар в то время состоял на службе у английского короля Альфреда Великого и рассказывал ему о тех землях, в которых он сумел побывать, в частности, о тех, которые лежат за известной ему Лапландией. Оттар долго плыл на восток от Лапландии, затем свернул на юг и вошёл в устье большой реки. Это была земля бьярмов, язык которых был похож на язык финнов (так в то время называли саамов), так что Оттар и его спутники могли с ними общаться. Судя по сагам, путешествия викингов в Биармию не прекращались вплоть до XIII века, викинги торговали с бьярмами, обменивали свои товары на меха соболей, белок, бобра, а нередко и грабили бьярмов. Происхождение топонима Биармия до сих пор вызывает споры. В XIX веке было высказано предположение, что топоним образован от норвежского *beorma* берег, край моря. В русской историографии XIX было принято также отождествлять топонимы *Бьярмия* и *Пермь*, как обозначения финно-угорских территорий северо-восточной Европы. Высказывалось и предположение об образовании топонима от коми слов *би ур му* – земля огненных белок, хотя последнее больше похоже на народную этимологию.

Действие романа происходит в далёкие от нас годы походов викингов на страны Европы. Эти неустрашимые воины наводили ужас на всём европейском континенте, пересекая моря на своих кораблях-драккарах и нападая на европейские города. Они захватили Англию, Ирландию, северную часть Франции (одна из областей современной Франции донныне называется Нормандией – в память о викингах, некогда завоевавших её). Даже папе Римскому пришлось уступить викингам южную часть Италии вплоть до Неаполя, а также Сицилию. Набеги

прекратились только после принятия скандинавами христианства в XI веке. В гуще событий, связанных с войнами викингов, оказывается выходец из Биармии Чож Ур-Бьярма, похищенный в детстве викингами во время очередного их набега.

Роман одновременно и увлекателен, и имеет серьёзное познавательное значение. Он рассчитан на молодёжь, подростков, но заинтересует людей и более старшего возраста.

Викинг из Биармии

Роман

В бесконечной Вселенной прошедшее, настоящее и будущее могут меняться в ту или иную сторону.

А. Эйнштейн

Встреча на Удоре

(Вместо предисловия)

Февраль 1966 года. В фольклорной экспедиции нас двое: исследователь фольклора Анатолий Константинович Микушев, в будущем широко известный в научных кругах человек, доктор филологии, профессор, и я – только что пришедший в фольклористику новичок. До этого я работал инженером в Коми филиале Академии наук СССР, но по окончании пединститута сразу же перешёл в отдел фольклора Коми филиала, куда меня уже давно тянуло.

Мы работали в сёлах по берегам реки Вашки, побывали во многих из них.

Начали с райцентра Удорского района, села Кослан; затем побывали в Важгорте, Ёртом, Усть-Вачерге, Вендинге, в Чупрово... Чтобы ускорить работу, на некоторое время разделились: Анатолий Константинович направился на север: в Пучкому, Чупрово, я – южнее: в Ёртому, Усть-Вачергу... Позже вновь соединились.

Стояли очень холодные дни. 11 февраля термометр показывал минус 51 градус. Конечно, школьники не учились; но нам работу нельзя было бросать ни на один день. Обжигающий лица мороз был нам даже на руку: большинство людей сидело дома, что нам и требовалось.

В здешних сёлах гостиниц не было, и мы останавливались в домах, где нас соглашались принять: мне показалось, что на Удоре все люди – свои...

В Ёртом где-то около полудня я зашёл погреться в сельскую библиотеку. И здесь познакомился с очень сердечной, доброжелательной коми женщиной лет сорока Серафимой Ивановной Пигулиной. Знакомство с этой приветливой женщиной оказалось весьма знаменательным и полезным. По ходу разговора, внимательно выслушав меня, она рассказала кое-что и о себе.

Оказалось, что она заведует этой библиотекой, хорошо знает людей и потому охотно помогла мне тем, что сообщила ряд адресов людей, к которым мне стоит зайти. За подобной помощью я заходил к ней не раз и понял, что она – по-своему талантливый человек. Только вот в жизни ей не повезло: супруг, спокойный работающий человек, утонул в реке; Серафима Ивановна призналась, что очень оплакивала его, причём – по старинным обычаям. Накануне отъезда из села я уговорил её воспроизвести этот плач с причитаниями, чтобы записать на магнитофон. Она согласилась: мол, горе-то было большое, но ради науки можно снова прикоснуться к нему через этот плач. Как показало время, я записал её голос не зря: плач Серафимы Ивановны Пигулиной был опубликован в 1974 году в книге «Коми народные песни», подготовленной Коми филиалом Академии наук.

...Тогда, в студёном феврале 1966 года, Серафима Ивановна предложила мне сходить в деревню Устьево, что всего примерно в километре от Ёртома, а если по прямой – того меньше, дорогу найти легко. Пигулина рассказала, что в этой деревне живёт очень интересный человек – Изосим Васильевич Пантелеев – с яркой судьбой: не понаслышке знает Первую мировую и Октябрьскую революцию, сам тогда воевал; а сейчас любит читать, причём, поскольку ходить в Ёртом уже не может, книги из библиотеки ему носят школьники. Он любит книги на военную тему, а ещё – французских писателей: всё, что есть из французской литературы, прочёл. И сам интересно о своей жизни рассказывать умеет.

– Предпочитает французскую литературу; почему? – удивлённо спросил я.

– Сам расскажет, – лукаво улыбнулась Серафима Ивановна.

...Первая женщина, которая встретилась мне в Устьево, сразу же показала дом, где живёт Изосим Пантелеев.

– Дед Зосим? Его окна на нас как раз смотрят. Да к нему многие заходят, – добавила она.

Я поблагодарил её и вот уже стою перед хорошо утеплённой дверью. Постучал, но за дверью было тихо, никто не отозвался. Тогда я всё-таки вошёл. За столом сидел дед и подшивал валенки, больше вокруг никого не было. Дед посмотрел в сторону двери, заметил меня и положил свою работу на лавку. Широкоплечий, с редкими седыми волосами, он молча смотрел на меня. Я поздоровался, но он не ответил. Я поздоровался снова, уже громче. Дед Зосим, наконец, подал голос:

– Вижу ещё хорошо, а вот слышу – плохо. Говори громче: кто, откуда, зачем? Я объяснил.

– А-а! – кивнул дед. – Понимаю. Студенты уже заходили прошлым летом, всякое спрашивали: сказки, пословицы, поговорки... Да ведь женщины все эти дела лучше знают. А так, – дед кашлянул, подержал в руках валенок, пальцем провёл по сделанному шву, – а так – что мы знаем? Держимся за коровьим хвостом.

«Этого деда, как того старого воробья, на мякине не проведёшь», – подумал я, а вслух сказал:

– Познакомиться зашёл. Конечно, прошу прощенья, что отвлекаю от работы. Но Серафима Ивановна, библиотекарь, очень хвалила тебя, Изосим Васильевич.

– А-а! – снова отозвался дед. – Толковая. Супруг её сельский Совет возглавлял... Да вот случилось такое – что поделаешь... Ну, что, сними свою шубу; сегодня вон как холодно, может, чайку согреем – это недолго. Конечно, ежели электричества опять не отключили...

Электричество было. Дед занялся приготовлением чая, а я развязал свой вещмешок. Вытащил оттуда банку мясных консервов и чекушку с выделенной мне порцией спирта, выложил всё это на стол. Дед бросил взгляд на выложенное мной угощение, но промолчал. Тонко – но слышно – звякнув цепочкой, наклонил висевший в углу медный умывальник, помыл руки и принялся основательно накрывать на стол.

– Ничего не надо, – замахал я руками, – чуть согреемся, и – ладно.

– Хозяйку пригласили ребёнка понянчить: ушла и пропала, – оправдывался дед, продолжая делать своё.

Он выставил солёные грибы в деревянной миске, разложил колобки, достал из шкафа две стопки толстого стекла.

– Водка? – кивнул он на чекушку.

– Спирт.

– О-о? – кажется, приятно удивился он.

Но крутой напиток мы разбавили водой.

– Ырски-бырски по-сибирски! – вспомнил шутливую присказку дед. – В своё время такое питьё шло «на ура», но с годами человек стареет, так что...

– Долгой жизни тебе, Изосим Васильевич, и много счастья!

– Так, и тебе – тоже.

Постепенно разговорились.

– Твоя жизнь, Изосим Васильевич, богата событиями. Серафима Ивановна не говорила подробностей: мол, сам расскажет, если сойдётся. А рассказать у деда Изосима, дескать, есть что.

– Оно верно, – кивнул дед. – Есть что рассказать из того, что знаю. Говорят: кто не разговорчив, тот – как чудо. Это, пожалуй, верно.

В углу зашумел чайник, но дед не слышал.

– Кипит! – указал я рукой.

– Да-а. Теперь слышу. Кипит-шумит.

Медленно прошёлся по избе, поставив на стол две чашки с горячим чаем.

– Спасибо! Хорошо – ещё и для сугрева! – похвалил я.

– Жидковат, конечно, чаёк, сквозь него всю Москву видеть.

Второй тост за здоровье не задержался:

– Желаю тебе многих лет жизни, Изосим Васильевич!

– Теперь, парень, от меня толку мало, но раньше всякую работу осиливал, всё доброе-хорошее сразу примечал... А что рассказать из прожитого? Конечно, хлеба из всяких печей там и сям попробовал...

Неторопливый в движениях, Изосим Васильевич и говорил неспешно. Я молча, не перебивая, слушал его рассказ. Всё то, что я тогда услышал, был не фольклор, а, как говорится, совсем другая статья; потому я и магнитофона не включал. (А зря, как теперь понимаю). Только записывал от руки. Говорил дед с расстановкой, с заметными паузами да ещё на удорском диалекте: но всё записать за ним в своём полевом дневнике я тем не менее не успевал. Иногда забывал про блокнот и только слушал, не переставая удивляться.

А удивляться было от чего. Подумать только – ветеран Первой мировой войны!.. Причём паренёк с Удоры со своей трёхлинейкой оборонялся от германцев в окопах не только России, но и Франции. Французам от германцев в той

войне сильно досталось, и правители Франции, испугавшись донельзя, попросили экстренной помощи у России. В то время Россия сама билась с немцами изо всех сил, но всё же откликнулась на просьбу союзников и в 1916 году послала во Францию четыре бригады, названные русским экспедиционным корпусом: говорили, численностью тысяч в пятьдесят, если не больше. В этот корпус отобрали и парня из села Ёртом – крепкого телосложения и гренадерского роста. Плечом к плечу с французами дрались они против кайзеровской армии, не допустили германца в глубь Франции, остановив в ста верстах от Парижа.

Вспоминает Изосим Васильевич французов: в большинстве – подвижные, разговорчивые, шутливые и остроумные. Но не все поголовно такие. К примеру, познакомился тогда Изосим с похожим по характеру на себя, то есть в меру шустрым и разговорчивым, военным курьером Мишелем из соседней французской дивизии: русские звали его Мишей, привыкли к нему. Мишель-Миша привозил письменные депеши из своей дивизии, отвозил ответные депеши из русского экспедиционного корпуса. С охранником вдвоём обычно приезжали в лёгком открытом автомобиле, он сам сидел за рулём. Познакомились и разговорились Мишель с Изосимом в тот момент, когда Мишель, скучая, ждал ответа от русских, а Изосим только что освободился из очередного наряда и отдыхал. Русский язык Мишель знал, хотя говорил, конечно, своеобразно, с французским акцентом, но понять было можно.

День тогда был тёплым, даже жарким. Расстегнув верхние пуговицы своего кителя, Мишель сидел на лавочке возле штаба. Изосим заметил на его груди, на серебряной цепочке, странную вещицу: она изображала орла, который вцепился клювом в свою же лапу. Это что же – вроде – или вместо – нательного крестика? На вопрос об этом Мишель разъяснил Изосиму: нательный крестик у него есть, а это – оберег. Уже много-много поколений – может, тысячу лет – берегут его в семье. А дали Мишелю оберег его близкие перед отправкой на фронт, чтобы живым-здоровым вернулся домой.

Изосим спросил: на обереге – орёл? Мишель подтвердил – орёл. Я, сказал он, из Нормандии, что на севере Франции. Название области пошло от названия норманнов, которые тысячу лет назад добрались до тех мест и оттеснили тамошних жителей, а с остальными перемешались. Норманны – они же и – викинги.

– Миша, а ты случайно не из рода норманнов? – спросил тогда Изосим. – Ты не очень похож на француза, потому я и спрашиваю.

– Может быть, – ответил тогда Мишель. – Моё полное имя – Мишель Бьярма – переходит из рода в род. В нашей семье рассказывают: вот этот оберег остался от викингов, от начала их рода. Тысячу лет назад викинги прошли от Англии до Бьярмаланда и даже до Константинополя.

– Тысячу лет назад! – изумился Изосим. – А «Бьярма» в твоём имени – это что-то интересное...

Мишель, молча пожав плечами, следом спросил:

– А ты сам из каких мест?

– Тоже – северянин.

– Из Сибири, Архангельска?

– Между этими землями ещё Вашка, Мозын, или Мезень, как пришлый люд называет, другие реки и земли...

– Не знаю. Тамошные места известны нам как Бьярмаланд.

– Я слышал это название от старых людей. Только у нас говорят – «Биармиа», а если точно на нашем языке – Биа Ур Му – Страна Огненных Белок...

– Позже, во время второй нашей встречи, – продолжил Изосим, – Мишель сообщил, что среди жителей Нормандии ходит одна легенда, та же история отражена и в сагах. Суть её вот в чём: викинги много раз нападали и на Бьярмаланд, как раз примерно на родину предков Изосима; при одном набеге викинги захватили и увели с собой бойкого мальчонку, который потом рос среди викингов, стал сметливым, бесстрашным, отчаянно смелым, в Англии его именем даже пугали детей. Ведь викинги брали и Англию, даже их главный город Лондиниий, как тогда называли Лондон, дважды брали штурмом и сжигали дотла...

Ещё несколько раз виделись и беседовали француз Мишель и удорский парень Изосим Пантелеев. Во время встречи, которая оказалась последней, долго беседовали; будто предчувствуя прощание, Мишель-Миша поведал:

– В нашем роду из поколения в поколение переходит очень древнее предание о том, что один из предков в роду, выходец из норманнов, вообще-то родом из очень дальних земель, может быть, даже из Бьярмаланда.

Эта весть сразу запала в душу Изосима Пантелеева: во-первых, вот как может обернуться история... с географией; а главное – может, он, Изосим, и Миша-Мишель – земляки; а чем чёрт не шутит – даже родственники?!

Но его размышления затем заслонила пришедшая вскоре из России весть: там произошла революция. Русский экспедиционный корпус был взбудоражен этой вестью, солдаты стали проситься домой. Французские власти пропускали мимо ушей их требования и перевели корпус на несколько вёрст южнее от Парижа, чтобы революционные настроения не заразили французов. Местом новой дислокации русских определили военный лагерь Ла-Куртин, недалеко от города Лимож, отделив от французской армии. Но русские бригады в Ла-Куртине восстали. Французы наводили порядок силой – с потерями с обеих сторон.

– Потом, – Изосим Васильевич потёр лоб, припоминая, – нас доставили к Средиземному морю, посадили на пароходы и доставили в Алжир – знаешь же, наверно, это у Франции колония в Африке, – вот где довелось побывать.

– А не было охоты там остаться?

– Нет. Мы узнали, что в России пришли к власти народные Советы, против них началась борьба сил старой власти; и мы снова стали требовать отпустить нас домой. Власти долго отмалчивались, но отпустить нас им всё же пришлось: в Париж пришло твёрдое требование уже от советских властей. И мы прибыли в Россию: две наши бригады и ещё одна русская бригада с фронта в Салониках, что в Греции. Ведь и в той мировой войне воевали кругом... И всё же в Россию вернулись не все, многие остались там.

– Навсегда?

– Кто как. А нас снова посадили на пароходы, привезли через Черное море, высадили Бог знает куда, даже место то забыл; помню лишь, что мы сразу попали в руки к белым – даже отдышаться не дали с дороги. Включили в белую армию барона Врангеля, которая уже отступала. Но мы, большая группа солдат, сговорились между собой и во время одной атаки против красных все подняли руки и перешли на их сторону.

Гражданская война потом продолжалась ещё долго. Я воевал в разных местах, получал ранения, выздоравливал, снова возвращался на фронт; но в конце концов вернулся-таки домой...

Потом Изосим Васильевич рассказал про свой «Красный Ёртом»: в борьбе за новую жизнь крестьяне села проявили себя очень активными людьми, не боящимися никаких трудностей.

– Ты, Изосим Васильевич, – вырвалось у меня, – воистину прошёл огонь и воду.

– Что было, то было, – дед согласно кивнул головой.

– А Мишеля ты ещё видел – после его рассказа о викинге из Биармии?

– Нет. Уехал он в свою Нормандию, конечно, если остался жив. Оберег на его груди должен был помочь ему остаться в живых, ведь он говорил, что боги викингов вложили в оберег таинственную силу. А так хотелось бы встретиться – вдруг мы впрямь земляки, а то и родственники?!

– Ещё бы, поведенное им предание взволновало б не только тебя – любого!

– Да, – кивнул Изосим Васильевич, – есть тут какая-то связующая народы и времена тайна, тому есть даже внешние подтверждения. Мишель-Миша был точно не похож на француза. Если те в большинстве очень подвижны и говорливы, то этот всё больше молчит, о чём-то своём думает, характером – вылитый наш брат-северянин. На француза скорее похож я. Пробыв долго среди них, это могу сказать уверенно, – Изосим Васильевич на этих словах молодо засмеялся; оглядел подшиваемые валенки, один взял, повертел...

Я поблагодарил так удачно разговорившегося деда; мы ещё раз чокнулись, выпив «на посошок». И я, обдумывая только что услышанный необычный рассказ, вышел из избы, даже не замечая лютого мороза.

Позже я узнал ещё одну деталь: Изосим Васильевич Пантелеев был первым председателем созданного в Ёртом колхоза; он – почётный гражданин села Ёртом.

А суть услышанного Изосимом Пантелеевым от француза Мишеля-Миши предания о викинге из Биармии и составляет основу нашего повествования.

Биармия и викинги

Много времени с той нашей встречи прошло; вроде давно уж перешли в третье тысячелетие. А я всё ещё вспоминаю Изосима Васильевича Пантелеева, старожилу села Ёртом, что на своём веку «из всяких печей хлеба там и сям попробовал».

Вспоминаю – из его рассказов – француза Мишеля, у которого на груди был старинный оберег викингов – орёл впился клювом в свою же лапу. И, конечно, с теплом вспоминаю Серафиму Ивановну – добросердечную и умную, талантливую коми женщину.

А особо в памяти стоит увезённый викингами мальчик из Биармии (повторю, что многие в Коми называют эти земли Биа Ур Му – Земля Огненных Белок). Слышишь иногда от скептиков: сказки всё это, фантазии; но вот ведь история о мальчике в старинных сагах дошла и до Франции.

Перед глазами – как в кино – картина сменяется картиной. Вижу: бог ви-

кингов, всемогущий Один, указывает своему народу его путь в истории, внушает смелость и непобедимый настрой в бою – победить или пасть от топора, меча ли любого противника. Бог требует от своего народа мужества, самоотверженности, самоотречения во имя славы, во имя почётного права называться викингом. Веками викинги приводили в трепет всю Европу, грабили, убивали, насиловали, предавались бурным пиршествам и оргиям, и это у них не считалось зазорным, скорее – напротив. Викинги открыли Исландию, Гренландию и даже Северную Америку – Винланд – намного раньше Колумба.

Но особое место занимает легенда-сказ о Биармии. Это – наша северная Атлантида. (Центр древнейшей цивилизации – Атлантида – ушла под воду одиннадцать тысяч лет назад, как упоминается в различных источниках. Была Атлантида, и – нету. Да и была ли?.. К тому же исследователи добавляют, что в один момент вместе с огромной твёрдой землёй ушли под воду 60 миллионов человек. В это, конечно, трудно, тяжело верить...)

Ну, а Биармия?.. Ей ведь утонуть некуда было. Но споры идут: одни говорят: не было Биармии, а другие доказывают: была она, была. И не кто-нибудь, тут люди и доводы – авторитетные...

Согласно древним сагам Скандинавии и Исландии, Биармия расположена на северо-востоке Европы, тянулась от Кольского полуострова до Уральских гор: вокруг Белого моря (викинги называли это – «Море Гандвика»), занимала бассейны рек Северная Двина, Волга, Кама, Мезень, Печора.

В книге «Древняя российская история» М. В. Ломоносов пишет: Пермия, которую именуют Биармией, протянулась от Белого моря до бассейна реки Северная Двина, и был народ чудской могущественным, торговал дорогими шкурами с купцами из Дании и с другими норманнами...»

Значит, народ чудской?.. Известно, что это название охватывает всю финно-угорскую общность. По разным причинам финно-угорские племена начали разделяться и расходиться порознь две тысячи лет тому назад, до нашей эры. Вот, значит, как глубоко наши корни! В ту эпоху постепенно и рождались современные названия финно-угорских народов.

В книге «Древняя российская история» М. Ломоносов далее пишет: «Ливония, Ингрия, Финния, Карелия, Лапония, Пермия, Черемиса, мордва, вотяки, зыряне разговаривают между собой уже наполовину понятными словами, они отличаются, но произошли когда-то из единого языка... ..Теперь народ чудской разделен на многие народы, они разошлись друг от друга на большие расстояния, большинство живут в странах, где язык совершенно другой; но, можно сказать, что во время общего проживания были могущественными, уважаемыми».

Н. М. Карамзин, русский писатель, исследователь истории, касаясь этой темы, подчеркнул: «Биармией скандинавы называли всю ту большую страну, которая протянулась от Северной Двины и Белого моря до реки Печора... Пермь и Биармия – одно понятие. Туда входили Архангельская, Вологодская, Пермская губернии, Вятка... ..Никто по торговле не мог сравниться с Биармией. Она могла предложить дальним и ближним странам не только дорогие меха, но серебро, изделия из металла, соль. И не только менять одно на другое, но – было и денежное обращение».

Среди современных исследователей полного согласия относительно истории

Биармии нет; но есть целый ряд учёных, чьи взгляды на эту историю одинаковы или почти одинаковы.

Оценивая, внутренне осмысляя всё вышесказанное, я всем своим существом, как говорится, сердцем – чувствую: дошедшие до нас сказания, сведения о Биармии – не досужий вымысел, но отражение чего-то реального, действительно бывшего. Более того, я уверен: в событиях той далёкой эпохи можно угадать, отыскать и корни истории древних коми людей, а значит – и мои далёкие корни.

Да, века, тем более в дописьменную эпоху, скрывают от нас жизнь предков. Но целый мир, жизнь целого народа – пусть и в тысячелетней дали – бесследно потеряться не могли.

За моим ночным окном светится таинственная луна. Бледные лучи её словно соединяют меня, всех нас с тем затерявшимся в дали времён миром.

Биармия и сейчас жива. Ибо живёт она в легендах-сказаниях, в древних сагах Скандинавии и Исландии, где лучше всего сохранились эти послания древности. А легенда, сказание бывают даже реальнее того, что мы называем историей.

Небесный камень

Невидимое время – самая таинственная вещь в жизни человека. Почему оно никогда не устаёт и никогда не останавливается?.. А если оно летит без остановки, значит, живое: никто не толкает, а само оно летит. Невидимое, оно тем не менее реально присутствует. Ибо без движения времени не было бы ни вчерашнего, ни сегодняшнего дня. И не будет завтрашнего...

...Мальчонка от неожиданности вздрогнул, весь передёрнулся, мысли его обрывались: из глубины чёрного небосвода нёсся к земле яркий огненный факел. Он оставлял за собой длиннющий хвост – светящийся красным светом. Такое мальчик видел в своей короткой жизни впервые. О небесном камне он только слышал, а теперь – вот он – летит, и аккуратно на него. Мальчик не боялся никого и ничего, но от этой напасти как защититься?! Он машинально потрогал нож в ножнах, его он всегда носил при себе; снял с плеча лук, взял стрелу. На медведя с таким снаряжением, конечно, не пойдёшь, но зайца подобьёшь запросто. Да и волка можно пугнуть – такое случалось. Наконечники стрел железные, острые, пусть и короче – да и легче, – чем у взрослых. Но против этого, летящего прямо на него чудища, стрела – ничто...

Мальчик всё же натянул тетиву, сжал пальцами стрелу, направил вверх.

– Богиня Зарань, дочь Солнца, помоги! – крикнул изо всех сил.

Золотая Богиня, Зарань, в Биармии – главное божество. Если уж она не поможет, то поможет ли кто вообще?..

И он пустил стрелу.

И в это мгновенье перед глазами всё потемнело. Кто-то большой шершавой ладонью закрыл ему рот и больно прижал к себе. Больно прошла скребком по телу и кольчуга схватившего человека. Послышался непонятный говор. Эти люди не свои – посторонние. Видно, бродят тайком ночью пришлые из чужой земли. А судя по голосам – немало их. Он вывернулся из цепких рук и снова громко крикнул.

Огонь в небе погас. Небесный камень гулко упал на землю где-то в стороне, и

стало темным-темно. А мальчик опять оказался в могучих руках громилы-чужака. Постарался, что есть силы, вывернуться и вцепился зубами в шершавую лапшу напавшего. Куснул до крови и, не разжимая стиснутых зубов, застыл. Близко над собой заметил квадратную рожу – с приплюснутым носом, толстыми губами, с чёрной спутанной бородой; глаза, как у разъярённого быка, сверкают зло, сверлят. Дух от него – пьяный. Мальчик мысленно снова призвал на помощь богиню Зарань – теперь уж защитить от этого Яг-Морта¹.

Мысли снова оборвались, ибо громила тяжёлой рукой шарахнул его о стоящую рядом ель. Всё тело пронизала сильная боль – аж выступили слёзы. Вокруг ещё громче – на незнакомом языке – наперебой загалдели люди. Можно было понять одно: они зло, может, похабно ругаются.

И... мальчик будто провалился в сон, в небытие.

Невдалеке от этого места стоял за плотной изгородью довольно большой бревенчатый дом – место поклонения богине Зарань. Рядом – землянка с дежурившей сейчас охраной. В их числе – и отец попавшего в руки ночных разбойников мальчика. Конечно, сторожа тоже увидели летящий с тёмных высот ярко светящийся небесный камень и услышали крики мальчика: Чож Ур – звали его, по-зырянски – Проворная Белка.

Это точное имя, ведь он – непоседа, всё время ему надо что-то делать, куда-то спешить. И теперь вот бродит в ночной парме со своим луком, кричит: наверное, поразил-изумил его, падая, яркий небесный камень; да и как тому не удивиться!..

Отец часто бывал недоволен баловством сына, но в этот миг он сердцем почувал: что-то недоброе случилось. Охрана богини ринулась на голос Чож Ура. Одно-го из своих, самого быстрого, они послали за помощью.

Вскоре столкнулись с чужаками, и завязался жестокий бой. Стража охраняла моленную святого божества, берегла её. Но сторожа не берегли собственную жизнь и потому сражались ожесточённо, не на жизнь, а на смерть. Мрачно шумел лес, было темно. А из темени рвались многоголосые крики, отчаянные, будто были то уже не люди, а попавшие в западню лесные звери. В ночной этой свалке лица были не видны, лишь глаза горели злобой, гневом, ненавистью. Никто не хотел уступать, сдаваться. Яростно бились топорами, мечами, палицами с остриями на концах. Хрустели сломанные кости, лилась кровь.

Лишь когда засинел ранний рассвет, битва стала стихать – как раз в этот час подошла помощь защитникам богини Зарань. Викинги – конечно, это были они – отступили, отбиваясь. Среди них были раненые; а несколько пришлых налётчиков поплатились жизнями за разбойное покушение на богатства, скрытые в угрюмой тайге-парме далёкого таинственного Бьярмаланда. Как это у них считалось – отдали души своему богу Одину. Погибших товарищей спешно погрузили на лошадей и торопливо скрылись в той самой бескрайней парме. Викинги не оставляли в чужих землях павших своих соплеменников – старались увезти с собой, чтобы в стороне от посторонних глаз упокоить их – в воде или огне. Чтобы на родине души павших всегда могли подняться ввысь – к богу Одину. Ведь он всегда ценил бесстрашных, отдавших жизнь в бою; а вернувшимся к нему мёртвыми давал вторую жизнь.

А что шевелилось в сердцах уцелевших, но отступавших викингов? Разное, просто они знали, что все находятся перед глазами бога Одина...

¹ *Яг-Морт* – мифическое существо, огромное, мохнатое.

Знахарка Суомитар из Финмарка

...А Чож Ур... Он был ведь сообразительным, умным, проворным мальчонкой, не зря ему досталось такое имя. И хоть ему было всего только двенадцать лет, он мог легко убежать от этой шайки – если только ничего страшного от рук этой шайки не претерпел. Но люди Биармии утром нигде не нашли мальчика.. Отец его, Гормэг айка, искал сынишку несколько дней, но все поиски были напрасны. Сам раненный мечом викинга, с перевязанной рукой, он всю парму вокруг обошёл, кричал-звал сына, но в ответ – безмолвие. К молельне богини Зарань пришли новые сторожа, отец остался с ними, снова напрасно обходил всё вокруг – пропал сын, ни слуху, ни духу.

Сходил домой за своей собакой по кличке Вердысь (что означало по-зырянски – Кормилец). Молельню сторожить он её с собой не брал – не положено туда с животиной; пусть, оставшись дома, охраняет милую жену Горадзуль, у которой лицо – словно лик солнца, и – дочь Шаньчу. А теперь с собакой вместе стали искать мальчика. Собака вышла на след Чож Ура, она ведь с мальчиком очень дружила; и тут скулила, кружилась, улавливая повороты следов, бросилась к западу, но потом остановилась – дорогу перегородила река; собака даже до воды не дошла. С виноватым видом посмотрела на своего хозяина, словно говоря: не знает, куда дальше идти, что делать. А ведь далеко уж, было, углубились они в вековые дебри.

Сел прямо на траву под деревьями обессиленный Гормэг айка. Что теперь скажет дома? Эх, Чож Ур, Чож Ур!..

Двенадцать лет тому назад, после рождения сына, с женой они ломали голову – какое имя дать ему, чтобы сын их был счастливым весь свой длинный век да и прочной опорой стал родителям. С зорким глазом, быстрыми ногами, храбрым сердцем – чтобы стал добрым рыбаком, охотником, умелым хозяином в дому, человеком с открытой душой. Чтоб вот таким стал – хотели. Сперва никак имя не находили. Даже спорили, сидя возле зыбки; но и в споре нащупывали путь к согласию. Несколько вечеров так прошло, покуда в их скромное жилище не зашла женщина лет сорока. А зайдя – поклонилась низко-низко.

Мало ли бывает прохожих. Сразу-то укрыли ребёнка, чтобы не сглазила незнакомая женщина. Подождали, чтобы вошедшая сама – первая – заговорила: по первому взгляду и по первым словам можно кое-что узнать о человеке. Но первой нарушила тишину маленькая дочка Шаньча:

– Ты кто? – пальчиком показала на вошедшую тётеньку.

Отец-мать не успели дочку предостеречь, чтоб молчала.

– Я издалека, из Финмарка.

Горадзуль, испугано округлив глаза, взглянула на мужа.

– Из Финмарка, – повторила незнакомка. – Звать меня Сорсатар. Но это моё прежнее имя. А нынешнее – Суомитар...

Гормэг айка удивлённо поднял брови:

– Про Финмарк слышал, но...

– Да, это в северной Норвегии. На самом севере. Дальше – лишь Ледовитый океан. В Финмарке родилась, была как ваша маленькая дочурка; выросла. А ещё до моего рождения родители увидели в одну и ту же ночь одинаковый сон:

появилась старая, но очень властная женщина по имени Сюэтар, предсказала, что у нас будет дочь, и предложила назвать её Сорсатар, что значит – крякающая утка. Но потом, в другом сне, вместо этой Сюэтар явился наш самый грозный бог – Юмала. И он сказал другое: пусть Сорсатар будет самым первым именем девочки, ведь весь мир произошёл от утинового яйца, имя это подойдёт. Но если это имя вышло из уст Сюэтар, дайте и другое имя – Суомитар. Это тоже обязательно. Первое имя дало дорогу другому имени, и это второе имя весь долгий век будет оберегать человека и защищать его. Придаст дальновидность, поможет нести людям добро. Да и люди – от всего сердца – в ответ отплатят добром. Так что я благославляю, – сказал Юмала...

– Удивительный сон, – кивнул головой Гормэг айка. – Суомитар?..

– Да – Дочь своей земли. Первое имя изгнало меня из моей родной страны. Отец был охотник, и в нашем дворе неведомым путём появились олень, лиса и волчонок, остались жить. Мы их вырастили. Они вокруг меня все крутились, никуда не убегали, ведь они росли одновременно со мной. Когда на нас напали шведы и стали побеждать наших людей, иные из наших соседей стали роптать: мол, эта Сорсатар – колдунья, её слушаются дикие олень, лиса и волк. И задумали меня убить: дескать, тогда мы победим шведов. Опасность была уже рядом. Пришлось убежать из дому, спасти и родителей, иначе им было бы тоже плохо...

– А потом... – женщина устало улыбнулась, – была Лаппония: через Сариолу, по реке Винла¹, на лодках кое-как добрались до дальней Биармии, до Иднакара. Он в Вятской стороне, на высокой горе, там, где соединяются реки Пызэпа и Чепца. Живут там доброжелательные люди, потому и я своим человеком среди них стала, жизнь тамошнюю хорошо познала. Людям рассказала, что прибыла из Финмарка, и стала там зваться уже Суомитар. Хотя уже и позабыла, кто меня назвал таким именем...

Шаньча коснулась рукой пришелицы:

– А ты голодна?

Супруги посмотрели друг на друга. Суомитар добродушно улыбнулась:

– Спасибо, что спросили; голодна немного.

Супруги тоже улыбнулись, и сердце Гормэг айки смягчилось.

– А теперь в какую сторону пойдёшь?

– В Иднакаре Юмалу снова во сне увидела: велит возвращаться домой, потому что, говорит, родная земля тебя ждёт. И верно: в дороге всё меня поддерживало, хорошие люди встречались. Кто-то на лодке подбросит, кто-то на повозке, а теперь вот маленькая девочка с добрым сердцем пожалела, беспокоясь, не голодна ли я. Бог пусть даст ей здоровья и спокойную жизнь.

Путника люди на Верхней Вынве (или Винле) всегда привечали. Вот и Суомитар почтили вниманием: накормили, на ночлег устроили. Переночевала Суомитар у добрых людей, а утром гостя поблагодарила хозяев, низко поклонившись им; они же ей ребёнка в зыбке показали.

– Желаю вашему малышу вырасти работящим, умным и сильным. Надеюсь, что это моё пожелание сбудется. А как зовут ребёнка? – перед зыбкой Суомитар снова низко поклонилась.

Горадзуль пожала плечами и ничего не смогла ответить.

– Имя ещё выбираем, – сказал Гормэг айка.

¹ Винла – Северная Двина, на местном диалекте – Вынва.

– А-а...– Суомитар посмотрела на Горадзуль, на Гормэг айку, а потом бросила взгляд на зыбку с ребёнком.– Подойдёт, я думаю, имя Чож Ур.

– Но ведь ур-белку всякий охотник может изловить,– засомневался Гормэг айка.

– И Чож Ура будут ловить; но потом он сам будет ловить добычу благодаря своим силе и умению. Побывает в дальних странах. Его спокойный характер не помешает ему стать смелым, боевым, его будут слушаться другие. Позже имя Чож Ур даст дорогу новому, более громкому имени, громче которого не бывает. Он станет очень известным и в своей округе, и в дальних краях. Когда-то вернётся домой, как я. И всё у него сложится хорошо. Если, конечно, боги на него за что-либо не прогневаются.

Суомитар ещё раз поклонилась и засобиравалась уходить.

– А какое будет его второе имя? – не сдержалась и спросила Горадзуль.

– Я не знаю,– прямо ответила Суомитар.– Боги лишь это знают... Ну, желаю вам, чтобы светлое солнце всегда было обращено к вам лицом.

И вышла из дома.

– Но-о... Чож Ур, значит, Чож Ур,– Гормэг айка почесал в затылке.

Горадзуль легонько толкнула мужа, глазами показав на дверь. Гормэг айка бросился вдогонку за знахаркой. В долгую дорогу супруги, конечно, дали ей запас своих каждодневных продуктов; но он понял и последний жест своей Горадзуль – проводил гостью на лодке по реке Вынва¹ довольно далеко – до следующего поселения, так что вернулся домой уже затемно...

Всё это промелькнуло в голове Гормэг айки, когда он со своей собакой Вердысь печально смотрел на бесконечные волны реки, перед которой оборвался след его сына. Собака уже не рвалась никуда, а молча расположилась рядом. Потом подошла вплотную к хозяину и тёплым шершавым языком лизнула его в осунувшееся из-за неожиданной беды лицо...

Битва близ городка Кармыльк¹

...Викинги – после скоротечной, но жестокой битвы – несколько дней подряд пробирались сквозь нетронутую тайгу к западу, где, недалеко от реки Вынва, стоял городок Кармыльк, главнейший среди поселений Биармии. Но не сам Кармыльк манил к себе колобродившую по земле Биармии разбойную команду викингов. За несколько чомкостов² от Кармылька – за семью замками – была укрыта молельня богу Юмале. Юмала, надо заметить, главный бог преимущественно в западных землях Биармии. Помимо него – в других местах – были и другие, местные божки. Люди тут верили: чем больше богов, тем лучше они могут помочь людям в их повседневной жизни. Но против Юмалы никто ничего не имел, почитали его больше и чаще всего, особенно люди старше возрастом. Дочь Солнца Богиня Зарань почиталась особенно к востоку от Винлы; это богиня, защищающая людей, охраняющая, помогающая им в самых разных делах. К примеру, почитающим её она помогает в хозяйстве: выращивать хлеб, ловить рыбу, охотиться, собирать грибы-ягоды и, конечно, воспитывать детей. Потому почти каждый

¹ Кармыльк – древний центр Биармии рядом с селеньем Холмогоры.

² Чомкост – расстояние между двумя шалашами (5–7 км).

стремился принести в её молельню дорогие шкуры, другие вещи, которыми богаты люди пармы.

Юмала – могущественнейший бог Биармии, он как бы посланник Вселенной, всё может, всё знает, всё видит. В молельню ему приносили не только дорогие шкуры, но и золото, серебро, драгоценные камни, уже бывшие тут в ходу деньги ближних и дальних стран. Эти богатства и притягивали викингов, натур жестоких, бесстрашных, готовых на всё во имя своего бога Одина. Притом они знали: жители Биармии никогда не спешат первыми ввязаться в драку, но при необходимости защищаются до последнего вздоха. Вокруг молельни Юмалы – высокая изгородь из камней, она защищает высокую фигуру Юмалы, мастерски выточенную из очень плотного дерева, которое несколько поколений назад сюда доставили арабы с далёкого юга. Каменное дерево – так называют его на своём наречии местные жители. А защищают молельню люди из числа тех, кто не боится вступить в единоборство с медведем один на один. Но и викинги никого и ничего не боятся. Смерть для них – счастливая возможность встретиться со своим могущественным покровителем, богом Одним. Победить или пасть на поле боя и с честью встать перед очами своего бога для викинга – наивысшая честь.

...Громила-викинг с квадратным лицом всюду таскал за собой захваченного мальчишку, связанного, чтобы не убежал. Викинг был очень зол из-за того, что нападение на молельню богини Зарань не удалось.

– Отпусти или убей его, чего возишься, – ворчал кое-кто насчёт этой пары.

– Это моё дело, – обрывал такие замечания этот самый страшный, верно, из-за горящих глаз – викинг. – Привезу в стан викингов и сделаю подарок богу Одину – брошу в костёр, чтобы бог и дальше был милостив ко мне.

...У Чож Ура не было никакой возможности убежать. Но он заметил, что один молодой викинг как будто мягче, человечней всех остальных в этой шайке, иногда незаметно суёт пленнику еду в руки. «Вот если бы он развязал ночью верёвку, – тайно вздыхал Чож Ур, – к какому-нибудь поселению я обязательно вышел бы. Ведь слышишь вокруг почти родные голоса: говор тут немного отличный от нашего, но понятный мне».

Только вот дальше тайных подачек в виде кусков еды молодой викинг не решается идти. И не зная, зачем и куда его ведут, Чож Ур жил одним днём, с утра до вечера умоляя Зарань, чтобы освободила от рук злых людей. Даже Юмалу вспоминал; но этот бог слишком высоко – может и не услышать мольбу. Кроме того с собой у мальчика ничего нет, задобрить бога дарами он не может.

...Возле молельни Юмалы, недалеко от Кармылька, снова завязался кровопролитный бой. Ведь эта молельня славится далеко, знают о ней даже персы и арабы. В просторной молельне Юмалу сразу могут увидеть многие. В руках он держал большую серебряную чашку: жители Биармии приходили сюда в разное время просить милости и помощи от бога и оставляли в чашке золото, серебро и драгоценности. Ну, и меха приносили – кто мог. Охраняли Юмалу как зеницу ока. И потому когда – с давних пор – нападали на молельню и пробивались даже за каменную изгородь, то большинство нападавших либо падали замертво от острых мечей защитников, либо уносили ноги, потеряв многих своих сотоварищей, чтобы никогда больше не возвращаться сюда. Но викинг есть викинг: оставшиеся в живых всё же ухитрились прихватить с собой – коли уж не удалось взять всё – хотя бы то, что попадётся в руки в пылу яростной схватки.

И сейчас опять викинги напали – как быки, бодающие обрыв: глазища от ярости налились кровью, не загородишь им дорогу, не остановишь. Они были настроены решительно: или все поплатятся жизнью, став жертвами перед богом биармийцев, или унесут с собой все сокровища. Какие смогут. Если это у них не получится, неудачников дома обсмеют и проклянут – от Скандинавии до Исландии, по всему мидгарду¹.

...Проникли викинги, достигнув Юмалы, только перешагнув через павших в бою защитников молельни. И своих половину потеряли. Надо было спешно уходить: подмога от всполошившихся, поднятых вестниками по тревоге биармийцев вот-вот нагрянет. Тогда – вместе с сокровищами – останется тут и вторая половина викингов. Вот и спешили. С шеи Юмалы сорвали золотое ожерелье, хватали разложенные вокруг драгоценности и, конечно, самые дорогие меха. Всё забрать не успели да и не смогли бы: вдалеке слышались крики, как можно было расслышать, весьма многочисленной толпы.

Собрали викинги своих павших сотоварищей, оттащили торопливо – в дальнюю дорогу их не возьмёшь, да и нет уж такой возможности. Среди погибших оказался и самый жестокий, с квадратным лицом, викинг. Он и первым поймал Чож Ура недалеко от молельни Зарань, он же был и предводителем этой кровавой шайки. Потом пленный мальчик узнал имя этого викинга – Чёрный Вержык – так называют насекомых, которые для маскировки могут принять вид листа дерева или сломанной ветки, чтобы в подходящий момент напасть на жертву и съесть её.

Разложили убитых на сухие сосновые ветки, забросали ветками сверху, зажгли и – лицом к костру – удалились. Павшему викингу пожирание тела огнём более подходит, чем гниение в сырой земле: огонь костра прокладывает душе дорогу наверх, а там бог Один не оставит душу викинга без внимания.

Чож Ура привязали к стоявшей в стороне осине. После кровавой схватки викинги долго не могли отдышаться, они озирались по сторонам. Маленький пленник что-то не видел среди них своего мучителя – неужто поплатился жизнью за всё? Сердце мальчика учащённо забилося, ибо затеплилась надежда: вдруг сейчас его отпустят, ведь викинги суетились, спешили, и в этой спешке до него ли им? Но молодой викинг отвязал его от осины и стал держать при себе – ничего не изменилось!..

– Все они друг друга стоят! – печально подумал Чож Ур.

У викингов были лошади. Они погрузились на них и поехали к западу, далеко огибая молельню Юмалы; сквозь лесные дебри пробирались к реке Вынва. Там, у устья, на одном из шести рукавов ожидало их боевое парусное судно – драккар. Это был сравнительно небольшой драккар, вмещающий до сорока человек; но викингов сейчас стало меньше, зато прибыло всякого захваченного имущества; да и лошадей взяли с собой – как провиант в долгом пути по воде. На встречи с отдельными людьми из местного населения викинги не обращали внимания: добрались до своего драккара, погрузились и – в путь. Парус с красно-белыми полосками наполнился ветром, и скоро викинги вышли к морю-Гандвику², где быстро слились с мутным горизонтом. Погони уже не надо было бояться, попробуй найди их – на воде следы не остаются.

¹ Мидгард – освоенный мир.

² Море-Гандвик – ныне Белое море, у викингов – «залив колдунов».

Европа в руках викингов

Много раньше, летом 793 года, жители северо-восточного побережья Англии впервые увидели натянутые ветром широкие красно-белые паруса. Бесчисленное количество огромных длинных лодок. Они быстро приближались одна за другой по накатывающим в сторону берега волнам. С носа каждой лодки устрашающе смотрел вперёд большоголовый деревянный дракон – картина не из приятных. Уже издали стали слышны надрывные крики на незнакомом языке. Всем на берегу стало ясно, что эти холодящие душу крики непрощеных мореходов ничего хорошего не сулят. Наоборот: пробивая дорогу мечами и топорами, карабкающиеся по всему берегу пришельцы силой привносили свои – чужие для англичан – порядки.словно бескрайние гром и молния оглушили и ослепили почти все земли Европы, повернув здешнюю жизнь в страшное русло.

Да, это были норманны. Самих себя они называли викингами, а свои длинные лодки – драккарами (драконами). В каждый из них вмещалось до ста, даже – иногда – до двухсот человек. Викинги умели водить свои драккары под широким парусом по ветру и против ветра. Надвинулись они со стороны северных морей. Они не пахали, не сеяли, умели только с мечами в руках пробиваться в глубь чужих земель, которые им понравились, но где их не ждали (а если и ждали – то с опаской). Всё равно их ничего не могло удержать. До начала боя они молились Христу, а в разгар кровопролитной битвы – своим богам – Одину и Тору. Понятно, что навстречу им выходить никто не спешил, зная про их не знавшую границ ярость. А они говорили так: не надо благодарить день, пока не наступил вечер, и не надо благодарить меч, пока он не испробован в бою. Понятие благоразумия было им чуждо.

Смелость, отвага, решительность, умение в совершенстве владеть своим оружием сделали их столь непобедимыми, что Европе пришлось жить под властью викингов целых триста лет. Они и внешне были заведомыми победителями: высокие, широкоплечие, мускулистые, светловолосые и в большинстве своём – голубоглазые. На их скандинавской родине и женщины были под стать мужчинам и по стати, и по закалке, знанию всех дел-промыслов: могли вплавь преодолеть холодные реки и даже фьорды, умели рыбачить, ухаживать за скотом, а если понадобится – и постоять за себя с оружием в руках. Со временем они без колебания шли с мужьями в далёкие, завоёванные викингами земли. Тем более, что на их родине земли были очень скудны, требовалось приложить слишком много сил и старания, чтобы просто выжить.

Как уже сказано, викинги не только сами укоренялись в завоёванных землях, обживались и сливались с местным населением, но и помогли привиться в новых землях кое-чему из своего образа жизни. В Галлии, стране франков, тамошний король вынужден был уступить викингам на северо-западе своей страны не только значительную область, которая – по их имени – стала называться Нормандией, но ещё и несколько островов в заливе Ла-Манш тоже стали – Нормандскими. Подобное случалось и в других местах. В Гардарике, как называли скандинавы Древнюю Русь, на Кольском полуострове возник город, звавшийся Нурман¹.

За триста лет викинги-норманны перемешали, существенно обновили кровь во всей Европе. Добирались даже до Византии – через Русь. Здесь их называли

* *Нурман* – ныне Мурманск.

варягами, хотя по характеру и образу жизни в них точно угадываются викинги. Из разных обозначений их родилось и слово «витязь».

Начинали викинги с малого: в одном месте отберут у людей всё, что под руки попадётся, в другом месте всё то же продадут. Чем дальше, тем беззастенчивее действовали. Перестали хитрить и маскироваться: в кольчугах, шлемах, с острыми мечами и топорами в руках с оглушающим рёвом проходили сквозь целые страны. В Галлии дошли до Парижа, даже Англия на некоторое время потеряла самостоятельность, уступив её им. Лондон (по-древнему – Лондиний) викингами разорялся не раз. Заодно сыны Скандинавии брали и столицу Ирландии город Дублин. Папа Римский, как и король Галлии, чтобы задобрить викингов и избавиться от их непомерных притязаний, подарил им половину Италии, что южнее Рима, а вдобавок – и остров Сицилию. Многие города, которые пытались защищаться до последнего, не жалея жизни, сравнивались с землёй. И это продолжалось в течение трёхсот лет! Только в конце XI века эпоха викингов закончилась, но кое-где оставались править их короли-конунги.

Прародина викингов-норманнов – вся целиком Скандинавия и Ютландия (Дания). Они обрабатывали свои скудные земли, рыбачили, охотились на моржей, китов. Природа вокруг была очень сурова: почти всюду – сплошной камень, лишь полоска побережья поддавалась лопате. Поэтому деды, отцы-матери поощряли в своей молодёжи стремление искать богатства в дальних странах. «Хватит здесь выбиваться из последних сил. Посмотрите на мир: есть земли куда богаче нашей, у вас же – зоркий глаз, сильные руки и наследственная смелость предков, а это – немало. Добейтесь себе жизни зажиточной, богатой, – с вами бог Один!»

Молодёжь внимательно слушала наставления старших. Со временем накопившиеся в Скандинавии силы хлынули на европейские просторы.

Исландия, Гренландия и даже – пусть ненадолго – далёкая заокеанская земля Винланд, или, как назвал эту часть света после прибытия туда спустя несколько столетий Колумб, – Америка.

В Европе, особенно в Англии и Галлии, основной молитвой в те далёкие времена было: «Боже, защити нас от ярости норманнов!»

...А на далёком северо-востоке таинственно сверкала лучами Северного сияния хранимая густой пармой Биармия. Самые дальние земли Европы, немеряные просторы. Солнце, выходявшее из-за Урала, сначала освещало и согревало родину загадочного народа, который постепенно станет разделяться и подарит миру множество языков и наречий. Биармия с давних пор притягивала викингов своими неисчислимыми богатствами, но и пугала мрачными тайнами, разгадку которых трудно было бы заранее предсказать. Добирались туда немногие – самые отчаянные, не знающие страха – викинги. В скоротечных яростных схватках если и побеждали – старались как можно быстрее исчезнуть в глухих дебрях пармы, где на каждом шагу подстерегали здешние таинственные – колдовские – силы. Стремилась в свою породившую их – Европу, тоже разноплеменную, но не такую бескрайнюю, с уже понятными им народами и их обычаями, где их – норманнская – сила решала всё. Викинги понимали: эту дальнюю Биармию, Страну Огненных Белок, можно уязвить в боях и пощипать её богатства; но никакой Нормандии, какая у них получилась в Галлии, здесь им не устроить.

Ибо здесь – Биармия, Бьярмаланд.

Скандинавия: остров Фрейя

Никогда люди – сами по себе – не считали, что живут в какие-то средние или ещё более отдалённые века. Неизвестно ещё, какие века ждут нас в далёком будущем. В бесконечном пространстве время – вещь неопределённая, ускользающая от точного и ясного понимания. Можно лишь сказать, что все живут... в своё время. Так было всегда, и так будет.

А вот для мальчика из Биармии время как бы остановилось, его просто не стало. Вчера, сегодня, завтра слились в холодных морских просторах во что-то смутно-бескрайнее, как сами эти просторы. Что всё же ещё сохранилось в голове Чож Ура? Конечно, родители, сестрёнка Шаньча. Новое, неизведанное, открывающееся каждый день перед глазами, теснило прежние впечатления. Только однажды во сне он увидел свою маму, которая причитала жалобно: «Милый сынок, бедная головушка, что же ты сделал? Почему отбился от дома?» И на щеке мамы показались слёзы.

...Тем временем прошли самый северный мыс Европы – Нордкап. Такой высокий, что вершина его скрывается где-то за сплошными серыми тучами. В драккаре оживились, показывают туда пальцами, кричат: «Нордкап! Нордкап!» Словно они уж – дома. А на самом деле до него ещё очень далеко.

Высокие волны с неизменным упорством бились о борт драккара то слева, то справа – с той стороны, откуда ветер. Плыли по невидимо угадываемому маршруту – и с попутным ветром, и против встречного. Викинги умели плыть так мастерски, своевременно меняя положение парусов. Вал за валом катились крутые волны. Палуба вдруг уходила из-под ног, и сердце Чож Ура сжималось от неожиданности, когда драккар нырял между такими волнами или, напротив, взлетал вверх на гребне волны. Постоянно напрягал все силы, чтобы подавить тошноту – главное зло морской болезни, особенно для новичков. В этом помогал голод, ибо кормили кое-как и когда придётся. Одежда на Чож Уре была его прежняя, обычная, в какой ходил он по тропам пармы; но на судне было холодно, ветер пробирал насквозь. Потому и старался прижиматься к лошадям. А у лошадей, ещё оставшихся у викингов, у самих от пронизывающего ветра показывались слёзы. Да и у Чож Ура, как у побитой в наказание собаки, выступали слёзы...

В один из дней подошёл к нему молодой викинг, который держал его при себе, можно сказать, на привязи. Ткнул пальцем и что-то спросил. Чож Ур, конечно, не понял – что. Викинг показал на себя, повторив несколько раз:

– Эдвин! Эдвин Сильная Рука!

И снова ткнул в грудь Чож Уру. Мальчик понял: тот спрашивает его имя. А у него такая злость на всех викингов и особенно – на этого Эдвина. Ведь появлялась надежда, что Эдвин отпустит его после справедливой расплаты судьбы с Чёрным Вержыком. Но не отпустил. Своё настоящее имя Чож Ур не открыл, а сердито брякнул:

– Парма! – незачем им знать его имя.

– Бьяр-ма? – викинг кивнул. – Ага. Бьярма!

И так стал Чож Ур Бьярмой. По-другому викинг Эдвин Сильная Рука его потом и не называл. Да и другие – тоже. А то и дразнили: «Бьярма, ку-ку!»

А что ждёт его завтра? Неизвестно. Потому всё стало ему безразлично, даже и то, что они над ними потешаются – пусть.

А вскоре викинги начали во всю глотку орать, выкрикивая места, острова, куда каждому из них надо высаживаться:

- Рингвассей!..
- Иттре-Винн!..
- Ланггёйя!..
- Ве-ега!..

Драккар причаливал к месту прибытия каждого, викинги покидали его, выпрыгивая на берег: на свой остров или для продолжения пути пешком – дальше в глубь Скандинавии. Конечно, брали с собой всю свою долю из того, что успели награть. Дома их, понятно, ждали. Хотя и понимали, что ненадолго кормилец-викинг посещает землю и дом своих предков – его снова ждут другие походы в ещё более богатые земли, где он, возможно, поселится навсегда и, как знать, глядишь позовёт к себе своих родителей, ведь их жизнь среди мхов и камней – незавидна. Под водительством новых конунгов викинги будут добывать себе славу и богатства в боях с любимыми народами в любых землях. Только вот в Биармии новых Нормандий не будет – это точно, там это невозможно...

- Фрейя!..

– Под выкрик этого названия из драккара вышел Эдвин Сильная Рука. На протяжении всего пути Бьярма находился под его зорким взглядом. После того, как не стало Чёрного Вержыка, Чож Ур понял: Эдвин Сильная Рука остался за старшего – об этом викинги, видимо, договорились заранее. Каждый теперь старался обращаться к нему, при этом никто не показывал свой вздорный норов, как это делали викинги в общении между собой: а то в случае разногласия дело у них порой доходило до ссоры, даже – до драки...

Подняв руки и хлопая ладонью о ладонь, викинги расставались. Чувствовалось, что расстаются ненадолго. Да и дома никто их особенно не будет задерживать – коли они по природе своей уж никак не домоседы.

Эдвин Сильная Рука сунул в руки Чож Ур-Бьярме довольно увесистый свёрток и ещё – вещмешок, тоже весьма тяжёлый. При себе оставил лишь всё воинское снаряжение викинга. Мальчик заметил: Эдвин Сильная Рука никогда не говорил два слова, если можно было обойтись одним. А ещё более он предпочитал молчание... Вот и сейчас викинг лишь взглядом показал, чтобы юный пленник шёл за ним.

Они шагали вдоль морского побережья. По одну сторону от них чернело холодное северное море, по другую – тропу окаймляли низкорослые берёзы, осины, ивняк, деревца рябины и ольхи. Потом дорога повернула в глубь острова. Повеяло знакомым запахом хвои. Прибрежный холодок прогонял из души мальчика остатки бодрости и надежды: вроде под ногами снова твёрдая земля, но отсюда уже никуда не убежать. Вместе с холодным ветром с моря веяло горечью соли, не привычной для жителя Биармии. Биармия – это название для викингов, думал мальчик; для нас же, жителей далёкой сейчас от меня родины – это Биа Ур Му – Земля Огненных Белок. Чож Ур в душе недоумевал, почему богиня Зарань и её помощники не помогли ему избавиться от этих злых людей; ведь он, по совету родителей, и хорошие шкуры приносил ей в дар – в устроенные вдоль охотничьих троп в глубине пармы молельни. А лицо богини Зарань временами казалось ему лицом его мягкой, ласковой матери. Но вон оно как получилось...

Впереди показались сосны, а по соседству с ними – ели; вокруг же – крупные, средние и мелкие камни, много камней. Один даже такой огромный, что и подняться на него без лестницы невозможно, а уж грохнешься с такой высоты – шею точно свернёшь, вообще костей не соберёшь. Откуда сюда прикатился такой камень? Сверху мох зеленеет, даже трава видна. А с боков...

Неожиданно в громаде этого камня обнаружилась – и открылась – дверь и оттуда вышли люди. Оказывается, это жилище!.. А вблизи можно заметить: стены сложены из плотно подогнанных малых камней. Эдвин Сильная Рука подтолкнул Чож Ура в спину, и они, пройдя между другими людьми, вошли в... избу. Растерявшийся Чож Ур стоял возле двери, а остальные устремились в середину помещения, где у стола встал Эдвин Сильная Рука. Мальчик осмотрелся, чтобы лучше понять, куда он попал. Внутренние стены сложены из брёвен, вроде изба как изба, высоко светятся два окна. Вдоль стен – длинные лавки, на них подстелены козьи меха, их угадываешь даже по запаху. Открылась дверь из комнаты в глубине дома, оттуда вышел остроносый мужчина – немолодой, хотя дедом ещё не назовёшь; но торчащие усы и борода уже седеют. А взгляд – острый. В этот же день Чож Ур узнал: это Бёльверк – отец Эдвина Сильной Руки. Сын шагнул к отцу, поклонился, но – никаких объятий, будто и не расставались. А ведь сын мог и не вернуться домой после кровопролитных схваток, – как, к примеру, Чёрный Вержык, который навсегда остался бездыханно лежать в парме (куда его, впрочем, никто не звал).

К массивному столу в середине комнаты вышла и мать – степенная, спокойная. Окинув добрым взглядом, обняла сына. Отец же молча смотрел на сына, ожидая, что он скажет, какую добычу покажет. Ведь домой вернулся не кто-нибудь – викинг.

Эдвин Сильная Рука положил меч на стол. Рукой поманил Чож Ура, достал из дорожных сумок часть добытого золота, серебра, ярких дорогих камней. Шкур он вынул немного, только самые дорогие: вот, к примеру, чёрные лисьи шкуры, такие и Чож Ур приносил домой. «Парма – наша кормилица, – промелькнуло у него в голове. – Но мы ни с кем не задираемся, ни на кого не нападаем, хотя каждый из нас – владеющий оружием охотник-добытчик. И нашим богам нравится, что мы всё делаем мирно и разумно...»

Откуда-то явилась в избу и поздоровалась бойкая на язык, проворная в движениях девушка: на шее – янтарное ожерелье, в ушах – серьги, две золотые капельки. Тотчас же впилась глазами в разбросанные по столу добытые ценности. Это Ингрид, сестра Эдвина Сильной Руки. Строгое лицо отца посветлело. Он сам с наименьшим любопытством разглядывал привезённое сыном. Трогал вещи руками, подносил к глазам.

– По свету не пройдёшь, жить не научишься, – поучительно заключил он. – Деловитые люди не отращивают у печи животы, от этого толку нет.

– Пришлось рыскать, словно волки, – согласно отозвался сын. – После Нурмана – на Гандвик, Залив колдунов, вокруг которого живёт белоглазая чудь, утрюмые корелы, пермь – все они из загадочного Бьярмаланда. В последнее время разрастается Гардарика, на тамошнем наречии – Русь. Разноплеменная тоже, как и Бьярмаланд. Там главенствует Гольмград – Новгород; думаю, он сцепится за то главенство с Бьярмаландом; но это – их дело. Нам же везде надо стараться

одновременно быть и дерзкими, и осторожными. От рук чужих воинов можешь угодить прямо к нашему богу Одину – как наш вожак в Бьярмаланде Чёрный Вержык. Он теперь глазеет на нас откуда-то сверху, уже из другого мира. Этого парнишку захватил в Бьярмаланде, чтобы привезти с собой и сжечь на костре в жертву богу Одину – перед очередным большим сражением.

Эдвин Сильная Рука подтолкнул Чож Ура к отцу:

– Бьярма, мальчик из Бьярмаланда. Тебе ещё один работничек.

Отец, Бёльверк, скользнул своим острым взглядом по лицу, фигуре новичка – когда-то он станет настоящим работником! Бесцеремонно хлопнул по плечу и проворчал:

– В Бьярмаланде все, я слышал, колдуны, знахари, владеющие тайнами нечистой силы. От них всего можно ожидать.

Несколько норманнских слов, чаще всех употреблявшихся викингами, Чож Ур узнал и запомнил уже на драккаре.

– Будет работник, – заверил отца Эдвин Сильная Рука.

Но Бёльверку и самому показалось мало сказанных в адрес пленника недобрых слов. Он крепкой рукой взял и придвинул к стене своего нового работника, раба ли, взял в руку плеть, скрученную из полосок кожи, с размаху хлестнул ею Чож Ура по спине, затем громко подозвал взрослого работника и велел увести его в хранилище личного драккара:

– Крыша над головой там есть. И пока не осень и не так холодно, он там проживёт. Если хочет жить.

Бьярму увели. Да, как бы не стало уже Чож Ура, для всех тут он стал Бьярмой, и тут ничего с этим не поделаешь – так жизнь повернулась. И ещё неизвестно, каким боком она повернётся дальше...

А стареющий викинг Бёльверк, отец Эдвина и Ингрид, красавицы с обманчивыми глазами русалки, взял себе это имя в тот день, когда впервые схватил меч и отличился в первом же бою. То имя в переводе означало – Злодей. Такие устрашающие имена викинги давали своим воинам, кто сражался в чужих землях и особо отличился. Такое имя беспощадному воину к лицу, и с ним его сильнее будут бояться – и свои, и чужие. А оно так и есть: викинга, облачённого в медвежью шкуру, глухой шлем, с измазанным в чёрный цвет лицом, размахивающего острым мечом и орущего во всю глотку в самой гуще яростной битвы – такого испугаются не только враги, но и свои постараются не попасть под его горячую руку с мечом. А ведь имя, данное викингу, остаётся с ним навсегда...

Вот и стало тогда на острове Фрейя одним «злодеем» больше. С годами он, конечно, немного присмирел, привёл в дом жену Имну, которая была дочерью Хаггарда, конунга одного старинного рода. Из завоёванных дальних земель Бёльверк вернулся богатым, золота и серебра понахватывал там предостаточно. Вырастили Бёльверк и Имна двух сыновей и дочь. Старший сын, Хугин Серый Кюршун, на своём драккаре, что подарил отец, уплыл с собственной семьёй в немыслимую даль – в Исландию; отправиться туда с ним вместе уговорил и товарищей. Зажили они там. Дочь Ингрид живёт с родителями: ей Бёльверк-Злодей собирается завещать на острове Фрейя своё большое хозяйство. А Эдвин... Эдвину ничего не причитается, вот и благословили его податься в викинги – искать счастья в чужих землях; может, и осядет где-то основательно. Хорошо, если

закрепится на богатой земле и сам будет удачливым; тогда и родители могли бы тоже уехать, оставив всё хозяйство Ингрид. Пока-то она совсем ещё юная. Девчонка, но уже подумывает о замужестве, и Бёльверк имеет в виду это важное в видах будущего обстоятельство. А оставшийся сын не забывает родителей: нечестно, но при всякой возможности старается завернуть к ним с дорогими подарками. А потом снова уходит своей дорогой. Что поделаешь – такова жизнь викинга. Навестит родителей, и – хорошо; ведь с его жизнью может больше и не вернуться никогда...

Бьярму Чож Ура работник Бёльверка толкнул в хранилище драккара. Это сарай, ангар ли над огромной лодкой, в которой поместились бы многие. Может, и до Биармии на этом судне добирались.

Пожилой работник ушёл. Он, как и другие работники Бёльверка, что подметил даже юный Чож Ур, были, можно сказать, настоящими рабами. Они не могли никуда уехать, им не платили, а просто кормили. Потому все они стали безответными. Такая же участь, как понял Бьярма – Чож Ур, видно, ожидает и его. Неужто вся будущая жизнь на острове Фрейя беспросветна? Ведь вместе с языком и памятью детства он совсем потеряет и родину...

Он приготовил себе место для ночлега, постелил кинутые ему шкуры и прилёг. Да, выходит, он уж не хозяин ни завтрашнему дню, ни всему своему будущему, не хозяин сам себе.

Тот работник (или раб?) принёс не только шкуры, но и пару печёных колобков и молоко в глиняном горшке, оставил их у двери. Погоревав, Чож Ур дотянулся до еды, по запаху уловил: молоко – козье. Как, впрочем, и брошенные ему шкуры.

Дверь хранилища драккара работник не запирает на ключ, но сбежать всё равно было некуда. Мачта драккара была снята и лежала на лодке. У викингов мачты вообще – съёмные. Их можно быстро поставить на место; но чтобы подтащить лодку к воде, потребуется человек десять, если не больше. Потому и мечтать о побеге нечего. И чего ожидать впереди – никто не знает. И не скажет.

– Просвета нет, – сказал самому себе тоскливым от безысходности голосом Бьярма.

Жизнь на острове Фрейя

Никто не поинтересовался – знает ли новый работник Бёльверка язык своих хозяев. Но когда нужда заставит, учителем становится сама жизнь.

Хозяйство Бёльверка – среди других, то есть по местным меркам, нельзя назвать очень большим. Чож Ур уловил некоторые цифры разношёрстного поголовья: сто с лишним овец, несколько десятков оленей, ещё – коровы, лошади, свиньи, но поголовье было непостоянным, менялось. На столе неизменными блюдами были рыба и свинина. К тому же к хозяевам время от времени навевались гости – званые и непрошенные. Так, порой сюда заглядывали люди с соседних островов да и из более дальних мест.

А ещё всегда приходилось быть готовыми и к неожиданным визитам незнакомых викингов, которые нет-нет да и нагрянут большой шумной оравой. И ведут себя бесцеремонно: овцу добрую заприметят, буркнут что-то на ходу и заберут. Так же поступят и с коровой, телёнком, свиньёй. Хватают скотину с шумом,

гиканьем, словно дикую добычу на охоте или из своего собственного хлева – как бы имея на животных полное право. Кто-то за взятое, правда, уплатит, а кто-то и не подумает. Но сопротивляться, ссориться с ними – себе дороже. Отстаивать своё с мечом в руках – не те года и не тогдашние силы, когда можешь поставить на место и опустить любого, кто не понравится. А Бёльверку уже много зим (норманны считают возраст человека по количеству прожитых зим, и чем больше таких зим набегало у человека, тем заметнее убывали у него силы). В прошлом матёрый викинг хорошо понимал это и считал даровое угощение и такую же взятую у него чужими викингами скотину вынужденной уступкой. А они тут душу отведут: выпьют-закусят, шумно повеселятся, но меж тем и расскажут, куда направляются. Всё будешь знать, где что делается или вот-вот произойдёт.

...Работники Бёльверка круглый год ловили рыбу, на острове – это повседневная еда, без которой не проживёшь. Кроме рыбы, в каждодневном меню норманнов и дома, и в дальней дороге – овсяная каша. Словом, основа стола – рыба и каша. А ещё – хлеб и колобки из ржаной муки: рожь здесь растёт хорошо. Работникам полагалась та же еда – им надо много сил, чтобы хорошо работать.

И всё же рыба здесь – всему голова. В неурожайные годы, когда и трава не созревала, скот кормили измельчёнными рыбьими головами, чтобы хоть как-то стояли на ногах и дотянули до новой травы. И землю удобряли переработанной рыбой. Викинги круглый год считали главной и самой вкусной пищей – рыбу: жареную, копчёную, варёную, солёную, свежую, проквашенную.

Были под началом Бёльверка и люди вольные, а несколько человек составляли «дружину». В хозяйстве Бёльверка они числились по договору. Были у них свои – отдельные – жилища; да и харчевались они куда лучше подневольных работников.

Однако же подневольные работники, которые целиком зависели от воли и прихоти хозяина, делали основную, самую тяжёлую, работу: ловили рыбу в любое время года и погоду, занимались починкой сетей, ухаживали за скотом. Работницы-женщины доили коров, делали всю работу по дому: готовили еду, шили и чинили одежду, прибирали дом, поддерживая в нём чистоту и порядок.

...Видно было, что драккар в хранилище стоит уже довольно давно. Мачта на приколе – под крышей – сложена, как бывает и на море, если буря застанет судно в пути. Здесь, укутавшись в козы меха, и коротал теперь довольно прохладные ночи Бьярма.

Работники Бёльверка, тоже укутанные в тёплые шкуры, ходили на лодках и – реже – на драккаре до «банки» острова Фрейя, где было помельче, но хватало рыбы. А море никогда не замерзало. Но море есть море. В непогоду здесь, случалось, тонули, уходили на дно и большие драккары.

Рыбаки перепахивали широкими сетями банку Фрейя вдоль и поперёк. Командовали ими, конечно, вольные люди Бёльверка; они держали своих подчинённых, как говорится, на коротком поводке, чтобы те не разбежались. Сами они старались жить по возможности в достатке – многие из них были в прошлом викингами, пусть и не очень удачливыми, но держать меч в руках умели. С промысла привозили рыбаки всякую рыбу: большеголовую треску, жирную сельдь, мясистую зубатку и считающегося весьма ценным палтуса. На обратном пути к дому рыбаки заходили в фьорды, там ловили форель, лосося – красную вкуснейшую рыбу – сёмгу.

Снорри, Локи и Бьярма

Стověсельный драккар причалил к острову Фрейя неожиданно. На носу драккара всему окружающему свету грозил самым своим устрашающим видом дракон Гундыр. Без него ни один драккар не выйдет на морской простор. Это был действительно боевой драккар, предназначенный для больших дел. Люди на нём – поголовно отчаянные воины, рвущиеся в огненную стихию будущих битв.

Опустошать хозяйство Бёльверка они, однако, не стали – с ними был Эдвин Сильная Рука: он за короткое время посетил несколько островов и собрал викингов – в коих недостатка не было – для дальнего плавания. Молодым норманнам надоело возиться в домашнем хозяйстве, они стремились в новые места, чтобы силой овладеть ими и быстро разбогатеть или... так же быстро встретиться с богом Одним в его царстве. Эдвин Сильная Рука сам был одержим тем же стремлением. Команда быстро собралась, приобрела – за хорошие деньги – этот мощный драккар: в королевствах Скандинавии драккары – дорогой, но ходовой товар.

Естественно, собравшиеся в боевой поход признали за Эдвином верховенство, а получение высокого звания конунга на соответствующем совете впрямь оставалось лишь делом времени. А в общем команда по сути единодушно полагала: после первой же решающей битвы быть Эдвину конунгом в какой-нибудь завоёванной земле Европы. Может, на земле франков, в Англии или же в землях древнего Рима: осесть, пустить корни в тёплых южных землях мечтали многие из них. Кто окажется их противником – неважно, об этом даже и разговор не затевался – сил было достаточно, когда вся Скандинавия устремилась на завоевание Европы. А Эдвин Сильная Рука посещал ещё Исландию, гостил у брата, но там не остался; с мечом в руках высаживался в Ирландии, а потом добирался даже до самого этого таинственного Бьярмаланда, до страны, куда любой, ясно, не пойдёт, ведь все жители там – чёрные маги, волшебники и колдуны; одним мечом их ещё и не одолеешь, нужно что-то ещё. А что?.. Этого никто не знает.

...Викинги пробыли в Нур-Фрейе, в хозяйстве Бёльверка, два дня. Бёльверку пришлось снабдить отправляющихся в боевой поход викингов достаточным количеством мяса, рыбы, хлеба, тёплых шкур. Эдвин расплатился с отцом. Викинги знают: расчёт строже – дружба дороже. Родители благословили сына и его команду; мать, конечно, расстроилась, но сдержала слёзы – всё-таки мать викинга.

И вот – под красно-белыми парусами – драккар взял курс на запад. В том направлении, где лежит Англия. Не одна сотня драккаров в эти дни держала курс в том же направлении.

...А что делалось в хозяйстве Бёльверка? Два взрослых работника и трое их юных помощников – Снорри, Локи и Бьярма – пасли овец на лугу вдоль широкого залива. Бьярме эта работа была знакома. Его поставили в дальнем конце луга, чтобы овцы не перешли в чужие владения. На сравнительно небольшом острове вся земля была поделена со скрупулёзной точностью – до последнего камня или кочки. Дующий с моря ветер в летнее время отгонял от животных и пастухов надоедливый гнус. Сами овцы – большинство – были белого цвета и виднелись издали. Пастухи пересчитывали их каждое утро.

А каждое утро приносило с собой что-то новое, не всегда хорошее. Вот, напри-

мер, что случилось в один из дней. С утра дул надоедливый северный ветер. Бьярма уже несколько дней мастерил себе лук: нашёл длинную стройную ветку можжевельника, приложив немалую силу, согнул её, натянул тетиву из оленьего сухожилия – кто-то из работников научил. Всё это делал в хранилище драккара, где и нашёл всё необходимое. Стрелы настрогал из соснового полена – длинные, прямые. Несколько железных наконечников, найденных где-то, подарил ему его новый товарищ Снорри: он уже давно живёт на острове, потому больше Бьярмы тут всего повидал и знает. Снорри и Бьярма подружились со дня знакомства. А вот с третьим из их тройки – Локи – отношения у Бьярмы не заладились. Снорри, кстати, заранее предупредил: тот всегда готов чем-то напакостить, задирист, особенно с теми, от кого не получит отпора, лучше держаться от него подальше. Бьярма, как говорится, намотал на ус это предупреждение Снорри.

...На родине Бьярма приносил из пармы лесную дичь: рябчиков, а порою – тетерева или даже глухаря. Мать тогда хвалила; отец, напротив, одёргивал её: «Не порть парня, ему не баловаться этим надо, но пора начинать всерьёз охотиться, самому добывать пропитание. Да поможет ему наша Зарань!» Но такие слова тоже были своеобразной похвалой.

Но то – на родине. В своей сторонке жить – в радость. А вот на чужой земле разлука с родными-земляками камнем давит на сердце. С четырёх сторон – бескрайнее море – суровое, холодное. При распределении земельных наделов было установлено: длина острова – около недели пешего ходу, ширина – дня три-четыре. По сравнению с раскинувшимся на тысячи вёрст морем размеры острова совсем не впечатляли. Даже если на нём собьёшься с пути – всё равно не потеряешься. И таёжной душе тесно, когда ты со всех сторон зажат бесконечными морскими просторами.

...Осенний день – короче клюва воробья. Бьярма сидел у костра и заканчивал плести из бересты колчан для своих стрел. Работа увлекла его; от костра шло тепло. Овцы паслись, напоминая о себе редким бляеньем: они знают своё дело и не стремятся куда-то убежать. Близилась ночь, но спать даже не хотелось, не то что – не спалось.

...Локи словно из-под земли вырос:

– Занимаешься ерундой, а две овцы исчезли! Взрослые пастухи уже знают, ругаются. Бёльверк Ярл с нас шкуру спустит!

Бьярма встал. К ним подбежал и Снорри:

– Большие пастухи спорят, не знают, что делать. Такое очень редко бывает – я даже не помню ни одного случая.

Не зря говорят: чего не ждёшь, то и случится, причём неизвестно – откуда беда придёт. Бьярма даже весь съёжился.

Жалобно скуля, прибежала к костру собака пастухов Тади. Локи шагнул к ней и со злостью пнул ногой. От удара собака упала, беспомощно растянувшись. Бьярма тотчас бросился защитить пса:

– Нельзя издеваться над собакой, срывая на неё злость – она не виновата!

– А ты ещё и учить меня будешь?!

И следом Локи бросился на Бьярму. Этот миг сразу напомнил Бьярме нападение викингов на молельню Зарань. Тогда так же яростно каждый викинг бросался, стараясь завладеть богатствами богини Биармии Зарань. Локи с налёту силь-

но ударил Бьярму по лицу, но почти мгновенно получил ответный удар. Они сцепились друг с другом и, покотившись клубком, едва не угодили в пылающий костёр. В пылу схватки старались уловить момент и место для особенно болезненного удара, колотили друг друга до изнеможения. Лицо Локи со взглядом исподлобья уже выдавало эту усталость, он явно тяжело дышал. А всё же продолжал ловить возможность для последнего решающего удара, стремясь враз закончить драку победой – чтобы Бьярма, не устояв на ногах, растянулся на земле, как собака Тади. Локи схватил из костра горящую головёшку и размахнулся...

Но горевшая почти во всю длину толстая ветка вдруг выпала из рук Локи от неожиданного удара по ней палкой: то вмешался Снорри, наблюдательный и сообразительный Снорри ждал момента, когда можно и нужно было разнять дерущихся; и вот настал момент, когда и мешкать уже было нельзя. Он разнял их, хотя Локи и Бьярма ничуть не помирились и снова горели желанием продолжить схватку. Желанием-то горели, но возможности сделать это немедленно не имели – у обоих уже не было сил. Измотанные вконец, они лишь горящими глазами обжигали друг друга.

– Ну и что дальше, парни? – спросил их Снорри. – Дракой дела не решить, овец так и так нет. Надо б подумать, кто и что с ними сделал. Я думаю: волки с наших лесистых холмов – тут уже замечали небольшую стаю. А если они начали разбойничать, могут напасть ещё не раз...

А Бьярма пожалел побитую собаку: отдал Тади свой паёк – кусок ржаного хлеба, осмотрел на теле пса раны и накрыл его козлиной шкурой. Собака благодарно смотрела на своего защитника. А Бьярма при виде Тади вспомнил свою оставшуюся на родине собаку Вердысь. Если по-хорошему, охотничья собака себя ещё покажет. С чего она попала в немилость – непонятно; ведь если посмотреть ей в глаза – явно толковая.

...Всё прояснилось на следующий день. От Бёльверка сперва досталось всем. Овечьих пастухов – двух взрослых и трёх юных – наказали плетью, плетью длинной, гибкой, но тяжёлой, свитой из полос кожи. И пообещали повторять наказание каждый день, покуда не найдутся пропавшие животные. А откуда они найдутся?.. Со взрослых пастухов спрос больше, потому и допытывались у них насчёт овец особо. В конце концов один из них раскаялся в том, что они сами – вдвоём – украли овец: утащили в сторону и спрятали в небольшую каменную пещеру. Хотя не каждый драккар останавливался у острова; но издали увидев белых овец, мореходы останутся непременно, им пастухи и намеревались продать краденых овец.

Вот почему Тади не лаяла – овец украли сами сторожа. Даже в голове собаки, наверно, не укладывалось, что два человека, призванные стеречь овец Бёльверка, сами же и навредили своему стаду. Этого и Бьярма никак не мог понять. Дело прояснилось, но с Локи они так и не помирились.

Бёльверк Ярл обратился к конунгу Бергнаару Медлительному Языку и предложил ему для работы в гранитной каменоломне двух этих работников. В той каменоломне работали люди, совершившие преступление. И теперь Бёльверк, в полной власти которого были эти два работника, обрёл их на тяжкий труд в каменоломне, из которой никто не возвращался. Никогда.

Схватка в защиту своего языка

Начались снегопады, и Бёльверк велел перевести овец в зимние помещения. Вместо двух проворовавшихся пастухов он поставил новых. А трёх подростков оставил. В летний сезон овечьё стадо приближалось к соседним стадам, рискуя в какой-то части перемешаться с ними; поэтому было велено снова пересчитать и пометить своих овец, делая метки на их ушах. На это у пареньков ушло несколько дней.

В один из таких дней Локи нашёл повод снова придрататься к Бьярме. Чтобы овцы не боялись процедуры подготовки их к будущему сезону и не шарахались в стороны, Бьярма обходился с ними мягко, разговаривая, как с людьми, ласково, как бы увещевая, уговаривая не пугаться людских действий. И при этом он не заметил, как перешёл на язык коми людей. И даже когда при этом Локи крикнул ему что-то, Бьярма по инерции ответил ему на родном языке. Локи ещё больше рассердился, так как считал себя старшим в их маленькой группе, Снорри же и Бьярма без крайней нужды этому не противились.

– Эй ты, сопливый лопарь, человеческий язык что ли забыл?! – крикнул Локи. – Твоё хрюканье даже овцы не понимают!

Такого унижения Бьярма ещё не переживал, даже плоть Бёльверка была менее болезненна. Он встал напротив Локи, вынул из ножен недавно доверенный ему нож, бросил его себе под ноги. Локи всё понял: у викингов принято, чтобы перед потешным турниром для широкой публики дуэлянты освобождались от оружия, боевых принадлежностей. Бьярма тоже успел узнать порядок такого турнира, который был демонстрацией простой силы-ловкости, а не кровавой дракой. Тем более – Локи иногда хвастался, что он – викинг, – в отличие от Снорри, не говоря уж о Бьярме. Правда, иногда такие турниры завершались кровопролитием, но с этим мирились, поскольку схватка становилась ярче, зрелищней.

Локи ухмыльнулся и принял вызов. Теперь он жаждал окончательно разделаться с этим несговорчивым парнишкой из Биармии.

Бьярма первым нанёс удар, собрав в душе всю накопившуюся к Локи злость. Локи пошатнулся. Но Бьярма знал, что Локи, без всякого сомнения, тоже в полной мере даст волю рукам, и ничего хорошего в ответ от него ждать не стоит. Локи устоял на ногах, издал какой-то ободряющий самого себя боевой клич и тотчас перешёл в атаку. Он старался бить непрерывно, хотя не всегда попадал, а чтобы выбрать позицию для более точного и сильного удара, постоянно кружил вокруг Бьярмы. Снорри стоял в стороне и не вмешивался в эту яростную драку, ведь это бой один на один. Овцы тем временем разбрелись кто куда, и именно Снорри пришлось их удерживать, не давая расходиться далеко, сбивая назад в стадо. Зато он рисковал упустить из виду происходящую в поле его зрения драку. А юные соперники били друг друга изо всей силы, и чем дальше, тем больше их удары приходились куда попало, в самые разные места: в лицо, в грудь, в подбородок, даже по ушам. Они, правда, старались уберечь от ударов живот, но и туда попадали друг другу рукой или ногой. Оба время от времени падали, но и на земле продолжали колотить друг друга с неутихающей яростью.

Взрослые работники, посланные собрать овец и отвести их в зимнее помещение, издали смотрели на драку подростков, но не вмешивались; им даже нравилось это зрелище.

А двое противников дрались молча, не тратя сил на слова. Бьярме с какого-то момента стало казаться, что он защищает от викингов родную Биармию, своих родителей, сестру Шаньчу, богиню Зарань. Надо обязательно победить, другого исхода у этой схватки не может быть! Надо защитить доброе имя своих земляков в Биармии. Да, они все там – свои, несмотря на различие в говорах; ведь на обширных просторах Биармии они все могут понять язык друг друга – в каких бы уголках её ни жили!.. После драки должно многое измениться, стать иным!

Дерущиеся встали друг к другу лицом, чтоб отдышаться и броситься в бой с новыми силами. Бьярма пришла в голову услышанная когда-то молитва:

Живой огонь,
Прошу: пойми,
К отцу и матери беги,
Родную землю обними,
В беде – их силой – помоги!

Прошлое, как в калейдоскопе, мелькало перед глазами. Опять вспомнилась собака Вердысь, которая, по рассказу отца, бросилась на волка, словно выпущенная из лука стрела... С такой же яростью Бьярма бросился навстречу противнику, отчего тот испуганно съёжился, начал искать на земле свой нож, нащупал, схватил. Бьярма буквально рассвирепел от столь нахального нарушения неписанного правила викингов – это уже не игра, не простой турнир! Бросился – как Вердысь на волка. Стал бить-молотить, позабыв всё на свете. Скорее победить, только тогда эта отчаянная драка закончится, не успев перейти в поножовщину.

Снорри был, конечно, явно на стороне Бьярмы. До этого противоборства он считал Бьярму слабее себя, но теперь постепенно стал осознавать, что Бьярма способен защитить не только сам себя, но и других, пожалуй, тоже.

...Ещё от одного удара Локи резко пошатнулся и упал. Бьярма поднял свой нож, убрал его в ножны; затем поднял нож Локи, который уже почти был в руках его владельца, и демонстративно бросил его под ноги Локи. Локи не стал продолжать драку. Бьярма ещё немного постоял настороже, не трогаясь с места. Ненависть к Локи стала как-то незаметно исчезать. В голове же родилась совсем другая мысль: Локи такой же подневольный работник, как и Бьярма. Правда, поговаривают, что можно откупиться от Бельверка за крупную сумму денег; но кто же – и за что – даст такую сумму мальчишке? Может, проплывающие в драккарах богатые викинги, если счастливый случай подвернётся?

И ещё одно пришло в голову: слово, обращённое к родной земле и предкам, даёт дополнительные силы, когда это вдруг потребуется. Он сам такое только-то ощутил, вспомнив старую молитву предков.

Все трое молчали. Бьярма всмотрелся в своего яростного противника и изумился: на лице – синяки, в одном месте – кровь, одежда местами порвана.

А Снорри удивлённо смотрел на Бьярму:

– Лица у тебя толком не видно, оно распухло и в синяках, таким его нельзя оставлять, надо как-то поправить вид. Да и одежду эту уже не поносишь. Вот это да – и на войне так не бьются!

А в общем – никто не победил, никто не побеждён.

Локи встал, сунул нож в ножны, исподлобья посмотрел заплывшими глазами на Бьярму:

– Мы ещё встретимся с тобой, бродяга из Бьярмаланда!

И он поспешно пошёл прочь, чувствуя по напряжённой фигуре Бьярмы, что у него, в отличие от самого Локи, ещё остались кое-какие силы.

...Загнав овец в зимние помещения, где для них взрослыми работниками было заготовлено достаточное сена, юные пастухи разошлись по своим углам. Бьярма заметил у себя в углу несколько ржаных колобков и что-то похожее на квас – в маленьком тусеке. Проворчал: «Молока пожелели. Так и ноги протянуть запросто можно!»

А Снорри и Локи зашли в избу хозяина и плюхнулись на лавку возле двери. В этом углу, отгороженном занавеской, можно было перевести дух. На долгий отдых, конечно, рассчитывать не приходилось.

С улицы зашёл Бёльверк, мимоходом посмотрел на своих работничков и не удержался от сочной скандинавской матерщины, спросив у Локи:

– С кем сцепился? Волк, что ль, напал?

– С Бьярмой, – нехотя признался Локи.

– Ого!.. А ты, Снорри, позови-ка сюда Бьярму!

Придя, Бьярма выжидающе встал у двери.

– Эге-ге!.. Да вы оба одинаково украшены. Чего топчешься у двери?

– Звал меня, Бёльверк Ярл?

– Поперёк батьки в пекло хочешь влезть, щенок? – Бьярма молчал. – Локи – мой раб и ты тоже – мой раб. Я могу проучить вас плетью за любую вину... и без вины. А вы... Из-за чего сцепились? Что делили?

Первым встрял Локи:

– Бёльверк Ярл, он говорил на своём языке, который ни мы, ни овцы не понимают...

– Ты всё ещё не знаешь нашего языка? – надвинулся Бёльверк на Бьярму.

– Знаю. Но я работаю, делаю всё, что с меня требуется, и хочу, чтоб и мой язык иногда слышали... И понимали.

– Щенок! – взревел Бёльверк. – Вон чего ты хочешь! Не слишком ли много?

– Мой язык вошёл в меня с молоком матери, с рождения. Но ведь и здешнему говору я научился. И работы делаю не меньше других, – Бьярма покосился на Локи.

Бёльверк снова распалился, взял в руки до боли знакомую уже всем плётку и стеганул ею по спине Бьярмы – раз, другой, третий...

Хеймдалль скальд

В ту же минуту дверь открылась и в комнату вошёл Хеймдалль скальд – человек известный и на острове Фрейя, и по всей Скандинавии: на острове Готланд, на полуострове Ютландия, в Хельгеланне, в Хордаланне, в Ругаланне. Жил он к западу от хозяйства Бёльверка, в местечке Титран. Это – оконечность острова, туда ведёт узкая дорога. Прибыв издалека, видимо, он завернул отдохнуть. Может, идёт и от самого Хельгеланна. У скальда своё небольшое хозяйство, но ему и в нём помогают соседи, в том числе – конунг Боргнаар Медлительный Язык. От дружбы со скальдом и друзьям перепадает какая-то часть его славы, с талантливыми скальдами стоит дружить – это стало традицией по всей Скандинавии. Её придерживался и Бёльверк.

...Скальд учтиво поздоровался, Бёльверк ответил на приветствие, кашлянул и отослал из дома своих молодых работников. Отбросил в сторону плётку. Он впрямь уважал Хеймдалль скальда, чьи саги и песни знал сам конунг Боргнаар Медлительный Язык. Руны скальда, по слухам, обладали целительной силой; и кто знает, какие ещё чудесные свойства есть у всех его произведений!..

– Хорошему поведению учишь молодых людей, Бёльверк Ярл? – иронически улыбнулся скальд.

– Иногда это нужно, – проворчал тот; и тотчас велел накрыть стол для достойного человека.

Женщины стали спешно готовить угощения. А за столом своенравный бывший викинг Бёльверк и сухощавый, рассудительный, со светло-серыми волосами и бородой, Хеймдалль скальд повели разговор обо всём понемногу.

– Молодые викинги заспорили? – с вопроса начал скальд.

– Я им ещё покажу! – погрозил кулаком Бёльверк.

– Что-то они не поделили? – скальд бросил взгляд на брошенную плётку. – Смелость викинга рождается вместе с ним самим, что в этом плохого? Значит, было им за что драться.

– Пареньку из Бьярмаланда, видишь ли, не понравились нападки на его язык, – Бёльверк снова кашлянул, – на бьярмаландский. Медленно он привыкает к нашему языку.

– Любой язык – от богов. А в Бьярмаланде – свои боги.

– Мне нужен работник. Может и вообще молчать, лишь бы работал изо всех сил – за это я кормлю. А что выйдет потом из этого парня из Бьярмаланда – даже плётка моя не знает... – хмыкнул Бёльверк.

– Я слышал: двух работников ты отдал конунгу Боргнаар Медлительному Языку?

– Что поделаешь, – Бёльверк вздохнул. – И так мы уже немногочисленны; а теперь на нашем острове Фрейя нас и вовсе всё меньше остаётся.

– Да, верно ты сказал, – согласно кивнул Хеймдалль скальд. – На острове Фрейя большинство его жителей уже спит в земле под покровительством богов. Сам знаешь: тело бrenно; но у души век бесконечен – это бесценный дар человеку от наших богов.

– Да, это так, уважаемый скальд.

– Но, Бёльверк Ярл, как говорится, нет худа без добра. Вместо двух провинившихся работников Боргнаар Медлительный Язык подарил тебе четырёх работников, которых ты сам выбрал.

– Конунг – добропорядочный человек, мудрый. Да и попросить, конечно, пришлось.

– Мы все перед богами – просящие. И так будет до конца времён.

– Ты человек умный, Хеймдалль скальд. А мы-то много ли чего знаем...

Скальд посмотрел в окно, продекламировал:

– Солнце не знает,
Где его дом.
Звёзды сверкают
В небе ли том?
Собственной силы
Не знает луна.

К богу, мой милый,
Тропа не видна...
Нам не дано знать всё.

– Да, то лишь боги знают...

– До тех пор, пока сумерки не проникнут в их жизнь. Но это ещё очень далеко, – задумчиво заметил скальд. – А теперь у меня есть просьба.

– Со всем вниманием слушаю тебя, Хеймдалль скальд.

– Не отдашь ли ты мне защищающего свой язык парнишку из Бьярмаланда? Он, полагаю, может многое рассказать мне о своей удивительно загадочной Биармии. Заметь: люди Бьярмаланда кое в чём на нас похожи: гибнут в бою, но пощады не просят; не хнычут, если попадут в плен. Вот и...

– Но, Хеймдалль скальд...

– Угадываю твою мысль, Бёльверк Ярл. Нам жить перед взором богов, и об этом я подумал. У тебя много овец, но луга твои кончаются ещё до реки Торн. А пусть твои луга будут до самых берегов реки Торн. Получится и естественная, богом данная, изгородь: овцы дальше реки не пойдут, а твои сочные луга будут шире.

– Ты талантливый скальд, и у тебя голова полна мудрости...

– Одно надо учесть, уважаемый Бёльверк Ярл. Пусть у нас не получится обмена лугов на живого человека, ибо подневольный работник – он тоже человек. А – отдай мне трёх овец, словно мы просто обменялись подарками.

– Да хоть четырёх!

– Нет. Трёх, Бёльверк Ярл.

Собеседники ударили по рукам.

Назавтра утром Бьярму проводили к новому месту жительства.

А что особо провозжать-то?.. На теле одежда, собранная из старых шкур, на ногах – лёгкие коты, шапчонка старая, но тёплая – и это уже хорошо. Свой лук со стрелами взял с собой; а нож Бёльверк не отдал; до последних минут он держал в руках кнут, но на этот раз не решился хлестнуть.

– Когда ты появился здесь, он тебя плетью благословил, чтоб не сглазили, и это уже – ладно, – пошутил Снорри. – Плётка доставалась каждому, кого приводили к нему как нового подневольного работника – чтобы знал руку хозяина. И я, и Локи вкус плётки тоже хорошо знаем.

Снорри и Бьярма попрощались, хлопнув друг друга ладонь в ладонь. Снорри оказался добросердечным светлым человеком, и Бьярма с сожалением расстался с ним.

Потом он постоял на берегу реки Торн. Несколько в стороне от этого места, как он знал, есть мост; направился к нему. Вдоль берега уже плыли льдинки. Ещё на родине он слышал поверье: если войдёшь в воду во время ледохода, будешь здоров, а весь сглаз уплывёт вместе со льдом.

Бог помог: у самого берега, на мелководе, заметил оставленный кем-то узенький плотик. Сегодня этот берег ещё принадлежит Хеймдалль скалду, так что переплыть на плотике отсюда через реку – не будет воровством. Он разделся, сложил одежду на плот, оттолкнул его и полез в воду. Река неширокая, так что он быстро достиг противоположного берега, оделся, побегал вдоль реки, чтоб немало согреться, и зашагал дальше, куда ему сказали.

Перевод Юрия Ионова

Продолжение следует...

Вавилов Игорь Александрович

(27.06.1965 – 08.06.2011)

Памяти поэта

Виталий Шахов

Шахов Виталий Петрович родился 24 ноября 1957 года в с. Пожег Коми АССР. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет прикладной математики и процессов управления. Работал главным редактором газеты «Вечерний Сыктывкар», был советником Первого заместителя Главы Республики Коми (1998–99), директором ООО «Фонд информационных технологий» (2000–2004). Ныне свободный журналист.

Бывает тишина стихией

Трудно дались эти строчки. Об Игоре Вавилове писать нужно простыми, ёмкими словами. Так писал он сам: чудесным образом складывая обычные звуки, образы и мысли в музыку стихотворений. Так он жил: просто, честно и красиво. А просто и жить, и писать сложно.

Бригадир Потапов

От одиночества обхвата
Сдуваются мячи в чуланах,
Когда уходят за зарплатой,
Не возвращаясь, мальчуганы,
В единстве места, действия, часа,
Устав ждать паса.

Как-то мы пытались вспомнить момент нашего очного знакомства. Так и не вспомнили.

Перед относительно широкой публикой Игорь появился в образе «бригадира Потапова». Под этим псевдонимом на рубеже лихих 90-х в газете «Вечерний Сыктывкар» стали появляться необычные наблюдения за бурлящим потоком обыденной жизни на переломе эпох.

Мне, как редактору, приходилось «перелопачивать» сотни рукописей самого разного качества и содержания. И даже на фоне довольно ярких текстов талантливых журналистов того времени «простецкие» зарисовки «бригадира» выделялись особой точностью, неожиданностью образов и сравнений. Было понятно, конечно, что автор никакой не «бригадир». В лаконичности, ёмкости и образности небольших по объёму очерков чувствовалось строгое, нежное и трепетное отношение к слову.

Отпечатанные тексты приносил в редакцию наш очень молодой и подающий большие надежды сотрудник Борис Суранов. Он в категоричной форме отказывался познакомить редактора с автором. Ссылался при этом на необычайную скромность последнего. И всё же познакомиться нам довелось. Скорее всего – в лихорадке трёх дней августа 91-го. Дней, которые «потрясли» не только СССР...

Может быть, поэтому нам так и не удалось вспомнить первую встречу. Тогда в стенах редакции и на всяких митингах перезнакомилась куча народу. А, может быть, потому, что почти сразу возникло ощущение «старинного знакомства», не имеющего ни начала, ни конца. Как оказалось, подобное ощущение сложилось не только у меня. На поминках поэта образовалась удивительно пёстрая компания: от тружеников пера и музыкантов самых разных калибров и направлений до вполне «конкретных» воркутинцев, далёких от «мук творчества» в общепринятом смысле слова. И все так или иначе отмечали это свойство Игоря – становиться «своим» сразу и навсегда.

Откуда это? Детство будущего поэта прошло под присмотром мамы, строгой учительницы литературы, и коллективного папы в лице специфически строгой лесозаводской «братвы». Пацан азартно и успешно гонялся с клюшкой (в хоккее играют настоящие мужчины), отслужил в ВДВ (12 прыжков). Параллельно стал автором замечательных текстов к песням гремевшей когда-то рок-группы «Герда».

Конечно, Игорь вспоминал иногда об этих эпизодах: в хоккеисты со страху пошёл, чтобы не бояться; чуть не «обделался» перед первым прыжком и перед последним; в «Герде» солировал, чтобы девкам нравиться... А между тем, наша рок-группа гремела не только в республике. Сам Артемий Троицкий заметил совсем ещё молоденьких музыкантов и предлагал им соблазнительный ангажемент и покровительство. Но, надо было ехать в Москву... Игорь частенько с грустью вспоминал этот эпизод. У большинства потенциальных «звёзд» нашлись глубокие корни в Сыктывкаре и не хватило пороку для рывка в неведомое.

Наверное, особенности склада характера Игоря – обострённые чувства «локтя» и слова, патологическая честность, наивная открытость и глубоко скрытая страсть – образовались из свойств детского сплава. Все эти нюансы стали мне известны гораздо позже, по-

ходя – по ходу многочисленных «тёрок» на самые разные темы. А тогда я даже не очень удивился, узнав, что предприимчивый «бригадир Потапов» не только торгует дефицитными газетами и раритетными рок-журналами, но и заочно заканчивает Литературный институт. Что-то такое подозревал. Попросил показать стихи. И открыл для себя настоящего Поэта.

Группа «Герда». В центре И. Вавилов, справа И. Безносков. Фотография предоставлена редакции И. Безносковым.

Сущность эпохи

Не знаю, в чём она. Петрович вот настаивает, что сначала надо определить её временные отрезки и только потом вести разговор о сущности. Логично, вообще-то.

Его, теперь уже бывшая, считает, что сущность эпохи в научно-технической революции. Тоже вроде верно.

Моя жена склонна думать, что в поголовном безбожии. (Опять-таки, если без определения временных границ, то я согласен и с ней).

Мы эту тему подняли как-то в лесу, на привале. Пошли в начале августа разведать про грибы. Ходили, ходили, нашли в общей сложности два белых, три с половиной красноголовика, ещё несколько похожих на галлюциногены лисичек. Не сезон ещё. Давно уже заметил, если в городе грибами начинают торговать, тогда и в лес можно отправляться. А так, на удачу – результата не жди. Разве что воздухом подышать, да пообщаться.

Где-то далеко в холодном Баренцевом море лежала на брюхе русская подводная лодка. Отовсюду несли ахинею, что с моряками перестукиваются через стенку, всё, мол, в порядке.

– Интересно жизнь устроена, – закусив, заговорил Петрович, – где-то люди под водой гибнут, а мы на природе, отдыхаем красиво. Хотя, каждого из нас ждёт своя подлодка.

Потрясающий стоял день, без примесей, прозрачный и лёгкий. Комары наперебой пронзительно отзванивали (тоже о катастрофе?) друг другу, время ослабилось и остановилось. Сущность эпохи тоже.

Всегда немного виноватая улыбка Игоря была так же неповторима, как его полусолдатская, полуматросская походочка. Трудно было догадаться о страстях и стихиях, бушующих под этой скромной оболочкой. Много становилось яснее из СТИХО-ТВОРЕНИЙ.

Не стану «кидаться камнями». Немногие могут увидеть и признать в живом и простецком парне «с нашего двора» истинного Поэта. С некоторой грустинкой Игорь вспоминал мимолётную оценку такого признанного мэтра, как Андрей Битов. После публикации подборки «Нити тишины» в журнале «Дружба народов» на какой-то очередной тусовке корифей внимательно удивился: «Не ожидал, что где-то в Сыктывкаре живёт и работает поэт европейского уровня... Очень приятно».

Да... А «поэту европейского уровня» в Сыктывкаре довелось не только жить, но и как-то кормить семью. Вечные долги, кредиты, неустроенность, какие-то «халтуры» и подработки. Не мудрено, что в зазор между добыванием «хлеба насущного» и «творением стихий» нередко заползал и «зелёный змий».

Иногда змеюка устраивалась вполне мирно и с хорошими последствиями. Как-то довелось дуэтом исполнить «Прощайте, скалистые горы» в переполненном автобусе (и слух и голос Игорь благополучно сохранил ещё со времён «Герды»). С нас денег за проезд не взяли и даже проводили вполне искренними аплодисментами. Но, большей частью, с этой стороны валились дополнительные проблемы: с зарботками, с семьёй, со здоровьем.

Один из его сборников назывался «Версии смерти, толкования, сны...» Теперь многие склонны толковать его стихотворения в контексте каких-то предчув-

ствий. Размышления о конце и в самом деле присутствуют... Так же, как размышления о начале и продолжении. Своеобычность именно Вавилова в той простоте и естественности, с которой поэт умудряется вложить ёмкие и сложные понятия в простецкие, на первый взгляд, строки.

Станет белым одуванчик,
Разлетится на ветру,
Дедушкой станет мальчик,
И замрёт навек к утру.
Колыбель, постель, могила,
Звукопись согласных «эль»,
Жизни призрачная сила,
Выйдет, как вчерашний хмель.

Но не белый одуванчик
Я, не листик на ветру.
Я – притвора и обманщик,
Буду вечен, не умру.

Нет смысла вот так сразу, по горячим следам, пытаться подробно и полно анализировать творчество Игоря Вавилова. Подробный разбор только одной маленькой зарисовки «Сущность эпохи» требует таких мудрёных терминов, как «смещение стилей», «пласты восприятия», «единство места и действия»... На мой взгляд, перед нами пример прозы двадцать первого века: плотно, образно, просто. Хотя не сомневаюсь, что будут и другие оценки. Просто потому, что понять эту «простоту от размышления» не так уж и просто. А ведь в его «портфеле» не только стихи, но и рассказы, и очерки, и пьесы. «Буду вечен, не умру», – Игорь, как всегда был прав. Нет сомнений, что ещё не одна девушка вздохнёт над его строчками. И найдётся и вдумчивый критик, и благодарный читатель.

Игорь относился к словам строго, трепетно и нежно. Почти, как к женщинам.

Снег – канва,
Следы – крестики,
Или слова,
Вразной, вместе,
Петляющим зайцем.
По законам инстинктов,
С полноводия к старикам,
С полношерстия к линькам,
Но канва мала,
И даётся на раз,
След остыл, ослаб,
Видно, крестик не спас.

И они платили ему взаимностью (большая редкость). С хорошими последствиями (настоящее чудо). Его тишина стала настоящей стихией. Посмею не согласиться с поэтом: «Крестик, всё-таки, спас».

Игорь Вавилов

Вавилов Игорь Александрович – коми поэт. Родился 27 июня 1965 г. в Сыктывкаре. Окончил естественно-географический факультет Коми государственного пединститута. С 1987 печатается в республиканской прессе. Его стихи выходили в коллективных сборниках «Берега», «Звезда забытого завета», «Белый бор», «Открытая дверь», в журнале «Вестник культуры Республики Коми». В 1992 поступил в Литературный институт им. Горького А. М. Зимой 1996 стал лауреатом Первой Всероссийской конференции молодых литераторов, проходившей в Ярославле. После окончания литературного института стал книжным обозревателем, переводчиком произведений коми национальных авторов.

В 1999 был принят в Союз писателей России. В том же году за подборку стихотворений из своих книг вошёл в десятку победителей первого Всероссийского конкурса «Тенета». Публиковался в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Крещатик» (Германия), «Наш современник». Автор поэтического сборника «Строка состояния».

Думы

Метель*

В метели ехали совсем недолго,
Остановились в доме с хозяйкой доброй.
Она показала, где руки вымыть,
И постелила тепло и удобно.
В одна тысяча девятьсот...
Возле печки кот, точки звёзд в форточке,
Пальцы по грифу точно в цель.
Метель.

Легче лёгкого стать горным воздухом,
Набег за набегом совершая в долину,
Камни толкая в бездну вздохом,
Неосторожно, чьего-то сына
Убив до срока его желаний.
Просящий пить, не зная большего,
Что через два дня на третий
Похороны...

Откуда все эти, почему слёзы
Губят память мою, отторгая наркоз.

* Песня из репертуара рок-группы «Герда».

Едва-едва запомнил дорогу
И лошадку, везущую хворосту воз.
Со спутанной гривой она лениво
В гору, с которой церковь опять не видна.
Грива на белом снегу
Черна.

* * *

Бывает тишина стихией,
Навалится и онемеешь сам,
Окаменеешь или улетишь,
Без страха, в вечность...
Так летает стриж,
Невысоко, в предчувствии ненастья,
Меня направления и часто,
В себя вбивая землю.
От удара – грохочет гром.
И нити тишины становятся дождём.

* * *

Ворчит, крихтит издалека,
Трещит на редких поворотах,
С трудом освобождает воду
От тверди долгая река.

Мир будто бы нашёл врага
В огромных, неуклюжих льдинах,
Они друг друга тычут в спины,
В бока, в крутые берега.

Твердь крошится, её несет
под лай собак и гам мальчишек,
Река вот-вот уже задышит,
Затопит берега вот-вот,
И станет полной и неслышной,
Как жизни ход.

* * *

Пошумит и пройдёт –
 Это что до дождя,
Погрешит и помрёт –
 Это что до меня.

* * *

Унылые пути и хмурые леса,
Да грустные глаза гончего пса.
Не живого, а там – на небесах,
Охраняют меня, когда ночь на часах.

* * *

Плохие события делают многое:
Первые – меняют геометрию уклада,
Важные – лица становятся строгими,
Главные – учат не больно падать.

* * *

Русская рулетка
С колокольни в небо,
На последний рупь –
Водки, а не хлеба,
Войны, бездорожия,
Зимы, непогоды,
В голенищах ножики,
В чёрных банях – роды,
В градах древнекаменных
ради глаз кокетки –
в петлю, в пулю, в Каина,
За краюху – в клетки,
Человечье месиво –
дрянь, поэт, мыслитель,
Одержимо бесами,
Помози, Спаситель!

ЗИМА

(Шесть стихотворений)

(1)

Рядом с тобою
и пригоршня риса
застыла.
Это зима начала
восхождение
к Фудзи.

(5)

Превозмогают зиму
набитые людьми автобусы,
строения, звери, воды.
На трескучем морозе
и рыбная ловля уместна
лишь после бутылки «Столичной».

Короток день. Аритмично
возится вечер за место
Света почившего в бозе.

Годы белы и голы,
шеествуют, сраму не имут.
Превозмогая зиму,
Я волочусь за ними.

(6)

Охнула зимушка, остановилась
передохнуть – голова закружилась.
Чует, что снова весной тяжела,
«А шут с ней, рожу – была не была».

* * *

Лошадь берёт рысь
Во все четыре ноги.
Знаешь, первая мысль:
«Господи, помоги!
Не больно упасть и встать,
Чтобы любить вновь,
Жену, дочерей, мать», –
Но глотка кричит – «Но-о-о!»

* * *

Видимо, так повелось:
Где доброта, там и злость.
Видимо, так и жить:
Выбирать между пить и плыть,
Видимо, ты уйдёшь,

Как большинство тоже,
И далеко земля,
И под ногами хлябь.

* * *

Программа минимум – не умереть,
Программа максимум – не постареть.

* * *

Смерть имеет синонимы,
Они конкретны и не так страшны.
Есть предложение не писать
на могильных плитах
столь условные даты,
(причина первой ведь всем известна).
Гораздо лиричнее что-то типа:
«Рак», «Грузовик», «Усталость»,
«Выбор», «Мечь», «Халатность»,
«Гриш», «Расплата».

* * *

Может быть, ты станешь самой долгой,
Встречаю тебя в одежде старой.
Вздвогнув, ты шла по другой дороге,
Вечером...
Я буду играть на скрипке,
Сделанной не по общим правилам,
Пока не привыкну к твоей улыбке,
Ночи...
Раскроются скрытые двери.
Где-то здесь притаилась фатальность,
Неба в глаза летящего веером.
Бог мой..
Ветром стучится в стёкла,
С тобой мне страшно, но страх уходит
При мысли, что ты будешь самой долгой,
Может...

Николай Дьяконов

Дьяконов Николай Михайлович (1911–1982) чужис Яренск уездса Емдін сиктын (Вөлөгда губерния).

1936 воын Ленинградса театральнõй институт помалõм бõрын уджалõ Коми Республикаса драмтеатрын. Ворсõ, пунктõ спектакляс, гижõ пьесаяс: «Джуджыд запань» (1938), «Кырнышгъяс» (1938), «Домна Каликова» (1939) да с.в.

Ёна нимõдис драматургõс 1949 воын гижõм «Свадьба» пьесаыс. Роч вылõ вуджõдõм гижõд серти (вуджõдысыыс – А. Глебов) пунктисны «Свадьба приданнõйõн» спектакль. Пьесасõ и спектакльсõ вылõ донгъялисны – сетисны СССР-са Государственнõй премия. Тайõ гижõд сертиыс лõсõдõисны кинофильм.

1969–80-õд воясõ драматург гижõ: «Куйм багатыр», «Эжва дорса букет», «Зарни медальон», «Нивушка-нива» да мукõд пьеса.

Н. М. Дьяконовлы сетõма «РСФСР-са заслуженнõй артист», «Коми АССР-са народнõй артист» ним.

Воддза действиеяссõ лыддõй 2011 вося мõдõд номерыс.

КОЙМÕД ДЕЙСТВИЕ

Витõд картина

Куручкинлõн участок. Межа вылын ыджыд из чукõр. Вõр дорын тшыналõны бияс. Лун шõр кад бõрын. Юрсõ изгъяс вылõ пунктõмõн узьõ Ирина, чужõмыс и киясыс саõс.

Сы дõнын узьõны Василиса, Авдей, Галя, Мишка да уна кохозник да колхозница. Сõмын õтнас Куручкин юрас кутчысьõмõн пукалõ. Сингъясыс сылõн сувтсаõсь, быттõ мыйыськõ повзьõмаõсь, сийõ видзõдõ кытчõкõ ылõ, ылõ, и весиг синнас оз лапнит. Ириналõн юрыс вешйыштис, изгъяс кутисны киссыны, и сийõ садьмис. Ыджыд кост.

ИРИНА (небыдика). Донаясõй!.. (Гораджыка.) Ёртгъяс! (Гораа.) Дона ёртгъяс!

Ќти бѳрся мѳд кутісны садьмавыны.

ВАСИЛИСА. Ирина, мый тэкѳд?

КУРОЧКИН. Мый горзан?

ГАЛЯ. Вот йѳйыс. Кутшѳм чѳскыда узи...

МИШКА. Ме чайті, мыйкѳ неладно лоѳма.

АВДЕЙ. Сет кѳть узьыштныс. Абу ѳд вѳвьяс.

ВАСИЛИСА. Тэ кѳ збыльыс йѳймин-а?

МИШКА. Синъясѳс восьтыны ог вермы.

ГАЛЯ. Эновтѳй сійѳс. (*Водѳ.*)

КУРОЧКИН (*гораа*). Висьтав!

ИРИНА. Т-с-с-с... Ме садьми! Садьми ме, дона ѳртьяс! (*Синъясыс ѳзйѳны.*)
Садьми!

МИШКА. Унмовсь бѳр, мен узьны окота.

АВДЕЙ. Юрѳй кутшѳм сѳкыд. Кодкѳ быттѳ пес плакаѳн сетыштѳма.

Нѳѳжйѳникѳн водалѳны бѳр.

ИРИНА. Да чеччѳй жѳ ті!

ВАСИЛИСА. Мыйсяма ныв тайѳ сѳсся.

ИРИНА. Татчѳ! Ме дінѳ! Матѳджык! Кутшѳм вѳт ме аддзылі!..

КУРОЧКИН. Но?

АВДЕЙ. Мый, мый?

ГАЛЯ. Висьтав но.

МИШКА. ѳдйѳджык.

ИРИНА. Быттѳкѳ сулала ме сю пытшкын. Гѳгѳр сю! Пом ни дор оз тыдав,
быттѳ саридз! А ме сулала сю пытшкад и радла... радла, а аслам синва визувтѳ.

АВДЕЙ. Шуд водзын, сідзкѳ.

ИРИНА. Ме босьті носѳвѳй и кѳсйи чышкыштны синваѳс...

АВДЕЙ. Оз ков, шудсѳ воштан.

ИРИНА. Друг кыла гѳлѳс, тѳдса да дона гѳлѳс! Дзык батылѳн кодь. Ме бер-
гѳдчи, а ме водзын – Сталин!

МИШКА. Сталин?

ВАСИЛИСА. Лѳнѳй!

ИРИНА. Видзѳдѳ ме вылѳ да нюмъялѳ. «Здравствуй, – шуѳ, – Ирина Степа-
новна».

КУРОЧКИН. Сідзи и шуѳ?

ИРИНА. Да, да. А менам кывйѳй оз бергав, мыр моз сулала.

АВДЕЙ. Сѳрнитыштін эськѳ.

ИРИНА. Топѳдліс менсьым киѳс дай шуѳ: петкѳдлы пѳ ассьыд кѳзьяйствотѳ.

ВАСИЛИСА. Менѳ нѳ мыйла эн чукѳст?

ИРИНА. Энлы. Новлѳдлі ме сійѳс став муяс вывтї: и сю, и ид, и шобдї –
ставсѳ видзѳдїс. Урожай пѳ тїян таво абу омѳль, позьѳ шуны, бур урожай, но абу
рѳвнѳй. Авдей Спиридонович серти пѳ колѳ равняйтчыны.

АВДЕЙ (*кулакнас чышкыштїс син пѳвсѳ*). Со ѳд кыз... А ставыс труд...
Наука да труд.

ВАСИЛИСА. Наука, Авдей Спиридонович.

АВДЕЙ. А кызд жө!

ИРИНА. Пырим ми ськөд мян сиктө...

ГАЛЯ. Ой!

ИРИНА. И адзам...

МИШКА. Мый?

ИРИНА. Авдей дед ю вывсянь ва катө ведраясөн.

АВДЕЙ. Збыль. Сідзи и вөлі, каті төрыт кык ведра.

КУРОЧКИН. Тс-с-с...

ИРИНА. Сталин ёрт дыр видзөдіс Авдей вылө, а бөрыннас юалис: мыйла пө тиян знатной старик тадзи ва кыскалө?

АВДЕЙ. Знатной, шуө?

ИРИНА. Но мый сэтчө шуан? Нинөм эг вермы шуны. И биныд пө тиян абу, пемыдын оланнды. Неужели пө оз позь тайө ю вылас электростанция стрөитны? Думыштлөй пө та йылысь.

ВАСИЛИСА. Правильно. Электростанция лоас – би лоас, и ва кутас ачыс кайны.

ИРИНА. Колхозной клубным мян эз жө кажитчы.

ВАСИЛИСА. Ме мыжаыс. Александр Сергеевич куимысь лэптыліс сёрни клуб стрөитөм йылысь, а ме век кыски.

ИРИНА. Матыстчим колхоз правление дорө. Сталин ёрт нюжөдіс кисө потшөслань дай шуө: «Тайө мый?» Ме видзөда, и аслам синлы ог эскы: потшөс дорын жугалөм телега туплясьө.

ВАСИЛИСА. Эз өмөй на вөчны?

ИРИНА. И мен сэтшөм яндзим лои, мам! Кутшөм лёка на ми көзьяйничайтам тэкөд. Мед пө правильнөя да кужөмөн веськөдлыны ыджыд да сложной көзьяйствоон, колө велөдчыны, кыпөдны культура, осваивайтны сельскохозьяйственной техника. Друг ме пытшкын чужис ыджыд вын! Сьөлөмөй кутис сотчыны! Пытшкөсын ставыс пузис. А Сталин ёрт кыскис зарниөн вышивайтөм ыджыд шаль и сетө меным. А тайө пө мясянь пөдарки свадьба кежлад. Ме нюжөді киөс. Көсийи босьтны...

МИШКА. И мый?

ИРИНА. Садьми.

Ыджыд кост.

КУРОЧКИН. Но мыйла ме татшөм вөтсө ог аддзыв?

АВДЕЙ. Татшөм вөттө оз быдөнлы удайтчыв аддзывны.

ВАСИЛИСА. Тайө абу вөт, а правда.

МИШКА. Шальсө колө вөлі босьтны.

ГАЛЯ. А, гашкө, бөрыннас и босьтис.

МИШКА. Дзик пыр жө колө вөлі унмовсьны бөр, гашкө, нюжаліс вөтыс. *(Серөктөны.)*

АВДЕЙ. Кутшөм бригадалөн киссьөм телегаыс?

ВАСИЛИСА. Васькалөн. Кымынысь шулі: «Ну кузнечаө!» Оз, оз вермы. Ме сылы петкөдла пуж!

ИРИНА. Ме век на дрөжжита.
 АВДЕЙ. Да... Мукөддырйи и вöтыд пöльза вылö.

Вооны Муравьёв да Орлов. Найö сідзжö саёсьоь да мудзöмаоьс.

КУРОЧКИН (*чеччыштö да котöртö Муравьёвлы паныд*). Но, мый?
 МУРАВЬЁВ. Нинöм.
 КУРОЧКИН. Кынми али эг?
 ИРИНА. Спаситім?
 ВАСИЛИСА. Вай висьтав!
 МУРАВЬЁВ. Эз вен мянöс кöдзыдыс! Ми сійöс венім.
 МИШКА. Ура!

Ставыс чеччöны: гажаоьс, збойоьс. Окалöны Муравьёвöс. Сöмын Курочкин усис идзас
 вылö кулöм шой моз.

КУРОЧКИН. Мудзи...

ИРИНА (*локтö Орлов динö да топöдö сылысь кисö*). Атьö тэныд, Сергей
 Николаевич, отсалöмсьыд!

МУРАВЬЁВ. Бур, кор суседыд надёжнöй морт.

ОРЛОВ. Но мый сэн?

КУРОЧКИН. Сöмын öни чувствуйтны кути, кутшöма мудзсьöма.

АВДЕЙ. Бура уджыштін, сідзкö.

КУРОЧКИН. Ті уджалінныд, а ме спасайті асьсым олöмöс.

ВАСИЛИСА. Мый тэ сöран?

МИШКА. Пажун бöрын сійöс босьтлывлö. (*Сералöны.*)

КУРОЧКИН (*сьөлöмсянь*). Ме кö эськö кынми, код тöдас, мый мекöд вермис
 лоны.

АВДЕЙ. Юрыд тэнад пемдыны кутіс, Микулай.

МУРАВЬЁВ. А ме ногөн, югдыны заводитіс.

КУРОЧКИН. Да, да, тэ прав, Александр Сергеевич. Урожай öни менам олö-
 мысь донаджык! Эз удж менö мудзтöд, а весь олöмыс. Ті ставныд узинныд, а ме
 пукалі да öчередьөн лэдзи юр пыр став кызынан восö, кодöс ме олі вöльной свет
 вылас. Ме корси бура воём шобдi тусь, но эг аддзы сійöс. Быд во омöль и омöль.
 Тадзсö öд ме верма кынмыны, кызди вотöм шеп медводдза кöдзыдъяс дырйи.
 Мен вывтi яндзим сы вöсна, мый менам кызынан воыс тыртöм. (*Бöрдö.*)

МУРАВЬЁВ (*локтö Курочкин динö*). Oz ков, Коля. Тэ ещö сöмын на олөмас
 петан, водзын ыджыд олөм! Лэб водзö! Шыблав важ сісьсö! Кутчысь выльö – сійö
 крепьд!

ИРИНА. Вай китö, Курочкин! Ме важөн нин виччыся тайö лунсö!

ВАСИЛИСА. Мунамöй, ёртъяс!

КУРОЧКИН. Водзö!

Курочкинöс кутöны киöдыс да сьылöмөн муноны. Кольöны Сергей да Муравьёв.

ОРЛОВ. Удж вылын чужоны йозыд.

МУРАВЬЁВ. Кор найо гогорвоасны, мый труд сайын став бур олόμεыс. Пуксьы. (*Пуксьоны.*)

ОРЛОВ. Куритчы.

МУРАВЬЁВ. Вай инө, войбыд эг куритчыв. (*Кост.*) Кор нө пируйтыштам?

ОРЛОВ. Ог төд, мый тэ нюждан?

МУРАВЬЁВ. Ме?

ОРЛОВ. А коді нө?

МУРАВЬЁВ. Ме нө сэн мый?

ОРЛОВ. А ме?

МУРАВЬЁВ. А код нө? (*Сералө.*) Тэ мый? Ревнуйтан?

ОРЛОВ. Ог. Тэ готрась. Тэ морт достойной.

МУРАВЬЁВ (*ещо гораджыка сералө*). Вот мый думайтө, и коді? Колхозса председатель!

ОРЛОВ (*сьөлөмяньыс*). Ме некызд ог гогорво, кызд позьо первой радейтны, а бöрыннас серавны.

МУРАВЬЁВ. Ме радейті?

ОРЛОВ. Кык лун сайын на объяснитчин.

МУРАВЬЁВ. Ме объяснитчи?

ОРЛОВ. Да.

МУРАВЬЁВ. Метөг менө готралісны.

ОРЛОВ. Ті сёрнитінныд радейтчөм йылысь.

МУРАВЬЁВ. Да, но ме эг объяснитчы. Другө, менам невестаыс эз на быдмы.

ОРЛОВ. Збыльысь?

МУРАВЬЁВ. Да кызд тэ вермин думыштны?

ОРЛОВ. Саша! (*Уськөдчө Муравьёв дінө, пөрөдө сійөс эжа вылө, пуксьө сы вылө да кучкалө мышкас.*) Ме йой! Йой, йой, йой!

МУРАВЬЁВ. Мыйла тэ менө кучкалан? Тэ кө йой, тэнө и кучкавны колө. (*Шыбитө Орловөс эжа вылө да ачыс пуксьө сы вылө.*) Готрась! Готрась! Готрась! (*Кучкалө сійөс.*)

Пырө Ирина.

ИРИНА. Да тан война!

ОРЛОВ. Коді тайө?

МУРАВЬЁВ (*лэптө Орловөс*). Видзөд!

ОРЛОВ. Ирина!

ИРИНА. Сергей!

МУРАВЬЁВ (*йөткыштө Орловөс Ирина дінө*). Кут да некор эн лэдз вына сойсьыд!

Орлов да Ирина окасьоны.

Вот тайө да!

З а н а в е с.

Квайтӧд картина

Арся шондіа лун. Кустъяс сайын тыдалӧ Эжва ю. Ю сайын – видзьяс. Шуйгавылын тыдыштӧ пызан. Быд пельӧсын ворсӧны, сьылӧны, йӧктӧны. Занавес воссигӧн пара бӧрся пара сьылӧмӧн прӧйдитӧны том йӧз. На бӧрся йӧктӧгтырйи пырӧ Авдей. Сійӧ юыштӧма.

АВДЕЙ (*пleshӧ чышкӧм бӧрын*). Но вот, кор ставыс лючки-ладнӧ, позяс и шойччыштны. Кыздз свадебнӧй пызансайса начальниклы, позяс и горшӧс веськӧдыштны курыдторйӧн. (*Пызан вывсьыс босьтӧ парта вина да рюмка.*) Видлам, кутшӧмджык кӧрыс. (*Юӧ.*) Чӧскыд... Виччысьыштлам, юрӧ кучкас оз. (*Партасӧ бӧр пунктӧ.*) Кад эськӧ и заводитны.

Воӧ Пирогов, сьылӧн лолыс тырӧма.

ПИРОГОВ. Авдей Спиридоныч!

АВДЕЙ. Мый?

ПИРОГОВ. Пызаныс гӧтов?

АВДЕЙ. Он ӧмӧй аддзы?

ПИРОГОВ. Кымын персона вылӧ?

АВДЕЙ. Чукля кывйӧн эн сёрнит. Куимсӧ дас ӧти вылӧ.

ПИРОГОВ. Содты ещӧ кызь нельӧс.

АВДЕЙ. Мыйла сідз?

ПИРОГОВ. Гӧстьяс воаласны став районсянь!

АВДЕЙ. Став районсянь?

ПИРОГОВ. Аддзылӧн, кутшӧм честь!

АВДЕЙ. Распорядитча. (*Кӧсйӧ мунны.*)

ПИРОГОВ. Да, Авдей Спиридоныч!

АВДЕЙ. Мый ещӧ?

ПИРОГОВ. Районнӧй руководствоыслы колӧ эськӧ бурджык пызан лӧсьӧдны.

АВДЕЙ. Колхознӧй эмбур – ставыс бур! (*Кӧсйӧ мунны.*)

ПИРОГОВ. Авдей Спиридоныч!

АВДЕЙ (*дыша*). Но?

ПИРОГОВ. Абу-ӧ тэнад, кыздз начальниклӧн, нейджыд резерв?

АВДЕЙ. А кыздз жӧ. Резервтӧг овны оз позь.

ПИРОГОВ. Видзӧдтӧ... Мен, кызди дружкалы, ковмас, буракӧ, макнитны речь, а гӧлӧсӧй сибдӧма, пожйыштны эськӧ...

АВДЕЙ. Речь кутӧм водзвылын пожъявны оз позь.

ПИРОГОВ. Да кутшӧм сэн речь! Ковмас горӧдны ура! Либӧ горько!

АВДЕЙ. Сідз эськӧ и шуин, медым гораджык лой гӧлӧсид. (*Кисьтӧ да сетӧ Пироговлы.*)

ПИРОГОВ (*юыштіс*). А! Лӧсьыд вина! Вечнӧй память изобретательыслы! Аттӧ, начальник!

Пырӧ Василиса.

ВАСИЛИСА. Авдей Спиридонович, колӧ лӧсьӧдны...

АВДЕЙ. Кызь нель морт вылӧ? Лӧсьӧда. (*Мунӧ.*)

ВАСИЛИСА. Но, кыздз, сваток?

ПИРОГОВ. Нинём, тьощаёй!

ВАСИЛИСА. Радлун да гаж талун лоас!

ПИРОГОВ. Этатшөм ыджыд свадьба аслам нэмын эг на аддзывлы!

ВАСИЛИСА. А приданнойыс, приданнойыс кутшөм!

ПИРОГОВ. Дай и жөникыд эз кольччы! (*Кост.*) Но, а кыздз нө ми?

ВАСИЛИСА. Лөсьөдчы верөс сайё.

ПИРОГОВ. Гөтрасьны эськө...

ВАСИЛИСА. Колхозникъяс обидитчасны. Бригадирөс сеті и ачым пета. Оз артмы тадзнадтө, Семён.

ПИРОГОВ. И сійö збыль.

ВАСИЛИСА. Свадьба вөчны ми огө кутө.

ПИРОГОВ. Ас кадө свадьбуйтім нин. Пукся ме тэнад аэродром вылө, лэптам рюмкаөн миян шуд вөсна и ставыс.

ВАСИЛИСА. А приданной?

ПИРОГОВ. Да мый сэн приданной. Урожай...

ВАСИЛИСА. Да мый урожай... Öддзөдім кө нин, огө сувтө.

ПИРОГОВ. А мый нө?

ВАСИЛИСА. Съөд юөс потш да сувтөд электростанция.

ПИРОГОВ. Ок, тэ! Чөрт мед менө босьтас!

ВАСИЛИСА. Повзин?

ПИРОГОВ. Мөдарө! Ошка! А тэ мый вөчан?

ВАСИЛИСА. Клуб да парк!

ПИРОГОВ. Лөсьыд!

ВАСИЛИСА. Кыкнансө отлаын сувтөдам. Ме нин сёрниті зятъкөд.

ПИРОГОВ. Кыкнадтө сувтөдам. (*Кост.*) Но, пукся ме тэнад аэродром вылө. Кытчө жө тэ менө индан?

ВАСИЛИСА (*сералө*). Замө пуксьөда строительство кузя. Вай китө!

ПИРОГОВ. На! Чөрт сыкөд!

ВАСИЛИСА. Вот и ладмим.

ПИРОГОВ. А өні, гашкө, и окыштны позьө?

ВАСИЛИСА. Видлы.

ПИРОГОВ. Эк! Чөрт сыкөд! (*Окасьоны.*)

Котөрөн пырө Курочкин.

КУРОЧКИН. О, енмөй! Ещө өти свадьба! (*Петө, но окасьөм бөрын бөр пырө.*)
Василиса Павловна, представительяс воисны!

ВАСИЛИСА. Көнөсь?

КУРОЧКИН. Александр Сергеевичкөд сельсөветө мунісны.

ВАСИЛИСА. Мунам. (*Мунө.*)

ПИРОГОВ. Дружка!

КУРОЧКИН. Мый?

ПИРОГОВ. Тэ тан гаж йывсьыс эн вунөд.

КУРОЧКИН. Эн пов, дружка!

Пирогов мунö. Котөрөн воö Мишка.

МИШКА. Гижсыны мунисны. (*Кашкө.*)

Мöдар боксянь пырö Люба.

КУРОЧКИН. Люба! Люба! (*Котөртö Люба бöрся.*)

Пырö Авдей.

АВДЕЙ. Эг думайт и эг чайт, мый татшöм олöм воссяс. Господьöй-енмöй! Гажыс, гажыс мыйта!

Пырö Похлëбкин.

ПОХЛËБКИН (*аддзö Авдейöс*). А!.. Авдей Спиридоныч! Донъявны позьтöм сусед! Чолöм, чолöм!

АВДЕЙ. Мыйкö ог аддзы...

ПОХЛËБКИН. Степан Ильич Похлëбкин.

АВДЕЙ. А!.. Здорово, здорово.

ПОХЛËБКИН. Желайта тэныд, Авдей Спиридоныч, сё во овны. Йöктыны-сьывны! Томмыны-гажöдчыны!

АВДЕЙ. Кувны ог лöсьöдчы.

ПОХЛËБКИН. Менам другöй, вөлöмкö, гөтрасьö. Öти пельön кывлi, збыль абу?

АВДЕЙ. Он öмöй аддзы?

ПОХЛËБКИН. Ай, Сергей, Сергей. Öтлаын быдмим, дружитим, воюйтим, а свадьба вылö эз кор.

АВДЕЙ. Кортöм гөсть, сiдзкö?

ПОХЛËБКИН. Нинöм, кортöм кö, Авдей Спиридоныч. Ме ачым вои. Друг дiнö да не локны свадьба вылö? Ха, ха, ха... Пируйтыштам лун-мöд!

АВДЕЙ (*видлалö Похлëбкинлысь пинжаксö*). Бумажнöй, тыдалö.

ПОХЛËБКИН. Да... бумага... шерстькöд.

АВДЕЙ. Бумажнöй шерсть, сiдзкö? Но, нинöм, служба серти и паськöм.

ПОХЛËБКИН. Карыд требуйтö лоск.

АВДЕЙ. Нинöм ог шу, ёнакодь лöсталö. Ми тай со тан шерсть новлам.

ПОХЛËБКИН. Шуöны, тэ пö начальник талун?

АВДЕЙ. Пызанön заведуйта.

ПОХЛËБКИН. Тэ нин кыдзкö, Авдей Спиридоныч, бурджык места мен лöсьöд, жöник дорас. Важ друг, ачид гөгөрвоан.

АВДЕЙ. Помнитчö мен, быттьökö тэ тан верöс сайö петалин?

ПОХЛËБКИН. Да... Но эг ладмö, юксыны ковмис.

АВДЕЙ. Дерт. Мöстö гөтырыдлысь винаön юин, порсьнад закуситыштiн. А бөрвылас, некодлысь юасьтöг, карö лэбыштiн. Сiдз абу?

ПОХЛËБКИН. А тэныд кутшöм мог?

АВДЕЙ. Да, кодi нö тэ та бöрын? А со кодi: пинжакыс лöсталö, кынöмас төв шутьялö, а юрас кыдъя рок, буракö! Со тэ кодi эм öни. Кывлин? (*Похлëбкин чöv*

олё.) Дезертиръяслы абу местаыс колхозной пызан сайын. Тан празднуйтоны честной йёз! Лок бөр колхозо да витсё кымын трудодень мыськовт, сэки и милости просим! А öни мун Эжва сайо да сэсянь видзод, кызди мян колхозникъяс гажодчоны.

Похлёбкин мыйкó кóсийс шуны, но эз вермы, мунис.

АВДЕЙ. Да тэ эн кóть думышт гусявны мыйкó пызан вывсьыс! А то öд менам синмыд ёсь! Öти здукон бумажной пинжак вылад делó вурышта!

Пырö Мишка, гудóка, а сы бóрся сьылгтырйи пырöны баянистьяс,
нывъяс, зонъяс, ставыс гажаоьс, томoсь.

МИШКА. Нолтö, зонъяс, нывъяс, йоктыштамöй! Паськөдлöй гудокъястö! *(Танецö орөдö кóлөкóльчиаслөн зэльгöм. Мишка кайис пу йылö.)* Вооны нин! Медводзын жöник да невеста! Курочкин ямщикалö! Мод пара вылас мян председатель партийной секретаркөд. Семён Иванович ямщикалö! Коймод вылас тодтöм йöз. Гостьяс, тыдалö. Нельöд, витöд, көкъямысöд, дасöд, дас витöд. Дас вит пара.

АВДЕЙ. Чужомсянь татшöм свадьба эг адзывлы! *(Мунö.)*

МИШКА. Семён Иванович панйыны кутис! Курочкин, кутчысь! Рыжой чорт! А! Тэ тодан он, кодос тэ нуан? А!.. Ха, ха, ха... Молодец Курочкин! Бур вöвъясöс додьялöма. *(Чеччыштö пу вывсянь да котортö, а сы бóрся и том йöз.)*

Пырö Похлёбкин.

ПОХЛЁБКИН. Кутшöм олөм, кутшöм олөм! Кутшöм чорт менö тойыштит карас! Войся стөрөжөн уджала, тшыг нисьö пöt. А тани!.. Локтоны. *(Пышйö.)*

Пырöны сцена тыр йöз. Гымöбтис оркестр. Ставыс сьылöны свадебной сьыланкыв. Шуйгаладорсянь петöны Авдей, Василиса, Курочкин да Ирина. Авдейлөн юр вылас зев ыджыд көрыш нянь. Воськыдладорсянь петöны Муравьёв, Пирогов, Силангий, Люба да Орлов.

АВДЕЙ *(локтö Орлов динö)*. Дона зять! Со тэныд приданной, примит. Абу кокныд, сё ветымын пуд сийö... Но, да öд... сийö и бур! Ирина, дерт, абу менам ныв, но сийö мен дона. Сийö зев шань ныв. Сиа тиянлы шуд да гажа олөм! Радейтой мода-моднытö, быдтой челядьос! Ёнмөдöй колхозной овмös!

ВАСИЛИСА. Благословляйта тэнö, нылукой, и тэнö, дона зять. *(Ирина да Орлов окалöны көрышсö.)* Босьт асьыд приданнойтö! Сöмын тайö абу прөстой приданной, а колхозной олөмлөн шуд! *(Сетö көрышсö Орловлы, а Орлов сетö Муравьёвлы.)*

МУРАВЬЁВ. Сиа тиянлы мича да сöстөм любовь.

Котөрөн пырö Мишка, кияс кутö газета.

МИШКА. Ёртъяс! Лыддьöй, лыддьöй газета! Менö орденон наградитöмаoсь!

Сергейос, Иринаос да Александр Сергеевичос Ленин орденон! Василиса Павловнаос Трудөвөйон! А Авдейлы Герой ним присвоитөмаось! Ура!

Ставон горзöны «ура!»

МУРАВЬЁВ. Поздравляйта, Авдей Спиридонович! (*Аплодисментгяс.*)

АВДЕЙ. Да мый нө тайö? (*Кост. Сійö оз вермы сёрнитны.*) Александр Сергеевич!.. Бур йөзöй!.. Ог куж сёрнитны... мича басни менам оз артмы, а кыв-мөд шуны окота... Шуа веськыда. Эг чукльöдлыв сьөлөмөн, и öни ог кут... (*Кост. Чышкыштö синсö.*) Эз чөскыд вөв менам олөмөй царь-батюшко дырйи. Ки пыдөс пасьта му вылө кöдзлывлі. Пöсьон да синваөн кусок нянь перйывлі. (*Кост.*) Эг гөгөрво первойсö и колхозной олөмсö... Нелючки аддзылі уна, а бырöдны найос эг кöсйы. Сьöлышті став вылас да дзевси паччөр сэрөгö. Висьöм улö лэдзчыси. Пожөм тьöскысь горт вöчи, кызд пу крест сиралі... Кувны лөсьöдчи, амбарос пес вылө кöсий пилитны. А видзөд жö, олөмыс кызди бергөдчис! (*Гөлөсыс дрөгнитіс.*) Амбарыс ковмис – йөртөдгяс тырөсь! Гортсö крестнас пачö шыбиті! Көзяинөн лой! Правительствоным Геройö менö вөчис! Кувны меным öни оз позь. Оз позь кувны, ме тiянлы шуа. Вынөй менам öни вывтi уна. Со öд öни олөмыс кутшөм: гөгөрвоан сійос – шуд аддзан! Он гөгөрво – вошан! Атьö тэныд, Александр Сергеевич! Ставсьыс аттьö! А медся ыджыд аттьöыс миян дона партиялы! (*Аплодисментгяс.*) Эсканныд тi меным ли онö, а ме сідз шуа: коммунизм дырйи ме, друггяс, завтракайтышта на! (*Ставыс горзöны «ура!».*)

З а н а в е с .

Пом.

Елена Холопова

Холопова Елена Степановна родилась в Сыктывкаре. Долгое время работала в Национальной детской библиотеке им. С. Маршака.

Сейчас живёт в с. Коквицы Усть-Вымского района.

Её произведения неоднократно публиковались в журналах «Арт» и «Войвыв кодзув».

Путешествия российских пенсионерок в период неразвитого капитализма

Начало публикации в № 2 2011 года

2. На Выми

Прошлым летом вдвоём с Верой мы сплавали на двух стружках от Коквиц, где стоит мой дом, до Серёгова, соляного курорта на Выми. Это совсем недалеко, а на сей раз мы решили усложнить маршрут. Вера, изучая карту Усть-Вымского района, обнаружила приток Выми – речку Кылтовку. Устье её находится напротив деревни Половники, недалеко от города Емвы. В верховьях Кылтовки находится Кылтово, а там – женский монастырь. Мы решили добраться до него. Выйти из Коквиц, спуститься вниз по Вычегде до устья Выми, оттуда подняться вверх против течения по Выми до Половников, там войти в Кылтовку и плыть до Кылтовского монастыря. Мы должны пройти прошлогодним маршрутом до Серёгова, а дальше – неизвестное. Река Вымь за последние годы сильно обмелела, а что же говорить про её приток? Там, наверно, заломы из упавших деревьев, и на петляющей среди лесов речушке ни одной деревни на берегах. Но я сразу согласилась с предложением Веры, она – авантюристка, и я – тоже. Это нас и роднит.

К поездке, учитывая прошлогодний опыт, мы сделали два складных матраса из пенопласта. Это хорошая теплоизоляция, спать теплее будет, комфортнее. Решили взять ещё и тёплое ватное одеяло, стелить его поверх матрасов. Егор, мой сын, смастерил на работе железные держатели для котелков. Очень удобная вещь, не нужны никакие рогаины из непрочных ивовых прутьев. А в остальном всё то

же: палатка, два спальных мешка, два складных стульчика, полиэтиленовая плёнка на палатку на случай дождя. Котелки, посуда, топор, съестные припасы, спасательные жилеты, личные вещи, лекарства, карта Усть-Вымского района, компас, фотоаппараты. И, конечно, два стружка, две лёгкие лодки, на которые мы погрузим всё наше добро. И оказывается, человеку много надо, за один раз не снести. Ни за что бы не согласилась путешествовать пешком, как навьюченный верблюд.

* * *

В день отплытия встали в пять часов утра. Солнечно, жарко. Мы позавтракали, вытащили вещи на крыльцо. Собралась изрядная груда, но у нас есть помощник, Егор. Хотя всё равно за один раз не унести, даже и с Егором. Навьючились, спустились к реке, к лодкам. Комары безжалостно терзают наши руки, занятые вещами. В этот год уйма лютых комаров, июнь был дождливым, всякой насекомой нечисти развелось видимо-невидимо. Поднялись снова к дому, спустились ещё раз. Всё. Погрузили вещи в лодки. На новом стружке поплывёт Вера. Она достала бутылку лимонада, побрызгала на стружок, «осветила». Егор усмехнулся и сплюнул в горячий песок:

– Лимонад! Водкой надо было!

Он нас сфотографировал, и мы отчалили. Оглядываясь назад, я видела, как Егор поднимается в гору. Я уезжала со спокойной душой: в моём доме оставались Егор, невестка Ольга и внучка Динка. Самое жаркое время началось, картошка не до конца окупена, огородные грядки надо поливать, если дождей не будет. Хозяйство остаётся под присмотром.

У нас было три правила, которые мы не собирались нарушать: плыть только в спасательных жилетах, держаться вблизи от берега и не удаляться далеко друг от друга.

Проплыли вниз по течению пару километров. Впереди пережат и поворот реки налево. Я снова оглянулась: деревня Коквицы, издали очень красивая, как сказочный древний городок, уплывала назад и вскоре скрылась за поворотом. Слева потянулся длинный песчаный пляж. Мы остановились выкупаться. Жарко, безветренно. И тьма оводов, стоит только причалить к берегу. Выкупались и поплыли дальше. На берегах ни души. В прошлом году на каждом мало-мальски подходящем месте стоял чудак-рыбак. Куда они все подевались, интересно? Видимо, работают, бедолаги. Понедельник.

Прошли Студенецкую курью, снова крутой поворот налево – это мы с Вычегдой вместе обогнули Коквицкую гору с прилегающими лесами. Пролетели, не останавливаясь, мимо Вогваздина на правом берегу и Острова Трёх Вокзалов на левой стороне. Добрались до устья Выми, аккуратно, на самом повороте, впритык к берегу вошли в Вымь. Отсюда нам долго, до Половников, придётся грести против течения. Здесь, в устье, река ленивая, спокойная, широкая. Мы перебрались на другой берег, к Усть-Выму. Причалили на почти пустом пляже и снова выкупались. В прошлом году летом я здесь толком ничего не посмотрела, и Вера сказала:

– Иди. И смотри.

И я пошла, прихватив фотоаппарат и ведро для воды. Сначала – к мужскому монастырю. По пути у закрытой как в прошлом году церкви встретила человека. Он стоял, облокотившись о перила, и разглядывал стены и верхушки строений монастыря, возвышающегося на соседнем холме. Мы разговорились. Он здесь с группой рабочих из Армении, ремонтируют амбулаторию. Он сказал:

– Когда ни придёшь – церковь всегда закрыта. У нас в Армении церковь открыта каждый день. Пожалуйста – заходи!

Я заступилась, хотя и сама в прошлом году, как и сейчас, «замок поцеловала»:

– Тутошний батюшка служит, видимо, ещё и в нескольких деревнях. Вот в Серёгово есть молебельный дом. Батюшка там вроде бы по четвергам бывает, если я правильно помню. Наверно, на это целый день уходит... А у вас в Армении ведь Свято-Грегорианская церковь?

Он с гордостью, мне её не хватает, гордости за свой край, ответил:

– Да, Грегорианская. Мы самыми первыми приняли христианство, в 401 году. А греки вторыми, после нас.

Я сказала, что хочу сделать несколько снимков монастыря, попрощалась и пошла по деревянным мосткам, соединяющим два холма. Монастырь окружён высокой стеной, и не заглянуть, что там за ней. Этаким маленький деревянный Кремль. Говорят, женщинам туда заходить нельзя. И я отправилась в местный музей, расположенный в старом и красивом деревянном двухэтажном здании. Открыто. Пусто. Сумрачно и тихо. За стенами – ослепительный, знойный день, а здесь прохлада. Старик, работник музея, показал, где начало экспозиции и оставил меня одну. Музей небогатый. Основные документы древнейшей истории в копиях, конечно. Самый интересный экспонат, на мой взгляд – древняя икона, почти разрушенная, на большой доске. На ней еле угадываются четыре фигуры святых, по всей видимости, Стефана Пермского и епископов Герасима, Питирима и Ионы. Когда-то, давным-давно, здесь, на высоких холмах, находилась их резиденция, если можно таким важным словом назвать деревянный огороженный городок. Икона долгие советские годы служила дверью в бане! А потом была выброшена за ненадобностью. Старой стала дверь... Любопытны были потускневшие от времени фотографии – села и жителей. Жаль, всё надо было обойти быстро. Перед уходом я разговорилась со стариком, хранителем древностей:

– Мы с подругой на лодках плывём, вдвоём. В прошлом году она к вам заходила, сейчас – я.

– Да, помню, – заулыбался старик, – а куда вы сейчас плывёте?

– В прошлый раз до Серёгова добрались, сейчас хотим до Кылтова. Поднимемся вверх по реке до Половников, а там – по Кылтровке.

– О! Не пройдёте, наверно. Пойдёмте, я вам по карте покажу.

– Да я знаю карту. А вы там были?

– Бывал. Местами Кылтровка вот такая! – И показал руками ширину речки – в метр. – Тем более, вода сейчас сильно упала. Нет, не пройдёте, – и покачал головой.

– Ну, ничего. Тогда до Емвы сплаваем, там от Половников совсем рядом.

Крутился у меня в голове один запасной маршрут. Вдруг и пригодится? Я попрощалась, взяла своё пустое ведро, ожидавшее меня в раздевалке, и пошла за

водой. По пути встретила трёх подростков, похоже, они направлялись к пляжу. У одного из мальчишек на голове гордо красовался «ирокез», или как там их называют? Словом, отчаянный петушиный гребень, причёска такая. Смешно, конечно. Я, наверно, невольно улыбнулась и наткнулась на надменный взгляд «ирокеза», достали его, видать, насмешливые взгляды старых тёток вроде меня.

Вернулась на берег – Вера меня дожидается, только что выкупалась. Я тоже в воду залезла, окунулась перед отъездом. Жарко очень. Мы немного поели, запивая бутерброды лимонадом, потом сели в стружки и поплыли мимо пляжа. Наряду на нём прибавилось. Я заметила того мальчишку, но уже без гребня. Упал гребень, волосы мокрые. Подростки провожали нас завистливыми взглядами, а в глазах «ирокеза» уже не было надменности. Он бы постригся налысо, лишь бы заполучить такой стружок и возможность уплыть на нём неведомо куда!

Оттолкнулись от устьевымского пляжа в два часа дня, а в половине пятого уже были на Острове Тракториста против Ыба, деревни на высоком берегу Выми. Остановились почти на том же месте, что и в прошлом году. Поставили палатку, сделали на костре ужин. Здесь ночуем. Очень устали.

* * *

Мы решили – сделаем себе выходной! И будем отдыхать от дома, от домашних забот.

Спать было хорошо, тепло, комары не кусали. Но палатка с восходом солнца, то есть уже после четырёх часов утра, превратилась в духовку. Находиться в ней – кошмар! Пришлось вставать. Вечером у костра нас донимали комары, а с утра на пересменку заступили тучи оводов. Они как бесноватые мечутся вокруг, а кусают, так насмерть! Пока не прихлопнешь гада с большим ожесточением. И всё же мы отдыхали. Купались, загорали. Сплавали на другой берег, где за ивняком на нескошенном лугу нарвали цветов, а вечером как юные романтические барышни сплели из них венки.

К вечеру стало прохладнее. Оводы свернули свою бешеную деятельность, но на смену им появились комары. Наверно, чтоб мы не скучали.

Вторая ночёвка на острове. Улеглись спать после десяти вечера.

* * *

Утром первым делом купаться, потом завтрак. Меню у нас разнообразное: если не каша, то макароны или картошка. Не соскучишься.

Отчалили, пошли левым берегом Выми (для нас он – правый). В основном тащили лодки, брели по мели в тёплой воде. Когда становилось глубже – садились в лодки и брались за вёсла. Вдруг чайки подняли переполох, закружили над нами, кидались сверху, казалось, вот-вот врежутся прямо в голову. А всё дело в том, что впереди плыли два чайкиных цыплёнка, удирали от нас. Они быстро устали, мы их настигали. Один устремился в панике к середине реки, другой всё жался к берегу, затем выскочил на него, замер в зарослях кустарника. Мы про-

плыли совсем рядом. Птенец маленький, серо-белый пух. Будущая чайка, если выживет.

Так мы добрались-доплыли до пляжа у деревни Ерозино. В прошлом году мы здесь не останавливались, шли другим берегом. Сама деревня скрыта от взглядов за деревьями. Нам нужна была вода, ключ или колодец. На тропинке, ведущей из деревни, показался старик с пакетом в руках. Мы спросили его, где здесь можно воды набрать.

– Есть колодец, да там вода плохая, тухлая. Лучше ключ, он там, за деревней, там все воду берут, – махнул старик рукой, – давай провожу, а то не найдёте.

– Да вам, может, некогда?

– Ерунда, успеется. Это я приманку для рыбы несу.

Вера осталась у лодок, а я взяла ведро, пошла за провожатым. Тропинка привела к деревне, десятку домов среди сосен и ивняка.

– А вон мой дом. Старый уже, зимовать здесь нельзя, холодно. Я на зиму в Полавье перееду.

– Тут зимой живёт кто-нибудь?

– Зимой здесь всего два дыма (именно дыма, – сказал, – а не дома, очень точно!) А в войну отсюда пятьдесят мужиков ушли воевать. Два колхоза было!

Пошли дальше. За домами – луг нескошенный. Старик сказал:

– Здесь раньше хлеб сажали, а теперь вон – всё забросили!

– Наверно, и сено не косят? Никому не надо?

– Здесь до самых Лялей никому не надо!

Луг тянулся вдоль берега, наверно, и в самом деле до самых Лялей, деревни в нескольких километрах отсюда.

Наконец мы пришли. Спустились к ключу по живописным мосткам. Старик открыл крышку на земле, под ней оказалась вкопанная в землю под самый ключ железная бочка без дна с чистой ледяной водой. Рядом на гвозде висел ковшик.

Набрав воды, пошли обратно сквозь луг, сквозь деревню.

– Вот здесь, – повёл старик рукой, – здесь раньше причал был, река сюда доходила, пароходы приставали! А сейчас самый большой корабль – моторка.

Проводив меня, рыбак отправился кормить рыб. Я пошла к нашим лодкам, а там гости. Три посиневших от холода, перекупавшихся подростка беседуют с Верой. Рассказывают ей про старика, какой он алкаш, как деньги у их бабушек выпрашивает и никогда не возвращает. Юные скучающие сплетники. Приехали из города на каникулы, а здесь ни дискотеки, ни девчонок, ни даже сигарет не купить, магазина нет, за любой мелочью надо на моторке в посёлок Ляли ехать или в Усть-Вымь.

Вера тоже сходила посмотреть на Ерозино, деревню, превратившуюся в дачный посёлок. Потом двинулись дальше.

Течение сильное, передвигались с трудом. Через несколько часов добрались, наконец, до песчаной косы, где ночевали и в прошлом году, нашли место, опять-таки почти прошлогоднее. Почти – потому что весеннее половодье непременно меняет линию песчаного берега. Развели костёр, поставили палатку. Здесь, ура, нет оводов и мало комаров, вместо них мошкара, очень мелкая и почему-то некусачая.

Тепло. Но тучи набегают.

* * *

На четвёртый день в наших планах – добраться до Серёгова с остановкой по пути в Лялях, но не в деревне, а в одноимённом посёлке в километре выше по реке. В деревне, как мы знаем из прошлогодней поездки, нет магазина, а нам нужно купить хлеб.

После завтрака и купания отчалили. Перешли с косы на противоположный берег. Мы вообще из любопытства старались плыть тем берегом, который не проходили в прошлом году, а тут нам хотелось разглядеть вблизи тёмный провал среди сплошной стены освещённого солнцем леса. Он находился прямо напротив нашей стоянки, но река здесь широкая, не разглядеть. Подплыли. Да, ручей, как мы и предполагали. Мы вошли в его устье. Сквозь чёрную воду виднелись топляки и коряги, а над головами смыкались ветви склоненных с обоих берегов ручья деревьев. Не продерёшься. Неуютное, угрюмое место – для утопленников и русалок. Чего мы боимся – так это того, что Кылтовка – такая же. И это, скорее всего, именно так. Тут на каждом шагу есть опасность пропороть дно лодки не замеченной вовремя корягой, а берега непролазные, сплошные заросли. Где тут, если что, палатку ставить? И комаров больше, чем на широкой реке. Мы охотно вернулись на солнечную Вымь, и поплыли по левому берегу (для нас он – правый), добрались до поворота, откуда уже видны Ляли с церковью-красавицей. Церковь Богоявления Господня, как мы узнали из атласа. Построена в 1852–1856 годах, а в каком году разрушена – не знаю. Почему церкви, даже разрушенные, притягивают взгляд? Я скорее неверующая, у меня с Богом никаких отношений нет. Если Он есть, то на меня ему наплевать. Ну и ладно. Но церковь, даже разрушенная, это красота, и прав Мандельштам, «красота – не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра». Меня в этой церкви восхищает всё: удачное местоположение, пропорции, соразмерность и стройность, достоинство без выпендрёжа.

Разграбили храм, наверно, деды нынешних жителей, а нынешние просто довершили дело, недалеко помойку расположили да стены внутри расписали. Не фресками, нет. Догадайтесь сами. Чей там хищный глазомер сработал? И куда подевались работники, простые столяры?

В прошлом году мы здесь сутки стояли, пережидали сильный встречный ветер, беседовали с подошедшим к нашему костру особистом в отставке, владельцем породистой лошади и страшного английского дога, а на сей раз Вера сходила ненадолго в деревню, принесла от колодца воды, и мы поплыли дальше. Уже виднелось на противоположном берегу Серёгово. До него – километров шесть. Но эти километры – против течения. И всё усиливался ветер.

В половине четвёртого причалили у посёлка Ляли. Самого посёлка не видно, он высоко-высоко на берегу, за соснами. Мы решили – отдохнём – и вперёд! Но только Вера ушла наверх в магазин за хлебом, как погода стремительно изменилась, напоз грозовой фронт с тучами, молниями и грохотом. Пришлось мне срочно ставить палатку, закидывать в неё все вещи из лодок. Примчалась Вера, кинулась помогать. Управились, накинули на крышу большой кусок плёнки, заскочили внутрь – и посыпался град! Крупный как фасоль. По воде застучали белые камешки, поднимая фонтанчики брызг, а я, дурёха, не знала, где там под

кучей шмоток лежит мой фотоаппарат. Пока я его искала, град сменился ливнем. Неописуемая красота осталась не заснятой мною.

Кое-как в тесноте расстелили свои матрасы. Решили ночевать здесь. Поздно было плыть в Серёгово, на ночь глядя.

* * *

С утра было пасмурно, потом распогодилось. Мы приготовили завтрак, поели, собрались и отчалили. Где-то плыли, где-то шли, как обычно. Впереди на нашем пути расположилось стадо коров, часть бурёнок забрела в воду, и стояла, лениво обмахиваясь хвостами-веерами, наблюдая нешуточную драку двух задиристых бычков. Пастух куда-то отлучился, то есть на хулиганов милиционера не было. Я совсем не хотела привлекать к себе внимание драчунов, поэтому села в лодку и обогнула опасное место. Вере не хотелось забираться в лодку, она просто обошла стадо подальше от берега. Вымь совсем обмелела, куда ни глянешь – всюду песчаные косички и отмели. Можно далеко отойти от берега, а всё будет по пояс. Мы прошли мимо драчунов и коров-зрительниц, а им до нас и дела нет, увлечены конфликтом.

Дошагали до Серёгова пешком, не остановившись у минерального источника, причалили к прошлогоднему месту у старой стоянки моторки, курсирующей туда-сюда через реку. Отдыхающих из санатория не было видно, наверно, время процедур, соляных ванн. Вера поднялась в гору в село, в магазин, купила кое-что из продуктов, фотоплёнку. Мы выкупались, сели в лодки и отправились в путь. Дальше Серёгова мы не бывали.

Проплыли мимо длинного острова. Обитатели санатория с усмешкой называют этот остров островом Свиданий. Не знаю, насколько название соответствует истине. Я дважды жила в Серёгово, оба раза зимой. Остров утопал в пышных сугробах снега. И ни следа, ни одной влюблённой пары!

Длинной цепью вдоль берега в воде торчали верхушки осклизлых, полусгнивших свай. Видимо, так когда-то укрепляли берег. Течение сильное, грести трудно. Добрались до переката на каменистом дне, и течение там – стремительное. Преодолеть его не смогли и переправились поближе к острову, а когда он закончился, перешли на левый (для нас – правый) берег Выми. Стало легче. Здесь река делает плавный поворот налево, и мы поплыли по более длинной, но и более спокойной дуге поворота. Тишина первозданного мира, непролазные, топкие берега, и нигде ни души, только мы с Верой на своих лодочках. Тот берег, который всё уходит и уходит влево, зарос по краю у самой воды ивняком, а за ним стоят стеной, уходящей вверх, высоченные ели. Такой пышный зелёный круглый огромный торт. Мы плыли вокруг него и ждали изменений, а за поворотом видели всё тот же поворот. В воде сверкала, всплескивала рыба, поднимая переполох в глубине и наверху. И снова тишь да гладь.

Мы шли достаточно быстро. Берега безлюдны, но в одном месте увидели семью, мужчину и женщину. Палатка, лодка резиновая. Они приехали на выходные. И правда, был вечер пятницы!

Началась мель, мы вылезли и побрели, потащили за собой лодки. Наконец,

левый поворот реки завершился, она плавно поворачивала направо, и там вдалеке, на другом, дальнем берегу показалась деревня. Это Кошки, судя по карте. Открывшаяся панорама напоминала театральные задники: очень пышная, декоративная красота. Зелёная, но лысая гора, и на самой её макушке – частокол елей, напомнивший мне почему-то причёску юного надменного «ирокеза» из Усть-Выма. Внизу, поближе к воде, но и на достаточно высоком берегу меж двух оврагов – уютная деревня. Красивое место. А на этом берегу, вдоль которого мы шагали по мели и тащили лодки, две деревеньки, Часадор, восемь домов на невысоком уступе, сараи на сваях на случай высокой воды, а дальше, напротив Кошек – Политовка, одиннадцать домов. Вдоль берега поверху проходит заасфальтированная дорога. Мы добрались до пляжа перед Политовкой и решили здесь остановиться на ночёвку.

Дров нет, пляж почти пуст. Поискали в зарослях ивняка – тоже пусто. Неожиданно появился помощник, мальчик одиннадцати лет, Пашка. Он катался по дороге на велосипеде, увидел невиданное явление, двух путешественников со стружками и, конечно, побежал к нам, бросив велик. Мы с ним познакомились. Парень словоохотливый, любознательный, общительный. Перешёл в пятый класс. Беседа у нас была содержательной. Здесь он на даче, родители купили её год назад. Дом старый, ему сто лет. Маму тоже зовут Леной. Папа приедет ночью, на выходные, и тогда они поедут на рыбалку. У них есть моторка, они поедут на ней. Пашка в семье самый младший. Старшему брату 26 лет, и ещё есть сестра, ей двадцать. Их недавно обокрали, не здесь, в городе, в Емве. Они живут в малосемейке. У них украли новый цветной телевизор, за него ещё кредит не выплачен. А когда они через неделю зашли в милицию узнать, продвигается ли их дело, там их спросили: вы уже нашли воров?

Пашка не только разговаривал, он сбегал и принёс охапку подходящих для костра деревяшек. Беседа продолжилась, мальчишка заинтересованно выпытывал у нас, кто мы, откуда и куда плывём. Узнав, что мы сами из Сыктывкара, бросил небрежно:

– Прошлым летом мы ездили на велосипедах от Емвы до Сыктывкара. За три дня доехали!

– Не может быть! А где же вы останавливались на ночь?

– У нас были места, – уклонился от ответа Пашка, – а в прошлом году мы с классом в поход ходили. На четыре недели.

– На четыре часа, наверно?

– Нет, на четыре недели. А вы не рыбачите? Зря, здесь классная рыбалка! Я вчера купался, и меня за ногу такая рыба укусила! Вот такая! Огромная! Здесь очень хорошо рыба клюёт. Один хариус даже хвостом за крючок зацепился!

Пашка смотрел на нас честными голубыми глазами и врал очень убедительно. Забавный парень. Он стоял, смотрел на костёр, наблюдал, как мы готовим ужин, но от угощения отказался: не хочу, недавно ел. Ушёл он неохотно, в одиннадцать часов вечера. А мы улеглись спать.

Ни в Кошках, ни в Часадоре, ни в Политовке нет магазина, люди ездят за продуктами в Емву. Пашка сообщил нам, что в Политовке почти все жители – дачники, почти никто не зимует. Да мы и сами заметили, что деревни превратились в дачные посёлки, места отдыха. Здесь уже некому работать.

* * *

Ночью был небольшой дождь, постукивал по крыше палатки, а утром – опять солнце и чистое небо. Тепло. Мы разложили для просушки спальные, матрасы, одеяло. Они накануне промокли на дне моей лодки, всё сильнее протекающей. И хотя мы тщательно пакуем спальные вещи, это не помогло.

Вчера мы прошли тринадцать километров. Впереди – Половники. По карте – примерно семнадцать километров.

Пока сушили вещи и завтракали, на пляже собралось довольно много народу. Суббота, выходной день. А наверху на дороге цепочкой выстроились легковые машины. Люди, бросив вещи на песок, первым делом бежали в воду искупаться. Много дней стояла жара, вода тёплая. Мы с Верой по несколько раз в день купались, не считая того, что часами брели по колено в воде, держа на поводу свои стружки.

Пашки, вчерашнего собеседника, на пляже не видно было, видать, спал после ночной рыбалки.

Вдалеке загрохотало, на небо набежали тучи. Мы побросали в палатку подсохшие вещи, накрыли крышу плёнкой, уселись и стали ждать грозы. А она прошла стороной. Время потеряли, уже около четырёх часов пополудни. Плыть или задержаться на ночь? Решили – плыть. Собрались, отчалили, ощущая спинами взгляды зевак на пляже. Слышим крик:

– Тётя Лена! До свидания!

Оглянулись – Пашка купается с мальчишками, из воды рукой машет, прощается. У Веры имя не запомнил, а моё – имя матери – не забыл. Мы помахали в ответ.

Договорились с Верой: не удастся до ночи добраться до Половников, – можно будет по пути где-нибудь заночевать. Но мы уже заметили: там, где берег для стоянки удобный, там место занято, стоит деревня, а чаще берега топкие или слишком крутые, заросшие лесом, неудобные для стоянки. Люди, осваивающие этот край, были не дураки.

Мы шли, следуя поворотам реки, по коротким дугам, держась того берега, который уходил в поворот. Когда река поворачивала в другую сторону, мы перебирались поближе к другому берегу. Так мы сокращали путь и сберегали силы. Течение здесь не очень сильное, мы с Верой шли споро. Простор, вода, лес, небо наверху и в зеркальной глади. И тишина. И оводы, будь они неладны! Все уши мне истоптали, искутали! А у меня руки заняты, не веслом же их прихлопывать!

Здесь множество маленьких ручейков, впадающих в Вымь. Вода в них чистая и очень холодная, она пробивает себе дорогу сквозь прибрежный песок и поневоле фильтруется. Один такой ручеёк, устье его, я сфотографировала. Хотела пройти немного вглубь, но это оказалось невозможно. Песок очень вязкий, затягивает, и холоднящий, ноги леденит. Это в жаркий летний день!

Я уже лучше стала понимать карту применительно к местности, когда никаких ориентиров рядом нет, ни деревень, ни островов. Теперь я могла прикинуть на глаз расстояние и знала, что вот до того поворота – примерно три километра, а за ним начнётся длинный-длинный поворот реки, как между Серёговым и Кошками, и надо будет набраться терпения для его прохождения. Наверху на этом

полукруге, судя по карте, большое болото. С него стекают в реку многочисленные ручейки, покрытые радужной плёнкой, как будто нефтяной. Трасса здесь не проходит, оставляет болото в стороне, никаких промышленных объектов на карте не отмечено, значит, недра земли здесь такие?

Мы плыли, плыли, плыли! Среди тишины, молчания берегов и стоящего на них стеной непроходимого леса. Вдалеке на левом для нас берегу показалась деревня Половники. Уже десять часов вечера, а мы всё плывём. Ещё несколько километров, и мы, наконец, пристали к берегу. Это песчаный пляж, большей частью ещё сырой, совсем недавно река подобрала мокрый свой подол. Деревня выше, на уступе. Здесь примерно сорок домов, окнами обращённых к реке. На пляже пустынно в столь поздний час, лишь вдалеке от нас сидела большая колония чаек. Сидели абсолютно неподвижно. Спали?

Вытащили мы лодки на берег, перевернули их – сушить. Устали очень. Не до костра, не до ужина. Поставили палатку – и спать.

* * *

В пять часов утра начинает припекать солнце, и в палатке становится очень душно, не поспишь. Я вылезла наружу. Вокруг нашей стоянки – следы чаек. Ходили тут втихаря, на цыпочках, пока мы спали. Высматривали. В это время, рано утром, у реки самая прелесть: тепло, тихо, ещё не беснуются оводы и уже утихли комары. Век бы так жить, сидеть у воды, наблюдая, как туман поднимается и проясняется сияющая красота.

Судя по карте, шоссе здесь не проходит, оно на другой стороне реки. Там видно множество будок, целый городок гаражей. И на том и на этом берегу через каждые пять-десять метров лежала лодка-казанка. Где с мотором, где – без. Не боятся, что украдут. Богатые жители! В Коквицах, где у меня дом, на берегу всего лишь одна моторка, а так – стружки у всех, как у меня.

Вся деревня Половники – это уже не деревня, а дачный посёлок. Это мы узнали из разговора с девушкой, пришедшей выкупаться на пустынный в такое раннее время пляж. Зимой здесь, как и в Ерозино – два дыма. Люди приезжают сюда из Ухты, из Емвы, оставляют свои машины в гаражах и перебираются в деревню на моторках. Магазина нет, но раз в неделю приезжает автолавка, оставливается на том берегу у гаражей.

Девушка подсказала, где тут ключ с хорошей водой, и я сходила, принесла два ведра. Вообще у нас осталось хорошее впечатление о населявших Половники людях. Они общительны и доброжелательны, с готовностью отвечали на наши вопросы, предлагали помощь. Иные просто подходили спросить, кто мы и откуда, и куда, и не надо ли нам чего? Желали успеха, удивлялись.

Песок здесь необычный, нигде больше такого не встречала. Поющий песок. Когда идёшь, он поскрипывает, попискивает под ногами, вжик-вжик, вжик-вжик!

Напротив Половников – устье Кылтовки. Добрались наконец-то. Вымь здесь широкая, фигурки рыбаков на другом берегу крохотные, и что там за речка такая – отсюда не разглядеть. Парни, с которыми мы разговаривали, сомневались, что мы сможем пройти по ней. Кылтовка очень мелкая даже для наших стружков, а

течение, напротив, очень сильное. И вода что ни день падает, а ведь ещё неделю назад пляж у деревни весь под водой был.

Мы позавтракали, потом я подлатала свой стружок, залила щели гудроном. Собрали вещи и отчалили. Переправились к устью Кылтовки. Здесь нам сразу же пришлось вылезать из своих лодок и тащить их за собой, царапая днищами по камням. Песок вперемешку с камнями вязкий, шагнёшь шаг – и проваливаешься. Речка, заросшая по берегам лесом, петляет, на каждые сто метров крутой поворот. Там, где немного глубже – поваленные деревья, топляки реку загораживают. Нашего упрямства хватило на три километра, потом остановились передохнуть. Поняли – надо возвращаться. Решили изменить маршрут: вернуться к устью Кылтовки и повернуть направо, снова вверх по Выми. Километров шесть – и мы достигнем окраины Емвы. Остановимся где-нибудь на подходящем месте, а в город съездим на экскурсию на автобусе, по очереди. А потом – назад. Доберёмся до Серёгова, а там до Кылтова, судя по карте, есть дорога. Можно пешком сходить, пятнадцать километров – не расстояние. И намеченное – побывать в Кылтовском монастыре – выполним. А здесь добираться до верховий речки, где стоит монастырь, надо месяц, судя по местности. На том и порешили. Кылтовка победила, мы сдались.

Пошли назад. Местами плыли, просто мчались вниз по течению, а местами пешком продирались сквозь мели по песку и камням. Вышли, наконец, к устью и повернули вверх по Выми. Насколько легче плыть по широкой, спокойной Выми по сравнению с маленькой Кылтовкой!

Погода портилась. Мы уже видели окраинные дома, до них оставалось всего километр или полтора, когда по воде заколотил дождь. Сплошной стеной, ливень! И мы на середине реки, а не у окна где-нибудь под крышей! И сфотографировать невозможно, стоит опустить руки с веслом, как лодку сносит назад, да и вытащить фотоаппарат было равносильно тому, чтобы просто утопить его в воде.

На правом для нас берегу раскинулась Емва, но её отсюда почти не видно, скрыта от взгляда холмами и поворотом реки. А окраина называется Устье-Зад. Здесь в Вымь впадает ручей, а выше и дальше от берега, на холме – дачный посёлок. У самой воды – небольшой песчаный пляж, грязноватый, но другого удобного для стоянки места нет. Ужасно не люблю, когда люди бросают себе под ноги, не глядя, пустые пачки из-под сигарет, пластиковые бутылки из-под лимонада или пива. Захламляют своё жизненное пространство. Мы с Верой обычно перед отплытием сжигали на костре весь мусор. После нас оставался только след костра на песке.

Последние полчаса вода кипела вокруг наших лодок, дождь бил по воде, поднимая брызги и шум. С пляжа убегали последние купальщики, когда мы туда причалили. Дождь поутих, мы переоделись в сухое, определили место для стоянки, сняли с него верхний слой сырого песка, поставили палатку, накрыли её плёнкой, а когда забрались внутрь, дождь, уже не страшный, припустил с новой силой. Мы поели, запивая еду ключевой водой из Половников. Тянули спички, первой идти в город на экскурсию выпало мне.

* * *

Я вскочила – уже половина девятого! Вот разоспались! Оделась, умылась и пошла. Вера осталась у лодок. Это тоже одно из наших правил: не оставлять без присмотра своих вещей и если ходить куда-то – только по очереди. В России живём.

Я поднялась на холм, прошла через посёлок к остановке. В автобусе я села, показала удостоверение ветерана труда и поехала бесплатно. Весь город вытянулся в длину вдоль реки. Поперечные улицы короткие. В сущности, город весь почти на главной улице имени Дзержинского вдоль Выми. Емва, ранее Княжпогост, – центр Княжпогостского района, района лагерей и зон, станция на железной дороге Котлас–Воркута. Говорят, Емва и сейчас – город бывших зеков и надзирателей. Но жарким летним утром Емва выглядит не как зона или лагерь, а скорее как южный курортный городок, здания за деревьями почти невидимы, скрыты за высокими тополями. С ними не сражаются, как в Сыктывкаре, где на улицах стоят обглоданные кочерыжки. А за высокими тополями притулились бараки, хлипкие дощатые домики. Неужели в них можно перезимовать? Хотя чему я удивляюсь – велика Россия, а жить негде... Все названия улиц сохранены со времён социализма. У добротного каменного трёхэтажного здания – памятник Ленину. Видимо, бывший райком партии. А ныне, судя по табличке – Дом искусства для детей. Уже неплохо. Ну а памятник, что памятник? Таких и по сей день сотни стоят по городам и весям. И у нас в Сыктывкаре тоже, на главной улице, рядом со зданием главы республики. Но есть в Емве и другой памятник – в честь погибших при исполнении воинского и служебного долга в боевых действиях и локальных конфликтах, а попросту – жертвах российской власти и политики в Афгане, Чечне. Даже один из погибших в атомной подводной лодке «Курск» матрос Ларионов тоже отсюда, из Емвы. Так что не все здесь зеки да надзиратели.

Я побродила по улицам, хотела заглянуть в музей, но дамочка, сидевшая там у входа, рявкнула: «Нельзя!» И я не стала просить и канючить, чтобы меня пустили в выходной день. Они там, бедолаги, и так сильно перетрудились.

Далеко, на другом берегу реки виднелся Княжпогост. По виду – обычная деревня. Издали видела какое-то старинное полуразрушенное здание, похожее на церковь. Но у меня зверски разболелась голова, настолько, что интерес к окружающему пропал. Я купила кое-какие продукты, села на автобус и поехала обратно.

Была очередь Веры. Она ушла, а я осталась. На пляже к этому времени собралось уже много народу. Дети, взрослые. Кто мне никто не подходил, только поглядывали с интересом. Я спросила у женщины, загоравшей рядом:

– У вас в Емве только этот пляж или ещё есть?

– Есть ещё. Там! – женщина махнула рукой в сторону города, – но там народу! И галька, не песок. Мне там не нравится. А вы откуда?

Мы разговорились. Подошли ещё две женщины. Они удивлялись:

– Без моторов, на вёслах, да вверх по реке? Да так далеко? Восемь дней плывёте?! А спите где?

Меня обступили мальчишки, засыпали вопросами:

– А вы откуда? А где это – Коквицы? На Вычегде? Ого! А где вы спите? В лодках? А вы ночью плывёте?

Пришлось вытащить карту, показать пацанам маршрут. Я их постаралась утешить:

– Подрастёте, тоже сможете путешествовать, ездить куда захотите.

– У нас лодок нет! И палатки!

– Ничего, купите! Было бы желание! Но если будете пить и курить, никуда никогда не поплывёте!

– Почему?

– Потому что все ваши деньги будут уходить на это, ни на что другое не останется.

Озадаченные мальчишки убежали купаться. Вера пришла около шести часов вечера. Она была под впечатлением беседы со священником здешней церкви. Он рассказал ей о бывших зеках, оседающих в городе, о тех, кому некуда уехать, о наркоманах и алкашах, о ворах и убийцах, об ужасающих нравах и о страшном их быте.

Мы попили кофе, собрались и отчалили. Ура, будем плыть по течению!

И уже совсем скоро мы высадились на том же пляже на том же месте в Половниках. Шли обратно вдвое быстрее, чем против течения. Пустынно, а под ногами всё тот же поющий песок.

Сварили картошки, поужинали. Впервые за поездку был прохладный вечер, я сидела у костра в тёплой куртке и в сапогах, а обычно босиком.

* * *

Утром позавтракали и отплыли. Погода снова разгулялась. Плыли легко. Проносились мимо безлюдные берега. Мы использовали силу течения и плыли, в нарушение правила, посередине широкой Выми, как вдруг я заметила на правом берегу жеребёнка! Он стоял у самой воды у зарослей ивняка и смотрел на нас. Мы были далеко, он не боялся, стоял и смотрел. Откуда здесь жеребёнок? Ни жилья, ни дороги поблизости, и лес непролазный на высоком склоне холма. Но тут жеребёнок повернул голову, и я увидела тяжёлую лосиную башку. Лосёнок! Я окликнула Веру. Фотографировать на таком расстоянии, да ещё такой мыльницей, как моя, да против солнца – бессмысленно. Надо подплыть поближе. Мы погребли к берегу. Лосёнок внимательно наблюдал за нами, не трогаясь с места. Непуганый, глупый. Мы осторожно гребли, фотоаппараты держали наготове. Ближе, ещё ближе надо! Но вот он шарахнулся в кусты, а там мелькнула другая лосиная морда без рогов. Мамаша, видимо, дала команду своему ребёнку. Мелькнул в кустах коричневый силуэт, потом среди деревьев на склоне – и исчез! Ужасно жаль.

Поплыли дальше. За поворотом на правом берегу – Чомья-Шор, пара домов на высоком холме. Мы прошли мимо. Сзади затарахтела моторка, она нагнала нас и промчалась дальше. В ней сидели два подростка, глазели на нас. Один из них удивлённо крикнул второму, стараясь перекричать шум мотора:

– Бабы!

– Что?

– Да бабы там!

Это они о нас. Лестно и смешно.

Мы добрались до Кошек. Теперь напротив находилась Политовка, где живёт Пашка. А на пустынном берегу у Кошек – те самые мальчишки, которые обогнали нас. Их, видимо, распирало любопытство, но держались они с достоинством, дождались, пока мы сами не обратились к ним с вопросами.

– Что у вас тут интересного есть в деревне?

– А ничего! Деревня как деревня!

– А почему у неё такое название – Кошки?

– Не знаем, – пожали парни плечами.

К нашему способу передвижения они отнеслись с пренебрежением: на моторке быстрее.

– Зато мы лосёнка видели! А вы своей тарактелкой всю округу распугали!

– Где видели?!

Кошки, как мы выяснили из разговора, тоже деревня дачников. Мы с Верой по очереди взобрались на холм, пробежались по деревне. Да. С того берега она выглядит живописнее. Действительно, деревня как деревня.

Мы поели и поплыли дальше. К вечеру добрались до острова рядом с Серёговым. Зашли в левую протоку, здесь нас не видно с села. Не хотелось визитов любопытствующих. Поужинали и залезли в палатку. Устали. Здесь, на острове, заросли ивняка и песок, раскалённый на солнце. Как везде, как обычно.

* * *

Тянули спички, первой в Кылтово выпало идти Вере. Она собралась и ушла. На левый берег Выми можно перейти без труда, мелко, вода и до колен не доходит. Я осталась одна, собралась ещё немного поспать, но через десять минут за палаткой, стоящей спиной к кустам, что-то затарактело. Вылезла, огляделась – трактор! Остановился, гад, прямо позади палатки. Два мужика, не обращая на меня ни малейшего внимания, подвязали головы платками, взяли косы, пошли махать, косить траву у края ивняка.

Поднялся очень сильный ветер. Штаны мои слетели с крыши палатки, «унесённые ветром». Носки затрепыхали крыльями и унеслись вдаль, как птицы. Ветер южный, жаркий. Час, другой, третий прошёл, а он всё не стихает. Всю палатку занесло песком. Он везде, на вещах, внутри палатки, на еде, на лице, на груди, на зубах. Женщина в песках.

Пока Вера ходила в монастырь, я нашла себе хорошее развлечение. Здесь на мели полным-полно деревяшек причудливых форм и камешков. Я начала их собирать и увлеклась, не остановиться. А тем временем мужики скосили траву, погрузили её на тракторную тележку и уехали в нижний конец острова. Там, видно, совсем мелко, можно без проблем выбраться на берег. Вместо трактора заявилась, гуляя, смешная группа зевак: две коровы, телёнок, и рядом с ними деловито, как своя, семенила коза. Они обошли мою стоянку и вернулись обратно. Спрашивается, чего приходили? Поглазеть?

Вера пришла достаточно рано, около двух часов дня. Ей повезло с попуткой, хотя часть пути и пришлось идти пешком. Вечером за ужином она рассказала о своих впечатлениях от увиденного.

* * *

На следующий день встала я в шесть часов, а через час отправилась в дорогу. Через сорок минут добралась до шоссе, ведущего в монастырь сквозь лес. Ещё пятнадцать километров – и я там. И я зашагала. Ради любопытства решила определить свою скорость. Засекла время у первого километрового столба и получилось, что на один километр я затрачиваю двенадцать минут. Прошагала уже шесть с половиной километров, как услышала за спиной шум мотора. Меня нагоняла красная легковушка. Я проголосовала, машина остановилась. В машине – три угрюмых, неразговорчивых мужика. Я села.

– Хочу добраться до монастыря. Вы, наверно, туда же?

– Не туда, раньше остановимся, – буркнул водитель.

– Косить?

– Да.

На одиннадцатом километре они остановились. Прокатили меня четыре с половиной километра. Неплохо. Я поблагодарила и зашагала вперёд. А мужики остались. Ни кос у них нет, ни лугов поблизости не видать, один лес по обе стороны дороги.

Прошагала ещё четыре километра. Вот и мост через Кылтовку. Хороший, каменный, как через вполне серьёзную речку, не ручеёк. На другом берегу селение, храм виднеется. Привела меня дорога к храму. Я пойду туда, но сначала – купаться! Спустилась по склону к реке, разделась и залезла в воду. Б-р-р! Вода холоднющая, а дно уходит круто в глубину. И ширина реки далеко не в метр, пожалуй, полсотни метров будет. Надо же! А в устье такие мели! Вот так Кылтовка!

Немного обсохнув, я оделась и пошла к монастырю. Это несколько строений прямо посреди посёлка, впритык к жилым домам. На стене длинного двухэтажного кирпичного здания надпись: Крестовоздвиженский женский монастырь. Здание велико, монахинь мало, их всего десять человек и одна послушница. Зимой в здании холодно, летом душно.

Неподалёку на пустынной, раскалённой от жары площади стоит храм во имя преподобных Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев. Храм построен в начале двадцатого века, вскоре же и разрушен, а сейчас ремонтируется потихоньку, у одной из стен ещё леса стоят. Раньше, в запустении, ни крыши не было, ни купола, а наверху не то, что мох, даже деревья росли. Это сказала мне молодая женщина, послушница Вера, первая, кого я встретила. Я попросила её провести меня по монастырю, но она замялась:

– Я не могу, некогда. Обычно экскурсии проводит сестра Антонина, но она сейчас прилегла отдохнуть, очень уж устала. Вы подождите сестру Римму. Она сейчас коров доит.

– А вы чем занимаетесь?

– За мелкой скотиной ухаживаю.

Я вспомнила, как читала заметку в газете о подворье Кылтовского монастыря, которое находится в Сыктывкаре на Октябрьском проспекте. Там ежедневно, сообщалось, кормят бесплатно до ста человек нищих. Возможно, много продуктов поступает отсюда, с Кылтова?

– Вы, наверно, сами себя содержите?

– Да.

– А вы давно здесь живёте?

– Шесть лет.

– Вы довольны своей жизнью?

– Здесь – да.

Послушница отправилась по делам, а я обошла вокруг храма и у самой стены его обнаружила в небольшой деревянной оgrade могилу основательницы монастыря игуменьи Филареты. Умерла в 1918 году, как я позже узнала, её сердце не выдержало разорения монастыря коммунистами. А построили храм на средства купца Афанасия, фамилии я не запомнила. Видать, грешен был сильно? Такой храм отгрохать? Взятка Богу? Умер на Соловках.

Неподалёку от храма – склеп с мощами последней игуменьи монастыря Ермогены, последней, до окончательного закрытия монастыря в 1925 году. Новая власть употребила крепкие каменные здания примитивно, так, как умела – создала здесь тюрьму.

Двор, залитый солнцем, пересекла молодая худенькая женщина в тёмном одеянии. Монахиня Пинна. Она подошла ко мне.

– Вы хотите осмотреть храм?

– Да, если это возможно. А кто ремонтирует храм?

– Мы сами.

– Как сами?! Вы занимаетесь строительными работами?

– Нам помогали монахи из мужского монастыря. Приезжали и помогали.

У входа внутри храма – штабеля досок, но основное помещение для служб уже приведено в порядок. Недалеко от алтаря с правой стороны стоит большой деревянный крест. Пинна подошла к нему, перекрестилась, благоговейно приложила губами. Именно из-за него монастырь назван Крестовоздвиженским, гадаю я.

– Вот этот крест плыл по реке. Против течения! Его заметили и вытащили рыбаки, это было около Половников. Там после закрытия монастыря жила матушка Ермогена и ещё несколько монахинь. Матушка попросила поставить этот крест на её могиле, а через год и умерла, ей было уже за девяносто. Когда монастырь снова открыли, мощи матушки Ермогены перевезли сюда, они в склепе, а крест поставили в храме. Это чудо Господне.

– А почему крест как новый? Он же стоял под открытым небом, на могиле. Не потускнел, не почернел?

– Да. Мы сами об этом спросили владыку, когда он сюда приезжал. Он сказал, что, видимо, дерево особенное, кипарис, может быть? Я точно не запомнила.

Монахиня подводила меня к той или иной иконе, крестилась, прикладывалась и с восторгом рассказывала:

– Вот это – икона святой великомученицы Елизаветы. Матушка Елизавета была регентом в хоре. Её расстреляли в 1935 году за то, что людей на погребени-

ях отпевала. Она единственная в Коми крае из четырнадцати человек, удостоенных сана святых великомучеников, не священник, а женщина-регент.

– А кто у вас сейчас игуменья, и где она живёт? Здесь?

– Матушка Степанида. Она живёт в городе на подворье. А вот это икона наших святых, Зосимы и Савватия, Соловецких святителей преподобных. А вот эта икона – видите, какая старая? На ней почти ничего не было видно, но она замироточила, а теперь, видите? Часть изображения уже видна!

Да, что-то неясное, какие-то фигуры на ней проглядывали. Монахиня призналась, что сама любит рисовать и мечтает научиться писать иконы. Обойдя так весь храм, мы вышли, и Пинна снова закрыла дверь на замок.

– Вы извините, но я должна идти.

– А что вы делаете? Какой работой заняты?

– Да так, на огороде.

– Вы довольны своей жизнью?

– Здесь – да.

Пинна улыбнулась, поклонилась мне и ушла.

Я дождалась монахиню Римму. Это женщина моложе меня, в тёмном, как и другие, одеянии. Первым делом она пригласила меня в трапезную, угостила очень вкусным монастырским квасом. Предлагала выпить молока, предлагала остаться отобедать с ними и отстоять службу в храме, она начнётся в половине третьего, но я отказалась:

– Я не одна, меня подруга ждёт на берегу Выми у лодок. Если меня долго не будет, она будет волноваться. А обратно ещё шагать и шагать.

– А, так это ваша подруга вчера была?

– Да, мы с ней вдвоём путешествуем.

Римма повела меня вверх по лестнице в домовую церковь, где монахини молятся утром и вечером. Днём они проводят службу в храме. Домовая церковь – небольшое помещение. Все стены увешаны иконами. О каждой из них Римма рассказывала с любовью и восхищением: то одна икона кого-то исцелила, то другая.

– Вот эта икона исцелила уже двоих, а вот эта – очень многих, а эта – матушку Степаниду. У неё сердечный приступ был, она и встать не могла, а я сходила сюда, взяла икону, отнесла ей. Она приложилась, сразу легче стало. Она сказала: «Будто камень с души упал».

Римма подходила к иконам, крестилась, благоговейно прикладывалась.

– А вот эту икону Спиридонов подарил. И эту – тоже.

– Он к вам приезжал сюда?

– Да.

– А Торлопов здесь бывал?

Монахиня задумалась, видимо, припоминала – кто таков?

– Это теперешний, после Спиридонова, глава республики Коми, – подсказала я.

– Нет, не бывал.

– Когда Спиридонов отошёл от власти, вам, наверно, жалко было?

– Нет, – пожала она плечами, – всё в руках божьих.

Мы спустились вниз, на улицу, обогнули храм, подошли к склепу, небольшой будочке с крестом на обитой жёстью крыше. Я спросила:

- Какие у вас отношения с местными жителями?
- Хорошие.
- Они в церковь ходят?
- Редко когда, по праздникам. Свечку ставят.

Римма открыла дверь склепа. Здесь, как и на дверях храма, висел замок. Вниз вели три ступеньки. Внутри тесного помещения на стене напротив входа две иконы, а слева – гроб с мощами игуменьи Ермогены. Монахиня сообщила с удовлетворением:

– Как она здесь, уже двоих исцелила. Одна женщина приехала из Ухты, по дороге сильно простыла, а приложилась ко гробу, и за пять минут всё прошло.

Удивительна в ней, в Римме, детская вера в чудеса. Мы вышли. Оглядывая окрестности, Римма промолвила:

- Здесь всё на костях построено. Молиться и молиться!

Сама Римма ушла сюда, когда сыну исполнилось семнадцать лет, а дочери – двадцать. С мужем давно развелась, сыну тогда полтора года было.

– Я сказала владыке: сына в армию провожу и пойду в монастырь, а он сказал: иди сейчас, Господь поможет. И я пошла.

- А сердце за детей не болело?

– Нет, Господь помог. Сын уже консерваторию закончил, дочь тоже получила образование.

- Вы о них вспоминаете? Встречаетесь, ездили к ним?

- Как я в монастыре, только два раза виделись.

- Дети на вас не в обиде? С кем они тогда остались?

– Одни. Сын сначала обижался, а потом понял. Сказал: спасибо тебе, мама, рано научила быть самостоятельным. А бывало и так, что неделю манную кашу без соли ел. Но всё хорошо. Дочь замуж вышла, живёт в моём доме. Сын в городе. Господь помог.

- Вы довольны своей жизнью?

- Здесь – да.

Похоже, обитатели монастыря ни в чём не сомневаются, не раскаиваются, ни о чём не жалеют. Они смотрели на меня открытыми взглядами, от ответов не уклонялись, не хитрили и не изворачивались. И очень похоже на то, что они были искренни. Они мне понравились. Они – глубоко верующие люди. Наташка, моя сестрица, убеждённая атеистка, уверена, что верующие притворяются, а сами всё равно знают, что Бога нет. Я не знаю. Мне никто не доказал ни его отсутствия, ни его существования. Бог его знает, есть ли Бог! Но я видела искренне верующих людей, безмятежных в своей вере. Хотелось бы мне быть такой же спокойной, как они. Не получается. Вот и в этой поездке, вполне благополучной, меня не оставляли мысли и беспокойство о внуках, хотя я знаю, что у них вполне заботливые и любящие родители.

Только вот что я думаю: здесь, куда эти женщины убежали от своей прежней, видимо, неудачной жизни, свободы нет. Здесь люди целиком и полностью посвятили себя тому, кого, быть может, вовсе нет. Это рабство стопроцентное, потому что добровольное.

Римма, прощаясь, поклонилась мне в пояс.

- Господь с вами.

– И с вами тоже, – неловко пробормотала я, кланяясь в ответ.

Шла обратно и думала о судьбе Риммы. Знаю про себя, что я бы так не смогла. Но и осуждать её – ни за что! Результат-то у неё неплох. Редко кто может похвастать, что сын консерваторию закончил. Я – нет. И у дочери всё в порядке. Интересно, дети у неё верующие? Жаль, не спросила.

Я перешла мост через Кылтовку и приготовилась шагать пятнадцать километров, но вскоре меня нагнала машина. Остановились и подобрали, хотя в кабине сидело пять человек. Как выяснилось из разговора, они тоже были в Кылтове, но не в монастыре, а в посёлке у какого-то целителя. Мы домчались до берега Выми за десять минут. Я попрощалась с попутчиками, забрала припрятанные в кустах ещё утром, до путешествия в монастырь, пустые бутылки, отыскала колодец, наполнила бутылки водой, спустилась на «остров», увязая в песке, прибрела, наконец, к нашей стоянке.

Мы с Верой поели немного, упаковали вещи и отплыли. Пока два дня стояли на острове, вода упала ещё сильнее. Ещё день, и, думаю, пришлось бы нам нанимать трактор, чтобы вытащить лодки из песчаного плена. Мы долго волокли их, выбиваясь из сил, по десятисантиметровой, не больше, глубине, пока не добрались до верхнего конца острова. Вновь сели в лодки, обогнули остров с другой стороны и подошли к Серёгову, к правому берегу. Я отдыхала, а Вера сбегала в магазин, купила продукты. Потом поплыли дальше. Вниз по реке, по хорошей погоде – благодать!

Ненадолго останавливались у посёлка Ляли, потом у одноимённой деревни. Там за водой к колодцу-журавлю бегала я. У церкви заметила строительную технику. Неужели кто-то вспомнил про «памятник, охраняемый государством»? Совсем рядом – дом отставного военного, с которым познакомились в прошлом году. Дом выглядел нежилым. Это подтвердила и Вера. Пока я ходила за водой, она успела переговорить с местными жителями и узнала, что дом в Лялях прежний хозяин намеревается продать, а сам с сыном живёт в городе. Где орловский скакун, где их ужасная собака Баскервилей – не знаем. Не смог, видать, бывший особист прижиться в деревне.

В девять часов вечера мы причалили у песчаной косы за поворотом реки. Здесь решили заночевать на прежнем месте. Вода несколько дней назад была в трёх метрах от палатки, а теперь – в семи-восьми. Вдоль пляжа протянулась полоса мокрого песка. Утекала вода из реки. И не восполнялась, нечем.

Сделали ужин, я сидела у костра, и лень было сдвинуться с места, так устала. С утра ходила в монастырь, а к вечеру уже вон где! Как много день в себя вместил!

* * *

Утром солнце нагрело крышу палатки. Духота. На улице, если можно назвать улицей песчаный пляж, реку и лес на противоположном берегу, так вот, на улице мошкеры – зашибись! Она тутошняя, местная, на других стоянках такой нечисти не замечали. А как солнце поднялось, оводов появилось – тьма! Они мне все уши истоптали, самое уязвимое место оказалось, ахиллесовы пятки.

Мы позавтракали, собрались и отчалили. Через час проплыли под проводами ЛЭП, ещё через полчаса уже были рядом с устьем Ерыча, притоком Выми. Всё усиливался встречный ветер, плюс к этому невыносимая жара. Вода не приносила облегчения. Я пополоסקала за бортом лодки рубашку, надела, не выжимая, а через пятнадцать минут она снова стала сухой!

Прошли мимо деревни Ыб и с трудом, преодолевая порывы ветра, причалили к Острову Тракториста с той его стороны, что смотрит на деревню. Пробыли там до трёх часов пополудни. Вера почитывала газету «Епархиальные ведомости», которую нам дали в монастыре, а я лежала в лодке, смотрела на небо и увидела то, что раньше никогда не видела. На моих глазах облака стремительно меняли свои очертания, но это ещё пустяки. Они появлялись ниоткуда и исчезали в никуда! Я-то раньше представляла себе благостную картинку: вот плывёт себе облако, по пути потихоньку увеличивается, а когда достигнет критических размеров, проливается дождём. И всё. А тут такая захватывающая картина, глаз не оторвать.

Не дождавшись, пока стихнет ветер, двинулись дальше и довольно быстро, всё-таки по течению, достигли Усть-Выма. Вера взяла фотоаппарат, пошла в село. Я осталась. Не прошло и полчаса, как внезапно всё притихло в окружающем мире. Ветер стих, небо затянуло тучами. И вдруг сильный порыв ветра заставил меня снова взглянуть на небо. В той стороне, куда нам надо держать путь, всё было уже черно: и небо, и вода, и лес на берегу. Наши лодки, лишь наполовину вытащенные на песок, заплесали на волнах и стали стремительно заполняться водой. Нешуточные гребни с белыми барашками понеслись вспять, запихивая реку назад, в устье. Я не верила своим глазам: и это тихая, спокойная Вымь?! У меня с головы слетел кепарик и помчался со скоростью ветра, пока прибрежный ивняк не схватил его, не дал исчезнуть навсегда. Я бросилась к лодкам, сколько могла, вытащила их повыше на берег, перенесла вещи с кормы на нос, подальше от воды, накрыла всё плёнкой, а в это время вокруг уже всюду бушевала сухая гроза. Сверкали молнии, непрестанно громыхал гром, но не пролилось ни капли дождя.

Прибежала Вера, обеспокоенная погодой. Не знали, что делать дальше. Ночевать здесь, под мостами да под грохот поездов? Но к семи часам вечера небо прояснилось, чернота исчезла, река успокоилась. Мы решили плыть, отчалили и уже через десять минут благополучно вошли в Вычегду, поплыли вверх по течению. Перебрались на другой берег, пошли мимо Острова Трёх Вокзалов. Пльвём, пльвём, пльвём – и нет ему конца. Судя по карте, остров длиною около четырёх километров. И снова на нас напали чайки! Который раз уже за поездку! Их очень много этим летом. Вот и на этот раз – пльвёшь, а над тобой истерично кружит чайка и орёт, дура, благим матом. Пикирует сверху вниз, норовит клюнуть в голову, но не смеет. Сбросит на лету какашки как пикирующий бомбардировщик и взмывает вверх. А ты жди, долбанёт она тебе по башке, или нет. Плыть-то нам всё равно надо. Так и плыли под панические вопли мамаш-истеричек.

Наконец обогнули остров, зашли с другой стороны, остановились, раскинули палатку. Место обычное: песчаный пляж, заросли ивняка, но есть в глубине острова и хвойный лес. Сделали костёр, поужинали. За день прошли двадцать четыре километра. Неплохо, ведь шесть из них мы плыли уже по Вычегде, против течения.

* * *

Утром встали, позавтракали. Дождя ночью не было, но всё небо в тучах. У Веры день рождения. Она решила прогуляться по острову, ей хотелось сфотографировать Полавье на другой стороне протоки. А я стала собирать вещи, упаковывать их так, чтобы удобнее было тащить в гору в Коквицах. Я надеялась следующую ночь спать уже под крышей дома моего.

Последний отрезок пути был очень трудным. Мы вышли с острова в полдень. Небо стремительно менялось, со стороны Коквиц нёсся грозовой фронт. Когда мы поняли, что дождя не избежать, то остановились на пустынном берегу, укрыли вещи в лодках, добежали до ивняка, уселись на складных стульчиках, накрылись Вериним дождевиком и так переждали ливень, начавшийся сразу же, как только мы от него укрылись. Громыхало, сверкали молнии, но довольно скоро сплошная полоса дождя унеслась дальше.

Мы снова двинулись в путь. Нам предстояло обогнуть Коквицкую гору с прилегающими к ней землями. Добрались до крутого поворота реки вправо. Там, за этим поворотом, очень сильное течение, вода мчится навстречу, и нелегко ей сопротивляться. А на берегу рыбаки с удочками. Они молча проводили нас удивлёнными взглядами: что здесь делают в такую погоду две женщины? Сами дураки...

Устав бороться со встречным течением, перебрались на другой берег, на длинную дугу поворота. В прошлом году нам помогал шикарный ветер фордевинд, толкал в спину, а сейчас этого помощника не было. Снова начался дождь, небольшой и нестрашный. Гроза продолжалась в стороне. Мы подплывали к последнему повороту и решили сократить путь, снова перешли к Коквицкому берегу. Наконец, за поворотом показалась гора с деревней на горбу. До дома остались считанные километры. Начался пережат, мель, занявшая почти всю ширину реки. Мы потащили лодки, потом снова поплыли, с трудом, навстречу водоворотикам, вдоль крутого глинистого берега. Из последних сил, непрерывно работая вёслами, доплыли до длинной песчаной косы перед горой. Уже и дом мой был виден наверху. А песчаные косички не дают ни плыть, ни шагать. В одном месте глубина десять сантиметров, а через метр – уже по пояс. Я плюнула, прямо в брюках и сапогах зашагала по пояс в воде. Ух! Всё! Причалили! Дважды, сгибаясь под тяжестью, поднимались с вещами в гору. Наша поездка закончилась.

* * *

На Выми пустынно. На Выми умирающие, умершие деревни, нищета. На Выми широта, простор и горизонт. На Выми посреди водного пространства – только мы двое, я и Вера, Вера и я. На Выми тот самый покой и та самая воля. Только не знаю, где счастье.

2004 г.

Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович – коми гижысь, драматург. Чужис 1964 вося июнь 21 лунö Кулöмдін районса Вöльдін сиктын. 1988 воын помаліс Сыктывкараса государственнöй университет, филология факультет. Уджалö Коми наука шöринлön Кыв, литература да история институтын, туйлö фольклор. Тиöкыда йöзöдö гижöдгяссö «Арт», «Войвыв кодзув» журналгясын. Кывбургясыс да висъгясыс петалісны торгя книгаясöн. 1989–1998 воясö Олег Ивановичлысь пьесаяссö пуктісны Коми республикаса государственнöй фольклор театрын.

«Вöлі пыж, и вöлі öзын...»

* * *

Олöм-вылöм!
Став кöсйöм и колöмön
оз тай нырвизыыс мун, оз тай тшöктыссы.
Коркö косьöбтас ныр-вомад олöмыд,
коркö кокньöдлас –
сьывсьö и йöктыссьö.
Талун сьöкыд, и пемыд, и кынтöдö,
бытьö кок увсьыд вошöма ордымыс,
аски видзöдлан:
шондіыс ыпгъялö,
тэнö пыкöны пöльяслön ортъясыс,
ловтö лэптöны козьналöм бордгясöн.
Лэбан-чилгысян олöмыс веркösöдз.
Шоньд сьölöмлы, ывлакöд ёртасян...
Тадз и Омоль да Ен костас шердйыссьö...

22.05.2003.

* * *

Кольквиж розаяс
Вайи ме тэд, а чайті,
Зарниось найö.

09.01.2009.

* * *

Зэв өдйö ыззывлін да өддзывлін,
Но менö ыззыөдін дай көдзалін.

05.03.2010.

* * *

Со бара талун сьөлөм южмөма,
Да пужйөн-лымйөн йизьö лов.
А төрыт думыштлыны кужим-ө,
Мый öти лунөн нэм он ов.

22.03.2010.

* * *

Донай, зарной, мусай,
Кысь бара татшөмыс усьөмыд?
Исипа-укладөн пузим өд...
Водджык тай укладыс пурсьывлө...

24.03.2010.

Вунөдөм герой

«Өд вөлі пыж, и вөлі öзын...»,
Мый морыс ковмис меным йөзын?

Но гөбөч шуд лаз зептö босьтi,
Да ыджыд ноптыр сюрнянь косьтi.
Ас йөзлы қорсьны петi гортысь
Выль шемөс му. Ме, öтка қорсьысь,
Қузь туйö вөрзи шыөн-пуртөн,
Но весьөн лоис мусö куртөм.

Ме вуджи юяс, изъяс, эрдъяс,
И муыс-ваыс менö вердліс.
Но мойдвыв муыд эз ло воча,
Көть вөлі сьөдъясын и рочын,

Кӱть сюрліс би пыр, ва пыр вуджны,
И соскӱс уна пӱръя пуджлі.
Лӱк вынӱн венлі, письтлі гусьӱн,
А коркӱ мунлі-й лӱз ной кузя.
Ме гундырлилысь юръяс сӱтлі,
И эзысь-зарни нопъям лӱдлі,
И авъя нывъяс-аньяс бокӱ,
Дерт, нӱровтчывлі, бур-ӱ-лӱкӱ.
И кыпыд гора сьылан сьывліс
Ме йылысь нӱмӱвӱйся сьылысь.
И гаравлісны шогӱн-гажӱн,
Но ставыс кольӱма тай важӱ.

Кор кулі сӱӱд дзормӱм сьылысь,
Сӱк войтыр вунӱдіс ме йылысь...
Мый корси кӱнкӱ бокын, йӱзын?
ӱд вӱлі пыж, и вӱлі ӱзын,
И керка – куд кодъ кыркӱтш йылын...

Но пыжӱй сӱсьмис ӱзын вылын,
Сӱӱд вӱв дом-сюръя воймис, пӱрис,
Дзуг раскӱн вежсис пожӱм вӱрыс.
Выль войтыр менӱ оз нин сьылӱд,
А корсян муӱй воши ылӱ.

24.03.2010.

* * *

Кодралі муслунӱс, кодралі,
Кодарын бара тӱ, кодарын?
Вывтӱджык водзын-ӱ кодалі,
Мусюрывыв йӱраӱн котралі?
Гашкӱ и, олӱмыс сӱйсьӱма?
Ордымыс тӱ дорӱ сӱйзьӱма,
Тырӱма понӱльӱн, вутшӱюрӱн.
Гашкӱ и, кылалан ю шӱрӱ
Кольсьӱма мусаӱс ӱтканас?
Гашкӱ и, лӱдзсьӱма пӱтканас
Пыдӱстӱм енӱжсӱ ордавны?
Бордӱяммыв, муслунӱй, бордӱяммыв...

24.03.2010.

* * *

Бөр вoi вaжaс,
Важ шoгac-гaжaс.
Важ oрдым вылac,
Кoд мeнö кылac?

Дзик нeкoд aбу вaж пырзöминын,
Зэв гылыд йöлa куш гирзö ылын
Лёк нeрсян шыөн,
Сюзь сeрaм гыөн.
Важ вөр дi сoтчöм.
Куш oртöй oрччөн.
Но тaйö туйöд жö мунли вoдзын,
Но тaйö туйсö мeн индiс кoдзув.
А гaшкö, вeжсис и oрдым нырыс?
Со кoдкö бoксянь зэв мусa пырис.

Збыль öмöй куслöм
Бөр рöмзö муслун?
Дзик тшынас ру кoдь...
Эн, вужля, крукöд.
Эн, oрдым, руав.
Сэк, гaшкö, суa?

29.03.2010.

«Жизнь священна и дороже всех теорий и всех временных целей».

**Каллистрат Фалалеевич Жаков
(Пале Кале)
(30.09.1866 – 20.01.1926)**

К. Ф. Жаков

Правила жизни по лимитизму

1. Никому не вреди, а столько сколько можешь, помогай.
2. Стыдись всего того, что ниже твоего человеческого достоинства.
3. Жалей всё живущее, ибо все страдают, и более всего грешники.
4. Благоговей пред всем тем, что выше тебя.
5. Думай не только о старости своей, но и о том, что будет после смерти твоей.
6. Вседневно твори церковь Духа истины, ибо в ней найдёшь ты опору души твоей, и твоё умножение.
7. Ежечасно будь готов ко смерти, но твори добрую жизнь, как будто ты собираешься жить 300 лет.
8. Не бойся гонений, распятий (это путь ко великому), и слёз своих не стыдись, – ибо из всего этого вырастут цветы благоухания.
9. С лукавым человеком и с лукавыми народами только одно делай: не имей с ними никакого дела, не участвуй в их прибылях, и в их злокознях. Не покупай краденого у мира ни под каким видом.
10. Избегай пуще всех того, кто строит из голов человеческих лестницу, ведущую на трон. Противодействуй всеми силами против этих людей.
11. Прежде чем вести дело с человеком, спроси о его происхождении, дабы не только понимать слова его, но предвидеть и дела его.
12. Не обманывай никого, и не позволяй обманывать тебя других, как ребёнка малого.
13. Никогда не отказывайся от великого, доброго, общего дела, говоря: «у меня своих дел много». Знай, если не будет великих добрых дел, не останется и для тебя никаких дел.
14. Не дорожи особливо прелестями земли, зная, что прошедшее сказка, а будущее утопия. Добродетель одна нетленна.
15. Не говори лишнего, молчи о планах твоих, и прежде чем ответить, подумай немного.
16. Если ты всю жизнь творил добро, не бойся на старости протягивать руку за помощь, ибо человеческая жизнь – круговая порука взаимопомощи.
17. Бесперывно изучай действительность своими глазами и ушами, не доверяй книгам, ибо в книгах не всё есть, что бывает в жизни.
18. Ищи во все дни твои Бога – Творца твоего.

Велк. Профессор К. Жаков

9-го декабря 1920

* Подготовка к публикации С. Н. Ковальчук.

Правила жизни

41

1. Никому не вреди, а всем, сколько можешь, помогай.
2. Стань всем жон, твоя жизнь твоей человеческой достоинство.
3. Не надо во всем, что все неправда, а только все правильное.
4. Договорись перед всем жон, твоя воля твоя.
5. Дума не только о своем, но и о жон, твоя судьба только зависит от твоей.
6. Вседневно твоей душе нужна, но во ней найдешь, то опору души твоей и твое существование.
7. Ежедневно будь готов к жизни, но твоей дружбе нужна, как будто тебе соображается жон 300 лет.
8. Не жон жон, распадайся (твоя жизнь и великая), и без себя не забудь, — из всех жон важнейшая жизнь человечества.

Елена Созина

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Уральского государственного университета, заведующая сектором литературы Института истории археологии УрО РАН (г. Екатеринбург). Сфера научных интересов – история русской литературы, литература региона; мифопоэтика текста, типы художественного сознания и письма. Автор книг: «Теория символа и практика художественного анализа», 1998; «Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850 гг. и стратегия письма классического реализма», 2001; «Эволюция русского реализма XIX в.: семиотика и поэтика», 2006.

Творчество К. Ф. Жакова в культурном контексте XX века*

Творчеством К. Ф. Жакова, замечательного писателя, поэта, оригинального философа, вправе гордиться народ коми. Между тем, оно стало достоянием науки не так давно. Едва не первая монография о Жакове, принадлежащая перу С. Канева, была издана в Сыктывкаре в 1990 г.¹ Но если судить по библиографии трудов Жакова и о Жакове, память о нём не прерывалась на протяжении всего века и, пусть тонкой нитью, тянулась от 1930-х гг., минуя военное лихолетье, в конец 1950-х гг. и далее. В 1991 г. в серии «Научные доклады» Президиума Коми НЦ была выпущена брошюра «Творчество К. Ф. Жакова» под ред. В. Н. Демина, в 1993 г. в «Трудах Института языка, литературы и истории» (вып. 55) были опубликованы материалы первой конференции по творчеству Жакова, включившие в свой состав и статьи указанной брошюры. С тех пор сыктывкарские конференции о Жакове, насколько нам известно, стали более или менее регулярными, даже если они посвящались не одному Жакову: отмечу материалы конференции «Зыряне в истории русской словесности», прошедшей в 1997 г. (сборник появился в 2000 г.) и «Сборник трудов об основоположниках коми литературы» 2008 г., где опубликован ряд концептуальных работ о Жакове и как о писателе, и как о философе. Конечно, чрезвычайно большую роль в привлечении внимания научного сообщества к Жакову сыграло обретение его архива – его транспортировка на родину, публикация сообщений об этом знаменательном событии в местной печати². Но, на наш взгляд, задача исследования и описания наследия Жакова, создания целостного представления о его творческом развитии, т. е. исследова-

* Исследование подготовлено в рамках интеграционной программы УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII – начало XX в.».

¹ Канев С. Н. Каллистрат Жаков: Жизнь и судьба. Сыктывкар, 1990.

² См., напр.: Артеев А. Рукописи не горят // Арт/лад. 2006. № 2.– С. 127–139.

ния его художественного мира в единстве с его мировоззрением, философской позицией, во всём многообразии его творчества далеко не решена. Жаков сочетал в себе ипостаси философа, писателя, поэта, критика, учёного. В этом плане он личность действительно уникальная, энциклопедическая и синкретическая – таких людей и рождал Серебряный век, «ренессансное» время русской культуры, ставшее временем её заката. Трудно сказать, что здесь первично. Образование, полученное Жаковым, его работа в Петербургском Психо-неврологическом институте, его научные занятия логикой, астрономией, психологией, математикой, историей философии, а затем ещё и этнографией, безусловно, формировали из него учёного-исследователя, и таким он проявляет себя в ряде трудов по соответствующим наукам. Но сам он неоднократно писал о том, что только как поэт и сказочник (Гараморт) реализует он свою истинную сущность, и действительно, детская душа поэта ощутима во всех его художественных, а зачастую и философских текстах. Его называют коми-зырянским Фаустом, но в не меньшей степени ему было свойственно дон-кихотское начало, и кто знает, чем и как завершилась бы жизнь Жакова, будь он в дни революции и гражданской войны не в Латвии, а в России. Попытаемся наметить линии духовно-художественных поисков Жакова в некоей целостности, имея в виду, что по ряду позиций они совпадали с проблемными полями современной ему культуры, а нередко и культуры всего последующего XX века.

Известно, что свою философию сам Жаков назвал лимитизмом. Как пишет И. В. Федорович в очерке о философии Жакова, лимитизм «претендовал на роль теории обобщающей, индуктивной, признающей весь человеческий опыт», концепция же его «основана на идее существования отношения между нашим познанием и бытием»¹. По слову самого Жакова, в ней «знание идёт к пределу своему, т. е. к постижению сущности природы»². Содержание лимитизма складывалось из пяти пунктов, выделенных самим учёным (гносеология, логика, метод, мировоззрение, теория), или, более обобщённо, из трёх – гносеология, метафизика, мораль³. В философских трудах, как это и положено по классической традиции, Жаков чаще всего излагал принципы гносеологии, логики, психологии; метафизика и мораль, т. е. учение о бытии и основах человеческого поведения вкупе с историософией чаще оставались на долю художественных произведений. Наряду с признанием Первопотенциала источником всего сущего, философскими аналогами которого, по указанию И. В. Федоровича, можно считать категории Единого, Абсолюта и Абсолютной идеи, Мировой воли, Бога и т. д., не меньшим значением и весом для Жакова обладала природа – «проявление бессознательного, но премудрого Духа... зеркало могущества источника жизни»⁴. По мысли Жакова, «созна-

¹ Федорович И. В. Философия К. Ф. Жакова // Тайё сьылём – коми олём / В этой песне коми жизнь: Сб. трудов об основоположниках коми литературы. – Сыктывкар, 2008. – С. 235, 238. О философии Жакова см. также: Ковальчук С. «Взыскую истину...» (Из истории религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешин, К. Ф. Жаков, А. И. Вейдеман. Середина XIX – середина XX в.). Рига, 1998. – С. 100–114.

² Жаков К. Вступление // Качаровская А. С. Гипотеза роста, развития, размножения и продления жизни. (Учитывание бесконечно малых величин в биологии) / С предисл. проф. Жакова. Пг., 1915. – С. 3.

³ Об этом также писал И. В. Федорович, а кроме того см. у самого Жакова: Жаков К. Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб., 1906.

⁴ Там же. – С. 86.

ние – двойник природы и гомологичен ей»¹, поэтому «природа – сад, данный нам для упражнения наших сил; Космос, в законах которого мы ищем следы Вечного Логоса»². Как природа живёт в ритме вечных чередований «умирания и воскресения», так в них же живёт и душа, из бессознательного состояния приходя на стадию сознания, а затем, по мере умирания, вновь возвращаясь на стадию бессознательного природного Духа. Эти взаимопревращения тела и Духа, природы и сознания Жаков показывает во многих произведениях, наиболее яркий пример – новелла-сказка «Венулитто» из книги «Из жизни и фантазии» (1907), где мудрый старец Шахмапутро умирает, но и остаётся жить, обращаясь в Духа природы и временами беседуя с сыном. Поэтому, как полагал автор, вполне достоверна загробная жизнь, поэтому же не вечно существование земли: она «или расплавится... или луна упадёт нам на голову, или сама земля упадёт на солнце...», но душа непременно «воплотится на иных мирах»³. «Эти величественные идеи эволюционной философии», как называл их философ, претворялись им в художественно-образную плоть, и, вероятно, именно вера писателя не в «потустороннее», а во вполне реальное существование после смерти порождала его жизненный оптимизм, так выгодно отличавший Жакова от многих современников.

Но Жаков определял свою философию и как «эволюционный символизм», при этом символы выступали у него своего рода орудиями познания, «психическими событиями», или явлениями, соответствующими физиологическим. Очевидно, в наивном символизме Жакова можно найти связи с учениями «эмпириокритицизма», махизма и проч., которые критиковал Ленин в когда-то знаменитой работе «Материализм и эмпириокритицизм» (здесь надо сделать сноску на работу Жеребцова, опубликованную в сборнике 1993 г.). Но возможны и иные связи и параллели, не исключающие чисто философских, на уровне которых Жаков уже в ту пору мог выглядеть «чудаком» и «простецом» (о чём он неоднократно говорил сам). В первую очередь, конечно, следует указать на связь с символизмом, и близость писателя к этому направлению, в начале века затронувшему буквально всех людей искусства, замечательно воссоздает И. Е. Фадеева, говоря о переключках произведений Жакова с симфониями А. Белого⁴; ранее неоднократно указывалось также на близость поэзии Жакова и К. Бальмонта, Н. Клюева, почти непрерывным стало упоминание одобрительного отзыва А. Блока о публикации «Песен Пама Бурморта» Жакова в «Зелёном сборнике» 1905 г.⁵ Но обратим внимание на более общие, концептуальные сближения.

Напомню, что на уровне творческого метода, манеры письма существовали разные подразделения внутри самого символизма, так, к разряду «психологического символизма» могут быть отнесены художественные воззрения такого тонкого поэта и критика начала века, как И. Ф. Анненский: это установление зачастую весьма прихотливых, ассоциативных соответствий между явлениями

¹ Жаков К. Ф. Учение о душе (лекция, читанная в г. Юрьеве в Учительском Институте). Юрьев, б/г.– С. 14.

² Жаков К. Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали.– С. 86.

³ Жаков К. Ф. Учение о душе...– С. 16.

⁴ Фадеева И. Е. Рефлексы культуры и культурная авторефлексия (о жанровой природе прозы К. Жакова) // Тайё сыллём – коми олём / В этой песне коми жизнь.– С. 225–231.

⁵ Обо всём этом см., в частности, упоминавшийся выше сборник: Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 55: К. Жаков. Проблемы творчества.– Сыктывкар, 1993.– 164 с.

окружающего мира и психологическими состояниями лирического «я» поэта. И хотя в области лирического творчества Жаков и Анненский – принципиально разные художественные дарования и величины, важен сам принцип, когда психика человека выступает тончайшим резонатором и проявителем вселенной, а значит, между её органами и физическим миром устанавливается поистине символическая связь. Однако эволюционный символизм, развиваемый Жаковым, имеет и иной смысл, скорее онтологический, а значит, обнаруживает и более глубокие, более давние корни. По сути, Жаков предлагает читать книгу природы как именно книгу: «В небесах мы читаем историю своего солнца и своей земли... в слоях земли читаем своё происхождение, имеющее связь с существованием наших братьев-животных и растений; каждая частица материи учит нас к познанию вечного и временного, указывает нам наши задачи на земле»¹. Символы рассеяны в мире природы, поэтому и письмо Жакова, как совершенно справедливо заметила И. Е. Фадеева, носит символично-аллегорический характер², и это характеризует не только поэтику цвета в его стихах и прозе (о чём также упоминает исследовательница), но и самую образную предметность. Вот пример из последней сказки-новеллы «Неве-Хеге» книги «Из жизни и фантазии»: «Светлое солнце долго сияло над землёю. Жизнь цвела в её лучах. Сменялись поколения за поколениями зверей, людей и птиц. Седая старость, дочь бесконечности, летела из бездны к матёрому, царственному сыну природы – к яркому солнцу. Прилетела и прикрыла своими чёрными крылами светлый лик любвеобильной денницы»³. Налицо близость к поэтическому языку не одного лишь А. Белого – на первых порах так писали многие символисты, вспомним, например, Л. Андреева (а с его эсхатологическим экспрессионистским символизмом перекликаются многие вещи Жакова), стихотворения в прозе И. Анненского, его же переводы стихов и прозы (преимущественно прозаических миниатюр по типу стихотворений в прозе) французских символистов, «парнасцев» и «проклятых» поэтов. Сама эта архаическая для начала века, тяжеловесная, велеречивая риторика напоминает скорее даже язык предшествующей эпохи – романтизма, в свою очередь наследовавшего традиции барокко. Ведь мир как книгу предлагал читать ещё Симеон Полоцкий. А следовательно, Жаков соединяет разные линии символизма: «реалистический символизм», который пропагандировал Вяч. Иванов, и символизм если не «идеалистический» (определение Вяч. Иванова), то гносеологический, или психологический, о котором было сказано выше. Не случайно источником его аргументации нередко становились произведения литературы: мысль о природном, естественном (эволюционном) символизме он подтверждал цитатой из Достоевского «землю целуй и неустанно, ненасытимо её люби», что для Жакова означало: «Постоянно изучая её и подражая её мудрости, постоянно твори, зная жизнь материи, землю обращай в небо, и небесное сделай твоим жилищем. Тогда несказанная радость наполнит твоё сердце»⁴. Будучи не отвлечённым философом, но учёным, не чуждым естественных методов изучения материи, Жаков был преисполнен деятельной любви к миру – любви, преображающей вселенную вполне буквально, как буквально он

¹ Жаков К. Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. – С. 86.

² Фадеева И. Е. Указ. соч. – С. 229.

³ Жаков К. Ф. Из жизни и фантазии. – СПб., 1907. – С. 102.

⁴ Жаков К. Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. – С. 86.

понимал обмен человека с природою не только силами и опытом, а и духом, как буквализировал потусторонний мир (о чём говорилось выше) и самую смерть – своеобразный «предел» в земных устремлениях человека.

Для ряда героев Достоевского «Бог и природа – одно», так мог сказать и Жаков. Его философия по органике исполнена духа панпсихизма, но, впрочем, христианский пантеизм находил в творчестве Достоевского В. Зеньковский, окрашивал он философию Вл. Соловьёва и в целом был характерен для творчества многих художников и мыслителей Серебряного века. От природосообразности мирозерцания и своеобразного поклонения духу природы Жаков делает естественный шаг к учению космизма, широко распространившегося на рубеже веков и в начале нового столетия – от Вл. Соловьёва, Н. Федорова, Н. Бердяева, К. Циолковского, В. Чижевского до очень многих художников – И. Бунина, Л. Андреева, Вл. Маяковского и др. Так, в целом ряде произведений Жакова сама земля представляется прекрасной сияющей звездой, «на звезде живём» – эта фраза лейтмотивом проходит через все новеллы-сказки сборника «Из жизни и фантазии». И это не метафора! Вспомним строки из стихотворения Н. Гумилева: «Земля, к чему шутить со мною: / Одежды нищенские сбрось / И стань, как ты и есть, звездой, / Огнём пронизанной насквозь!», – мономиф которого предполагал возвращение человека на свою истинную прародину – в Сверхмир, к Отцу. Это трансцендирование за пределы земного – опять-таки характерная примета художественных и философских систем многих авторов Серебряного века. Однако само сочетание эволюционной философии с космизмом наводит на мысль о связях Жакова с древнейшей философией и религией нехристианского извода: таковы имеющие восточные корни идеи о переселении душ, о перевоплощении, популярные в ту эпоху (как здесь опять не вспомнить Н. Гумилева), о своеобразной цикличности вселенского бытия – а это одна из основных идей индуистской религии и философии (и, кстати, сам Жаков делает массу отсылок к Индии, в художественных произведениях нередко давая индийские имена своим героям, посылая Пама Бурморта в далёкую Индию, а Парабрама выступает у него кем-то вроде Бога-Отца, создавшего мир)¹; это пантеистическая мысль о наполненности вселенной жизнью, о растворённости Духа живого в самой природе...

В «Песнях Пама Бурморта», ставших его первой литературной публикацией, Жаков, подобно первоантичным философам-поэтам, воздаёт хвалу Материи, Веществу, Природе – единому целому Вселенной, голосом и словом которой ощущает себя поэт. Его «Песни» попадают в самый «мэйнстрим» тогдашней литературы модернизма. Так, в стихах поэтов, окружающих «Песни» Жакова в «Зелёном сборнике», одним из ведущих мотивов является мотив перевоплощения, переселения душ, а наряду с ним – активизации прапамяти человека, влекущей его в иные времена и пространства. «Я нынче расскажу тебе о том, / Как умирал я...» («Кухулин» Ю. Верховского), «Быть может, я уже лишь смутный призрак... / И

¹ После публикации трудов Е. Блавацкой и серии экспедиций Н. Рериха Индия стала для Европы страной желанной, обещающей живые чудеса, исполненной красоты и мистики. Поэтому немудрено, что Жаков использовал идеи и образы индийской философии, религии, да просто ментальности в своих произведениях. Но его учение не сводится к одному источнику. Так, существует гипотеза о внутренних связях Жакова с масонством. См.: Муравьев В. М. Религиозные взгляды К. Ф. Жакова // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 55: К. Жаков. Проблемы творчества. – С. 93–96.

словно две я жизни пережил...» («Из северных записок» Вл. Волькенштейна), «Меня влекут чудесные сказанья, / Народный шум на старых площадях...» (сонет М. Кузмина) – таков ближайший поэтический контекст Жакова, в который легко включаются уже упомянутый Н. Гумилев, О.Мандельштам с его «Я не слышал рассказов Оссиана...» и многое, многое другое. В этом окружении стихи Жакова, пожалуй, более философичны, хотя и выдают некую тайную и чрезвычайно напряжённую личную боль поэта, о которой мы скажем чуть позже.

Поклонение природе и материи постоянно для Жакова и принимает разные формы, вплоть до призыва к возвращению «старых богов». Это позволяет говорить о том, что творчество писателя вливается в движение «языческого ренессанса» начала XX века, имеющее как теоретические, так и художественно-практические формы; есть смысл рассматривать его в общем контексте «неорелигиозного сознания», преобладавшего у современников Жакова в те годы. Но вот что важно: противостоя «пессимизму нашего времени» (по названию статьи Жакова 1911 г. «Мировая грусть и пессимизм нашего времени») и не впадая в оргиастическую (языческую же) теургию, Жаков окрашивает свою мифологию в просветляюще праздничные тона, что кардинально отличает его, например, от А. М. Ремизова, воплощённого «язычника» Серебряного века. Пожалуй, стоит напомнить, что в начале 1900-х гг. Ремизов был в ссылке на Севере, несколько лет прожил в Усть-Сысольске, ознакомился с фольклором и мифологией коми, итогом чего стали его произведения северных циклов, в частности, цикл «Полуночное солнце». Его вторая часть под названием «Северные цветы» непосредственно отражает увлечения писателя и космологией коми («Омель и Ен»), и национальным бестиарием. О северных циклах Ремизова писал Ю. В. Розанов¹, и их связь с фольклором и литературой коми – это отдельная тема для разговора, я хочу лишь напомнить, что «Космогонический миф севера», как определил его жанровую специфику сам автор, под заглавием «Ен и Омоль» есть и у Жакова, правда, написанный позже цикла Ремизова. Но писатели были знакомы и встречались в период ремизовской ссылки, потом переписывались, так что более чем вероятно их взаимовлияние друг на друга. Сам Ремизов указывал: «Книги и рассказы просвещённых зырян: книги К. Ф. Жакова и рассказы В. В. Налимова (ошибка, правильно – В. П. Налимова. – Е.С.) дали мне ту шапку-невидимку, в которой я сам на свой страх пошёл по лесам и полям странной зырянской земли, как странна медноликая зырянская ночь»². В космогонических мифах того и другого обнаруживается много общего, но принципиально разным оказывается эмоциональный пафос, настроение, передающееся читателю в текстах Ремизова и Жакова. Ремизов акцентирует в северном мире ужасное, странное и страшное, осуществляя акт сотворчества с коми национальной образностью, он рисует существа, созданные Омелем и потому враждебные человеку – Полезницу, Икету, Кутья-Войсу, Бубылю, Кикимору. В духе декаданса и собственных демонических симпатий ему более интересен Омель – «бог печального образа»³. Совсем в ином свете предстают мифологические существа и «старые боги», «северные боги» Жакова – у него не найти

¹ См., напр.: Розанов Ю. В. Зырянский миф Алексея Ремизова // Рябининские чтения: Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. – Петрозаводск, 2007.

² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3. – М., 2000. – С. 600 (комментарии).

³ Там же.

страшных уродцев, рисуемых Ремизовым. В космогонических сказках Жакова сами боги задумываются над тем, как спасти землю и людей, и всегда находится некто вроде Беженады-Вирси-Урго, исполняющий миссию спасителя и передающий эту эстафету следующим поколениям.

Думается, «язычество» Жакова потому и напоено светом, что для него самого свет шёл от природы, от пронизывающего её духовного начала и той веры в общехристианского Бога-Отца, лики которого рисует на иконах герой Жакова резчик Фалалей и с которым беседует автор-герой в книге «Сквозь строй жизни». В ряде произведений писатель воссоздаёт образы языческих богов коми, скорбит об их уходе с земли, призывает вернуться – и в то же время сама мысль о душе, об индивидуальности, живущей на земле и в определённый час покидающей её, чтобы возродиться на иной планете, несёт общехристианский след. «Душа важнее материи», – учат людей его мудрецы. – «Дух есть то, для кого нет ни пространства, ни времени, ни материи, он видит через эти три покрывала жизни»¹. Так и Первопотенциал Жакова – не идея Бога, не просто Абсолют, это некая воплощённая возможность персонального Бога живого, которую он реализует в своей личной вере и в личном поиске. Поэтому, как мне представляется, эволюционный символизм Жакова оказывается чрезвычайно близок к учению христианского мыслителя XX в. Тейяра де Шардена, создавшего завершённую систему эволюционно-космической философии.

Их многое сближает: стремление к синтезу науки и религии, разума и интуиции (мистики), идеи панпсихизма и рассмотрение линии эволюции как естественного усложнения материи, натуралистический параллелизм принципов материи (отождествляемой, как и у Жакова, с веществом) и духа, а отсюда – признание взаимообусловленности сознания и материального строения. «Материя – мать духа, дух – высшее состояние материи», «...концентрация сознания изменяется обратно пропорционально простоте материального соединения, которое их сопровождает... сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает»² – писал Т. де Шарден. Что французский философ рассмотрел, так сказать, в теории, то коми сказочник дал в образной, «фантазийной» форме. В философской сказке-мифе «Ен и Омоль» Жаков разворачивает величественную картину творения земли и последующего рождения на ней всего живого, т. е. процесса эволюции, запущенного Еном: «Развернулись силы природы, этого великого лука, натянутого беспредельно-могучим стрелком»³. Чем далее идёт развитие Земли, тем совершеннее рождаются существа, и, наконец, лишь у маленьких существ, рождённых от бога Омолья, обладающих наиболее изящным и тонким строением, пробуждается сознание. Есть и более поражающие сцепления мыслей философов. Силы человечества у Т. де Шардена в конечном итоге «конвергируют» к высшему Единству, которое он называет Духом Земли. «Это такая же олицетворённая метафора, – говорит автор предисловия к сочинениям Шардена Б. А. Старостин, – как Дух Земли в “Фаусте” Гёте, “деятельный гений бытия”, воплощённый в извечной смене смертей, рождений»⁴.

¹ Жаков К. Ф. Из жизни и фантазии. – С. 84, 79.

² Шарден де П. Т. Феномен человека. – М., 1987. – С. 27, 59.

³ Жаков К. Ф. Ён и Омоль (Космогонический миф севера) // Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. – СПб., 1913. – С. 192.

⁴ Шарден де П. Т. Указ. соч. – С. 25.

О Духе мира идёт речь в философских сказках Жакова, хотя, вероятно, назвать его лишь олицетворённой метафорой было бы неверно: он есть буквальное воплощение Духа природы, Духа земли – как, впрочем, и у Гёте. Вводя этот образ, Жаков использует древнейший эзотерический символ, называемый обычно «оком (или глазом) Бога»: «С иного мира говорю тебе через центр земли. Свет сияет мне из-за облаков материи, свет духа мира, тот Глаз, который глядит из-за Бесконечности... Огненный треугольник объёмлет Его» (из речи мудреца Шахмапутро)¹. Завершением земной эволюции для Т. де Шардена, писавшего свои труды гораздо позднее, чем Жаков (с 1937 по 1946 г.), знакомого с идеями «ноосферы» В. И. Вернадского, был «внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей сосредоточенности». Этот «момент» он и называл «концом света»: «Конец света – переворот равновесия, отделение сознания, в конце концов достигнутого совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность всей своей силой покоиться в боге-омега»². Ещё раз напомним, что именно таков путь мудреца Шахмапутро, заканчивающего своё посюстороннее существование, в сказке Жакова. Тайнственная же точка Омега Шардена – это одновременно точка Альфа, точка равноденствия, которая есть одновременно в центре и на периферии: воплощение «философской веры», рационально и мистически осмысляемый принцип и образ Бога. Не близок ли к нему Первопотенциал Жакова?.. «Новая религия – эволюционного – наполнит землю и уничтожит вражду народов»³, – высказывает он своё заветное убеждение в романе «Сквозь строй жизни», и в нём же даёт представление о Первопотенциале, к которому, как к своему пределу, вечно стремятся человек и человечество. Своеобразную проекцию шарденовских точек Альфа и Омега у Жакова мы находим и в другом аспекте, об этом скажем далее.

Эволюционная модель развития жизни Жакова воплощалась в мифе, он создал грандиозную мифологическую систему, философское содержание которой проговаривается на языке фольклорной и литературной образности, где жанры сказки, притчи и собственно мифа (в узком смысле) являются центральными, но не единственными: за ними открываются жанровые формы средневековой литературы, об этом писала в своём исследовании В. А. Лимерова⁴. Если гносеологию Жакова «держит» идея предела, если его онтология исходит из понятия и веры в Первопотенциал, то антропология и историософия «управляются» представлением об эволюционном развитии жизни и живого, вполне коррелирующим с лимитизмом. Однако в содержании мысли Жакова наличествует и безусловная парадоксальность, внутренняя противоречивость, связанная с тем, что его упование на миф и дологическое, доисторическое существование человека, т. е., по существу, его вера в «золотой век», которым в ряде произведений писателя выступает языческая, дохристианская стадия цивилизации и культуры народов (в частности, коми), изначально противоречит его же вере в науку и если не в прогресс, то в саму идею эволюции. Поэтому развёртывание мифа Жакова имманентно себе

¹ Жаков К. Ф. Из жизни и фантазии. – С. 84.

² Шарден де П. Т. Указ. соч. – С. 225.

³ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни: Роман. Сыктывкар, 1996. – С. 237.

⁴ См.: Лимерова В. А. Традиции средневековых жанров в творчестве К. Ф. Жакова. Сыктывкар, 2005. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; вып. 473).

имеет целью снятие этого противоречия, которое на языке поэзии он проговорил ещё в «Песнях Пама Бурморта»:

О если бы упал на меня один лист,
 Один плод неземной,
 Изменилась бы душа моя,
 Мечты иные излились бы из груди,
 Глубокой рекой протекла бы мысль моя
 По кругу земному,
 Не иссякла бы эта река,
 Не заковал бы её мороз сомнений
 Хрустальными цепями,
 Ни жар палящий фанатизма,
 Иссушающий разум и сердце¹.

Современный этап жизни человечества оценивался Жаковым, подобно писателям-классикам XIX в., чаще всего крайне негативно: «Железные законы мира давят всё живое <...> Ужасный мороз эгоизма, культуры, нервной жизни заледенил все источники живого»². Городская культура отдаляет человека от природы, расщепляет его сознание, на первый план выходит материальный план, перед которым умяляются дух и душа. От этой «машины жизни» и умирают, и бегут многие герои Жакова, наделённые интуицией и фантазией, пламенным сердцем и широкой душой, но не способные примериться к современному миру. Носителями «золотого века», т. е. исчезающего идеала оказываются герои-простецы и мечтатели, представители «малых», презираемых и гонимых городом народов, такие как Венулитто, Тогай, Иван Долговязый, Миликар и др. – их истории составляют содержание сказок-утопий, размещённых обычно в конце очередной книжки Жакова, будь то «Из жизни и фантазии» (1907) или «Под шум северного ветра» (1913). Это сказки-утопии, т. к. они венчаются благополучным разрешением конфликта простого человека-мудреца с ушедшей вперёд цивилизацией, обычно за счёт мудрой городской девы, принимающей «правду» пришельца и его самого. В этих сюжетах Жаков осуществляет инверсионное превращение цивилизаторского мифа о приходе к «первобытным» народам некоего учителя, обычно не только обучающего их новым знаниям и умениям, но и развращающего их сознание (ср. «Сон смешного человека» Достоевского): теперь в роли учителя городских людей, бегущих за прогрессом, но забывших о простых и самых нужных человеку вещах (прозрачная аллюзия на современность, как её оценивал Жаков), как раз и выступает простак-мудрец, над которым смеются городские умники. Отсюда возможна ещё одна архетипическая параллель сюжету Жакова – рассказ о Христе, явившемся с проповедью к тем, кто почитал себя учёными и знающими истину (как мы помним, среди его первых слушателей, поверивших учителю, тоже была женщина – Мария Магдалина).

Конечно, писатель понимал, что такого рода разрешение онтологического конфликта современного ему мира является сказочно-утопическим, идущим из мира

¹ Жаков К. Песни Пама Бурморта // Зелёный сборник стихов и прозы. – СПб., 1905. – С. 56.

² Жаков К. Ф. Из жизни и фантазии. – С. 20.

«фантазии» – как сознавал это и Достоевский, назвавший свою повесть о «золотом веке» «сном». Но для Жакова, как и для Достоевского (ведь говорил же последний о «фантастическом реализме»), фантазия свидетельствует о самом верном и правдивом в жизни. Характерно, что в предисловии к книге «Из жизни и фантазии» Жаков переводит антиномии современной, в частности, городской культуры в экзистенциальный план: он представляет свою книгу как попытку «воспроизвести безумие жизни и мудрость бытия, диссонансы житейских событий и гармонию во Вселенной»¹. Чисто умозрительный характер, подчинённый авторской концепции, имеет и логика её построения: от изображения человека, повисшего «между двумя безднами: жаждой истинной красоты и гнётом безжалостной житейской прозы», но в итоге всё-таки сломленной жизнью, метасюжет книги движется к реконструкции образов «простецов», сумевших победить «не только обычную жизнь, но и обычный разум, обычную мораль, обычное (общепринятое) искусство»². В целом, такова структура всего творчества Жакова: среди его художественных произведений принято выделять³ *реалистические рассказы и повести* – обычно они из жизни, современной писателю, или из недавнего прошлого его народа; *сказки, предания, мифы* – «фантазийные» вещи, как метко именует их И. Е. Фадеева, – в них либо даётся обработка фольклорных сказаний, либо это оригинальные сказки-утопии, о которых уже шла речь; третью часть художественно-творческого наследия писателя составляют *очерки*, причём к ним зачастую относятся и собственно рассказы (такова, например, композиция книги 1990 г., составленной А. И. Туркиным, «Под шум северного ветра»). Но дело в том, что так называемые реалистические произведения писателя тоже несут в себе мифологическое содержание, и это – проекция основного мифосюжета Жакова о славном прошлом, в котором жили герои-богатыри, духи и боги природы, вымещаемом печальным настоящим, где главенствуют совсем иные ценности, на место пантеона «северных богов» приходит христианский Бог, его святые и церковь, храм-природа заменяется храмом-церковью, которая может быть выстроена где угодно – в деревне и в городе, великаны коми вымещаются маленькими хитроумными русскими, так что малые, «дикие» народы встают на грань вымирания (см., напр., рассказы «Охотник Максим», «Парма Степан», очерки «На Богословский завод», «Холуницкий завод. Рассказ Аркадия Лескова» и др.). По сути, модернистский характер носит и поэтика этих произведений Жакова: они не только свободно включают в свой состав на правах элементов сюжета фольклорно-мифологическую содержательность, но в них сознание автора-повествователя торжествует над реальностью и нередко наделяет её своими смыслами, имеющими как интерпретационный, так и сугубо экзистенциальный характер. Не социальные коллизии, а просвечивающее сквозь них извечное начало жизни и сменяющей её смерти интересует Жакова. Представление о жизни как *сказке бытия* определяет его восприятие действительности, и это опять-таки согласуется с идеями многих мыслителей и художников XX в.

Жаков исходил из архетипа сказки (фантазии, вымысла), поэтому для него любой поэт и он сам – в первую очередь сказочник, Гараморт. Й. Хейзинга, также

¹ Там же. – С. 3.

² Там же.

³ См., напр.: Лисовская Г. К. Новеллистика К. Ф. Жакова // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 55: К. Жаков. Проблемы творчества. – С. 57–64.

обращённый к первобытной архаике, выстраивал здание культуры на архетипе игры: «В сфере игры находится вся жизнь первобытного человека», поэтому и поэзия «стоит по ту сторону серьёзного – у первоисточников, к которым так близки дети, животные, дикари и ясновидцы, в царстве грёзы, восторга, опьянения и смеха. Чтобы понять поэзию, нужно обрести детскую душу и облачиться в неё, как в волшебную рубашку, и мудрость ребёнка поставить выше интеллекта взрослого»¹. О том, что Жаков питал подобные идеи, напоминать вряд ли стоит, и не по этой ли причине его собственное творчество имитирует подчас не только детские фантазии, но и детскую простоту изложения, это своего рода «наивное искусство», которое в те же годы начинало завоёвывать культурное пространство, а выходило оно нередко из среды самих «первобытных» народов, обогащённых культурой (Н. Пиросмани, А. Руссо, П. Гоген и др.). В этом плане творчество Жакова отличает редкий гармонизм содержания и формы, философии и художественного творчества. Однако вернёмся к основному мифу Жакова, к его мировоззренческой системе.

Итак, в пространстве творчества Жакова образуется мифологическая оппозиция: *первобытный рай, леса севера – цивилизация и культура, город*, чрезвычайно ярко она представлена в автобиографическом романе «Сквозь строй жизни». Движение к культуре оценивается здесь как регресс и потеря, хотя это же есть и путь жизни: «О детство волшебное! Зачем ты так быстро пролетело?! Зачем покинул я свой Эдем и бросился в ужасную пучину забот и горя?! Нет, не вернётся уже никогда золотая юность!»²; «Ступил я на путь, где ждали меня великие бедствия, отошёл я от берегов первобытной жизни и не дошёл до ворот истинной культуры. Всю жизнь плыву посередине. Безумствам моим не было конца и ошибкам нет счёту»³ и т. д. Оценивая современную ему культуру и культурных людей отрицательно, автобиографический герой романа между наукой (культурой) и мастерством отца выбирает, тем не менее, науку, знание, хотя в своём взрослом, искушённом состоянии бесконечно скорбит по поводу состоявшегося когда-то выбора, одновременно понимая, что иначе и быть не могло. Эта противоречивость лично-авторского сознания Жакова (выше отмеченная на концептуальном уровне его авторского мифа) рождает чувство бесконечной *вины* перед своим народом и желание оказать ему всемерную помощь исходя из тех знаний, которые он получил, поэтому в автобиографической книге он неоднократно говорит о своём призвании как поэта, так и учителя, надеясь, что его рассказ о своём трудном пути «сквозь строй жизни» окажется полезным для других. Но он же понимает, что идеал «первобытного рая», «золотого века» вряд ли может быть возвращён, ибо с обретением культуры меняется человеческое сознание, и люди, как бы они не хотели этого, уже не могут упасть обратно в бессознательное «всё». Поэтому на уровне представлений о пути своего народа в ритме жизни общечеловеческой цивилизации рядом с фантазийным и беспроблемным сюжетом сказок-утопий, подчиняющихся чаще всего логике сознательной «робинзонады» или эскапизма (герой, протак и мудрец, уходит из города вместе с возлюбленной, осознавшей его

¹ Хейзинга Й. НОМО ЛУДЕНС // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе.– М., 1991.– С. 69–70.

² Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни.– С. 35.

³ Там же.– С. 41.

правоту), о которой, судя по всему, мечтал и сам автор (и не он один – в пространстве культуры не только рубежа веков, но и всего XIX в. таких было много: от А. Пушкина до Л. Толстого и др.), формируется новый идеал единства жизни и культуры, сознания и бытия – так проявляется своего рода прогрессивно-познавательная роль «утраты». «Я дикарь, а живу в больших городах, восхищённый многим и земными сторонами удручённый, но в душе живёт высшая надежда на новые времена, когда дикари и культурные согласятся в веротерпимости и в свободе»¹. Однако этот идеал плохо согласовался с реальностью жизни «примитивных» народов, вытесняемых русскими и другими, более успешными в прогрессе народами, – с реальностью, усвоенной, как уже говорилось, мифом Жакова. Поэтому, в эпоху оживления процессов национального возрождения и концептуализаций национального (а эти процессы были характерны для начала XX в.), писатель стремится осуществить формирование новой этничности своего народа. Он расширяет границы своего этноса за счёт нового тождества, пытаясь установить доисторическую и лингвистическую связь коми не только с финским миром, но и с сибирскими народами, а потом и с японским.

Зыряне, пермяки, вотяки, мордва, северные самоеды, тунгусы и др. для него – народы «наивные», «простые» и «юные», противопоставляемые европейцам, и именно им принадлежит будущее. В автобиографической книге Жаков проповедует нечто вроде великой революции, долженствующей изменить мир: «И первобытные народы узнают силу свою и противопоставят книжной учёности тех, кто сидит над бумагами, не ими написанными, живую мудрость и знание природы, и, повинувшись только нравственному закону и не теряя здоровья своей девственной натуры, поднимутся дальше по пути совершенствования и уничтожат аристократизм культурных народов...»². В рассказах и сказках-фантазиях он не доходит до такого мессианского радикализма: социально-культурный утопизм с оттенком эсхатологии сменяется, или соседствует с моделью космической, планетарной эсхатологии, где сама идея переселения не людей, а их душ на другие планеты (что для Жакова, признающего неоспоримый примат духа над материей, было тождественно переселению людей) живо напоминает позднейшие мечты К. Э. Циолковского. Но, надо полагать, на других планетах и будет возможно новое воплощение заветного и потерянного для землян «рая». Иначе говоря, если для *индивидуальности* возможный путь – трансцендирование за пределы своего «я», т. е. выход в сверхсознательную, сверхчеловеческую сферу бытия Духа, составляющего одно с природой (путь мудреца Шахмапутро и Пама Бурморты из его же песен), то для *человечества* это буквальный трансцензус, получаемый путём контаминирования времени мифа – циклического или структурно-дискретного, и линейного времени истории, совмещаемого с идеей христианской эсхатологии, лишённой Апокалипсиса, итогом чего и становится инверсионное проецирование «золотого века», т. е. бессознательного прошлого народов, в будущее. Так, если воспользоваться терминологией Т. де Шардена, точка Альфа становится точкой Омега, и цикл эволюции возможен для нового повторения, но уже на иных планетах, в иных сознаниях. Серьёзное отличие Жакова от французского философа и теолога состоит, однако, в том, что земные души не объединяются у него в одно целое

³⁶ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. – С. 190.

³⁷ Там же. – С. 285.

(новое) человечество, а расселяются по Вселенной, ибо Вселенная в целом, куда возвращается человеческий дух, и есть объединяющее всё и вся начало.

Кроме обозначенных здесь концептуальных связей Жакова с философами и поэтами, близкими по времени, нельзя не упомянуть о непосредственной перекличке его идей со взглядами ещё одного представителя народа коми – В. В. Налимова, также развивавшего эволюционную философию космизма на основе единого трансдисциплинарного подхода¹, хотя его жизнь и деятельность пришлось на гораздо более позднее время. Можно предположить, что в первые десятилетия XX в. готовился тот мощный прорыв умов в сферу ноо-, который известен нам сегодня под видом идей и учений космизма, космического эволюционизма, коллективного бессознательного и т. д. В последней трети XX в. их продолжением стали как синергетика, так и различные теории метаязыков (вторичных моделирующих систем), в определённом смысле они могут считаться развитием на новом витке семиотических концепций знака и символа, создававшихся в среде поэтов и философов Серебряного века. Каллистрат Жаков, разработавший универсальную систему бытия и познания, был причастен ко всему кругу идей, созревших в поле неклассического сознания XX в.

¹ См.: Федорович И. В. В. В. Налимов: векторы работ, проблемы эволюционизма, личное «соприкосновение» // Мыслители-выходцы из земли Коми: В. П. и В. В. Налимовы: Материалы налимовских чтений: Культура в XXI веке: катастрофа или трансформация? (Сыктывкар, 31 окт. – 2 нояб. 2001 г.). – Сыктывкар, 2001. – С. 93–113.

К. Жаков

Гимн Латвии

Прекрасная Латвия, любимая мною!
К сыновьям твоим и к дочерям обращаюсь
Словом сердечным моим.
Вникните, дети сердца моего,
В положения и в тайны лимитизма
И будете вы мудры.
Ваш разум озарит тогда Вселенную
Разноцветными лучами.
Не бойтесь старости, ни наивности, ни дикости.
Некогда мне было думать о здоровье своём.
Я думал лишь об одном
Во все дни мои:
«Что существует и что быть должно?»
Приблизьтесь ко мне.
В тайны чисел посвящу я вас, –
В величие потенциалов мировых;
И укажу направление,
В каком ведётся политика сокровенная народов.
Но что важнее всего этого;
Тропу покажу вам,
Ведущую к звезде отдалённой,
К разумению всех наук и философий.
Идя этой тропой,
Чертоги увидите вы занебесные,
Где Творец наш обитает
О дети сердца моего!
Внемлите мольбе
В старости своей будете вспоминать вы
Те вехи, на что я указал.
И утешение неземное получите вы,
Размышляя о секретах мироздания
И о промысле Божьем
Жив, жив Он,
Господь наш!
И благословит Он
Прекрасную Латвию,
И даст разум сынам и дочерям её,
И лучи их разума озарят Вселенную.

Светлана Ковальчук

Ковальчук Светлана Николаевна – доктор философии, ведущий исследователь Института философии и социологии ЛУ, участник проекта «История идей Латвии».

Автор свыше 100 публикаций на русском, латышском, английском, среди которых две монографии: «Протестантский модернизм в США (Анализ протестантской теологии)», 1991; «Взыскуя Истину... (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. Середина XIX века – сер. XX в.)», 1998.

В 2000–2007 годах активно занималась общественной работой в Пушкинском обществе Латвии. Результатом этого сотрудничества стал выход в свет сборника статей «Покровское кладбище. Слава и забвение», составителями которого являются С. Видякина, С. Ковальчук.

В 2006 году стала соавтором выставки, посвящённой Покровскому кладбищу и его истории, прошедшей в июле–сентябре в Латвийской Академической библиотеке. В 2008 году стала соавтором выставки «Русские в Латвии», состоявшейся в ноябре месяце в Доме Москвы в Риге.

Латвия в жизни Каллистрата Жакова

«Вся моя жизнь – скорбь, но ничто не сравнится с печалью последних лет». Это строки из письма профессора Санкт-Петербургского Психоневрологического института Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866–1926), последние девять лет жизни которого неразрывно связаны с Прибалтикой. Возможность приоткрыть некоторые подробности жизни Жакова в Латвии предоставляет Латвийский государственный исторический архив, хранящий документы *Общества лимитивной философии Латвии*. В этом фонде содержатся оригинальные лекции, небольшие по объёму литературные произведения, письма К. Ф. Жакова. Конечно, это всего лишь часть, возможно даже, что незначительная, архивного наследия профессора. Большая часть его рукописей отошла его наследникам – супруге Алиде Каролине Приеде, подруге последних дней Марии Заринь, Эрнесту Барону, *Обществу лимитивной философии Латвии* – и в итоге безвозвратно утратилась для культуры Латвии¹.

Итак, взявшись в очередной раз писать о поэте, писателе, этнографе, философе, неутомимом путешественнике Жакове, мне не хотелось пересказывать уже ранее написанное о нём, тем более во всех деталях и тонкостях раскрывать суть его философских воззрений. Об этом достаточно написано. Знаток истории русской культуры Ю. И. Абызов опубликовал список работ К. Ф. Жакова, изданных на

¹ Фотографии для данной статьи позаимствованы из личного архива Мариса Зариня – портреты Марии Заринь. Из личного архива Мары Приеде использованы портреты Алиды Приеде и её детей. Фотографии Э. Барона и Э. Гросвальда из Латвийского государственного исторического архива, фонд паспортов: фонд 2996, опись 2, дело 7335, фонд 2996, опись 7, дело 35640.

русском языке в эстоно-латвийский период жизни¹. Публикации Жакова на латышском языке можно отыскать посредством так называемого Указателя Гинтера². Сергей Белоконов в своё время собрал интереснейшие материалы из жизни философа в Киеве³. Да и автору этих строк не раз довелось писать о философе⁴. На сей раз мною скорее двигало желание прояснить окружение Жакова: ведь годы, которые ему судьба отмерила провести в Латвии, Риге, годы полные драматических событий, он находился в окружении латышей, встречая сочувствие, помощь, поддержку и порой неприязнь.

Давпон, Киев, Петербург

Вот некоторые черты биографии зырянского самородка, как Жакова называли в печати. Он поистине обладал многими талантами, дававшими ему возможность овладеть многими науками и языками. Происходил Каллистрат Фалалеевич из многодетной крестьянской семьи из глухой деревушки Давпон, затерявшейся в Вологодской губернии. Где только не овладевал премудростью молодой Жаков, мечтавший о светлой доле учёного мужа! Сколько учебных заведений пришлось пройти, чтобы в 30 лет получить наконец-то заветный аттестат зрелости, открывший заветную дорогу в университет. Вначале был с 1896 года университет св. князя Владимира в Киеве, где мучительно долго пришлось выбирать между философией и астрономией, математикой, биологией. Но любовь к философии оказалась сильнее. Вскоре Жаков перевёлся в 1899 году в Санкт-Петербургский университет.

Поступив в столичный университет, Жаков обрёл душевное равновесие, может быть, видимое, но всё же равновесие. Чувство стабильности обеспечивала

¹ Ю. И. Абызов. Русское печатное слово в Латвии 1917–1944. Био-библиографический справочник. – Stanford, Stanford university Press, 1990. Т. 2. – С. 72–74. Публикации К. Ф. Жакова в Латвии, Эстонии на русском языке: Карма (Сказка) // Народ. Независимая демократическая газета, 1919, № 8; Экзамен // Либавское русское слово. Ежедневная беспартийная независимая газета, 1921, № 16; Мировая загадка // Либавское русское слово. Ежедневная беспартийная независимая газета, 1921, № 55; Конец мира // Последние известия, Ревель, 1921, № 287; Рождение Христа // Последние известия, Ревель, 1921, № 309.

Как создаются философские системы. (Гектографический конспект лекции). Бюро множительной работы В. Я. Упеслей. – Рига, 1923; Поэзия земли. Издатель Мария Яковлевна Заринь. Рига, 1927 (тираж 1000) Типография А. Креслинг; Лимитизм, единство наук, философий и религий. Издатель Латвийское общество лимитивной философии. – Рига, 1929. – 226 с.

² В указателе латвийской прессы – «Gintera radītājs» содержится список статей Жакова за 1924, 1925 гг. на латышском языке в газетах «Latvijas Sargs», «Strādnieku avīze», журнале «Lācplēšis limitists».

³ С. Белоконов. Зырянский Фауст // Даугава, 1988, № 5. – С. 112–124. В указанной статье автор показал влияние и взаимосвязь Жакова с украинской культурой.

⁴ Вот только несколько публикаций последних лет: К. Ф. Жаков, А. К. Приеде // «Покровское кладбище. Слава и забвение» / Сборник статей. Составители С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, Multicentrs, 2004. С. 193–195; К. Žakova Rīgas arhīvs. // *Reliģiski-filozofiski raksti*. – Rīga, LU FSI, 2005. № 9. 78–99 lpp.; Философские поиски К. Ф. Жакова // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – С.-Петербург, 2006. № 2. – С. 42–44; Путь извилистый земной. Рижский архив философа Каллистрата Жакова // Даугава, 2008, № 1/2. – С. 128–156; Рижское окружение Каллистрата Жакова // «Россия и Балтия» В. 5. Войны, революции и общество. – М.: «Наука», 2008. Вып. 5. – С. 185–210.

семья: вторая супруга Глафира Никаноровна (урождённая Николаевская), дочь Евгения и сын Вадим¹. По окончании университета его ждало чтение лекций в средних учебных заведениях, защита научных работ. В 1907 году с открытием Петербургского Психоневрологического института, который возглавил выдающийся учёный Владимир Михайлович Бехтерев, Жаков получил должность профессора и возможность вплетать в курсы своих лекций идеи лимитивной философии (или философии бесконечно малой величины). В лекциях Жакова присутствовало наступательно критичное отношение к системности и научно утончённо разработанным гносеологическим идеям Канта. В юные годы Каллистрат Фалалеевич даже выпил раствор сулемы от невозможности осмыслить, принять, или, наконец, «смириться» с кантовой «вещью в себе». Ведь идеи Канта с 1781 года – с года опубликования в Риге первой книги т.н. критического периода «Критики чистого разума» – всегда встречали как восторг почитателей, так и поток критических отзывов. Романтики Йенской школы, а также представители классического немецкого идеализма И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель были в ряду мыслителей, с известной долей критицизма относившихся к идеям Канта. В России у философии Канта были свои критики и сторонники. Дерзость Жакова состояла ещё и в том, что он, возможно, поступил в Петербургский университет с целью громить философию Канта. Стены Петербургского университета служили своеобразным оплотом философии Иммануила Канта, поскольку профессор А. И. Введенский ревностно защищал имя кенигсбергского мыслителя, кантианцев и неокантианцев вообще (Г. Когена, П. Наторпа, Г. Риккерта, Э. Кассирера), ревностно воспитывал последователей их идей.

Авторитет и влияние российского неокантианца профессора А. И. Введенского Жаков, увы, не смог поколебать. Герой этой статьи пошёл иным путём. В своих работах он всячески стал подчёркивать, что вся логика историко-философского процесса неумолимо подчинена одной цели – подтвердить суть и смысл философии дифференциального исчисления, или философии бесконечно малой величины, или философии лимитизма Каллистрата Жакова. С ним не спорили, не вступали в диспуты, заведомо зная бесплодность такого диалога! Думается, им двигала благая научная цель: фактически он следовал по стопам Френсиса Бэкона, ратовал за создание современной версии натурфилософии, прочно опирающейся на современное естественнонаучное знание (физику, биологию, математику, астрономию). Более того, Жаков провозгласил о создании метафизики как всеединой «вселенской совершенной гипотезы». Заявленные намерения, увы, по большей части так остались в набросках, небольших статьях, в текстах лекций, прочитан-

¹ Мне довелось состоять в переписке с Любовью Вадимовной Жаковой – внучкой Жакова. Любовь Вадимовна в письме от 14 декабря 1990 года сообщила о судьбе её бабушки Глафиры Никаноровны, которая «умерла от голода в первую блокадную зиму Ленинграда. В семье было двое детей. Дочь Евгения 1901 года рождения и сын Вадим, мой отец, 1903 года рождения. Живых потомков этой семьи, кроме меня и моих многочисленных детей и внуков, не осталось. У Евгении Каллистратовны был сын Анатолий Степанович Лунев, погиб смертью храбрых под Орлом в 1943 году. Вадим Каллистратович Жаков, ленинградский инженер, погиб в 1937 году, посмертно реабилитирован в 1956 году, за отсутствием состава преступления. Я выросла в семье тётки, сестры мамы. Никого уже нет в живых». Любовь Вадимовна Жакова по специальности художник, живёт в Ярославле. Её муж, Лев Андреевич, при вступлении в брак взял фамилию Любоми Вадимовны – Жаков. В своё время Л. А. Жаков, доктор биологических наук, заведовал кафедрой зоологии и цитологии Ярославского государственного университета.

ных в рижский период жизни. И, наконец, во всеуслышание объявил о наступлении эпохи «новой, эволюционной, иррелигиозной религии». 100 лет назад подобное заявление не прибавляло число сторонников. Как экстравагантная интеллектуальная выходка, воспринимался следующий поворот философских рассуждений Жакова: на место христианского «Бога Живаго», Троицы Единουσущной – предлагалось фактически возвести Потенциал мира – бесконечно малую цифирь! Вселенная, по мысли Жакова, должна была восприниматься как нерукотворный храм, в котором иконостасом служит звёздное небо. «Поклонение Вселенной и Богу как Первопотенциалу представлялось Жакову силой, способной соединить несоединимое – Россию и Китай, Европу и Азию, слить воедино все религии мира, создать некую высшую форму религии – религию Богочеловечества. Философ неоднократно восклицал: “Какая красота! Моё религиозное чувство, которое безмерно, согласуется с порядком динамики великого Космоса!” Космос объединит всех, ибо Вселенная возникает по универсальным законам высшей математики, законам интегрального исчисления, “проведённым по всем граням бытия”»¹.

По природе своей, бурная, мятущаяся, неуёмная жаковская натура не обладала способностью к поиску золотой середины. «Одни называли меня искателем правды, другие – авантюристом, третьи – политическим деятелем, самым ловким и искусным, четвёртые – несчастным, пятые – сумасшедшим»². Он всегда ощущал жизнь как великую трагедию, проживал свою единственную, Всевышним дарованную, жизнь как трагедию. Об этом он впервые написал в 1912 году в романе «Сквозь строй жизни»: Трагедия жизни, – писал он, – самая верная, неотлучная возлюбленная моя. Я философ, а философия ныне не в моде. Вот первая трагедия. Я хочу помочь зырянам, но не имею никаких средств на это. Вот вторая. Я люблю астрономию. Но ею заниматься я не могу. Такова третья трагедия. Я – писатель, но сказочник, и никому не нужен я. Ещё трагедия есть – трагедия жизни. Я придавлен этими трагедиями»³.

В стенах Петербургского Психоневрологического института – уникального учебного заведения Каллистрат Жаков снискал себе славу и любовь студентов. Несомненно, в его личности было нечто такое, что поражало его почитателей до глубины души, увлекало и впечатляло. Жаков – 11-й ребёнок в крестьянской семье из вологодской глуши, стал столичным профессором! Он добивался права, нет, требовал, уважения права быть самим собой. В. М. Бехтерев – замечательный русский учёный, создатель и ректор Психоневрологического института с пониманием относился к Жакову, но при этом всегда корректно повторял: «Не дави на людей своим лимитизмом», «все рассердятся»⁴.

¹ С. Н. Ковальчук «Взыскуя Истину...» Из истории русской религиозной и общественно-политической мысли Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. – Рига, издатель Институт философии и социологии ЛУ, 1998. – С. 108–109.

² К. Ф. Жаков «Сквозь строй жизни». – СПб., издание М. К. Костина, 1912. Ч. 2. – С. 49.

³ К. Ф. Жаков «Сквозь строй жизни», Ч. 1. – С. 152–153.

⁴ Другие коллеги по философскому цеху советовали: «Пощади философов, – советовал известный лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, – ищи авторитетов на западе». «Ты рождён для прений», – говорил каноник в церкви св. Екатерины. «Он не будет профессором, пока я жив, утверждал профессор философии А. И. Введенский, утешая своих учеников и прибавлял: – Гараморт – неизбежное зло в философии». К. Ф. Жаков. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Rīga, Limitiskās filosofijas bedrības Latvijā izdevums, 1929. – С. 31–32.

Фотография преподавателей Петербургского Психоневрологического Института, год неизвестен, в первом ряду – второй слева К. Жаков, а четвёртый слева, в кителе – профессор В. М. Бехтерев. Фото из архива Мемориального музея академика В. М. Бехтерева.

В предреволюционную, бурлящую эпоху это привлекало молодёжь – студенческое общество печатало и распространяло философские книжки любимого профессора. Скромная квартира Жакова и его семьи размещалась на Большой Гребёцкой, в доме 47, по воскресеньям гостеприимно открывала двери для проведения многочасовых семинаров и бесед на всевозможные темы. Сведения об этих событиях сохранились в архиве Мемориального музея В. М. Бехтерева в Петербурге, в книгах, посвящённых П. А. Сорокину, который также был вхож в этот дом. Наверняка, и латышские студенты, обучавшиеся в Психоневрологическом институте, присутствовали на этих семинарах и внесли свою лепту в распространение идей профессора Жакова. Небольшая работа «Kas ir filozofija?» появилась в латышском переводе ещё в 1914 году.

Наряду с даром оратора, темпераментного лектора Жаков «страдал» пристрастием к сочинительству. Ещё в середине 90-х годов XIX века его охватил «недуг», скорее, «наполовину сумасшествие». Это «душевное нездоровье» он ещё определял как неискоренимую, непобедимую, «несчастную страсть к писательству»¹. Эта страсть принесла результаты. Почти каждый был озаглавлен, не беря в счёт отдельные публикации, достойной литературной, философской монографической публикацией: «На севере в поисках за Памом Бурмортом» (С-Пб., 1905 г.), «Понятие предела в математике» (С-Пб., 1905 г.), «Очерки из жизни рабочих и крестьян на севере» (С-Пб., 1906 г.), «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали» (С-Пб., 1906 г.), «В хвойных лесах. Рассказы коми морга» (С-Пб., 1908 г.), «Под шум северного ветра» (С-Пб., 1913 г.), «Гипотеза, её природа и роль в науке и в философии» (С-Пб., 1915 г.). Главным литературным

¹ К. Ф. Жаков «Сквозь строй жизни». – С-Пб., издание М. К. Костина, 1912. Часть 1. – С. 41.

произведением стал увлекательный автобиографический роман «Сквозь строй жизни», выходявший частями в Петербурге с 1912 по 1914 год. Этот роман завоевал признание критиков и читателей. Секрет успеха предвоенного романа Каллистрата Фалалеевича в описании длительного путешествия, которое он предпринял в 1912 году: страстный путешественник, он исходил, изъездил необъятные просторы Российской империи, Китая, Японии. Мучительное свойство к перемене мест, незабываемые впечатления от поездок рождали литературные произведения (рассказы, сказки, поэмы, былины, стихи), становились основой научных изысканий в области этнологии, этнографии. Так, в 1901 году за этнологический очерк о зырянах Жаков получил большую серебряную медаль Русского географического общества.

Псков, Юрьев, Валк, Рига

Всё нарушилось в жизни Жакова на рубеже 1916–1917 гг. – молодая особа Алида Каролина Приеде вошла в его жизнь. Бурные перемены принёс и 1917 год: отречение от престола Николая Второго, Февральская революция, крутые перемены в политической жизни России в октябре того же года, гражданская война, наконец, закрытие Психоневрологического института.

В конце мая 1917 года Жаков выехал, как он сам предполагал, на недолгое время в Лифляндию (Видземе) для личного знакомства с родителями его новой избранницы. И, как оказалось, навсегда покинул Петербург, безвозвратно утратил Родину. Семья Приеде пришла в негодование, узрев воочию объект страстного увлечения дочери: отец Алиды и бородастый петербургский профессор Жаков были примерно одного возраста. Окончательный разрыв отношений Алиды Приеде и Жакова с её родителями был неминуем.

Скитание по городам ожидало Каллистрата Фалалеевича и Алиду: Псков, Юрьев, Валк, Рига – вот наиболее крупные пункты их географических перемещений с лета 1917 до глубокой осени 1921 года, когда он окончательно поселился в Риге. Его дар писателя, философа, темпераментного преподавателя оказались почти невостребованными. Жалкий быт, почти нищенское существование, боль и угрызения совести за оставленную в Петрограде семью, неспособность устроить отношения с молодой супругой, тяжёлая и неизлечимая болезнь только омрачали картину на протяжении последующих девяти лет.

Страницы жизни псковского периода подробно описал некогда псковский учитель математики Эмилий Иванович Гросвальд, ставший преданным другом Жакова. Согласно сообщённым им данным, наш герой с декабря 1917 года до середины июня 1919 года проживал в Пскове. С конца января 1918 года читал для узкого круга лекции, читал при немецкой оккупации Пскова, при большевиках, при Северо-западном правительстве армии генерала Н. Н. Юденича. В этом городе в 1918 году родилась первая дочь Алиды и Каллистрата Фалалеевича – Райда.

Гросвальд вспоминал: «В обобщающей силе лимитизма мне очень скоро пришлось убедиться на лекциях профессора по высшей математике, которые он начал читать в конце января 1918 года. Аудитория состояла из гимназисток V и VI

класса Псковской Мариинской Женской гимназии, одного юриста, моей жены и меня. Лично для меня эти лекции были откровением. Вопросы, которые в течение 20 лет слишком меня занимали по математике, которые возникли у меня ещё в период студенчества и за разрешением которых я напрасно обращался к профессорам математики, стали мне понятными в освещении лимитизма с точки зрения существа уже после первых лекций. Но меня больше всего поразил факт, что гимназистки, которые обычно хромают по математике, стали понимать профессора Жакова, да ещё по предмету высшей математики. (...) Профессор Жаков подобно Прометею, похитившему с неба священный огонь в соломинке и перенёсшему его на Землю, низвёл высшую математику с недосыгаемых высот в понимании юниц. (...) Во время оккупации Пскова немцами, большевиками, а затем войсками северо-западного правительства, профессор Жаков только изредка выступал публично. У нас образовался в Псковском коммерческом училище интимный кружок слушателей, где профессор читал обычно одну лекцию в неделю. Всё это произошло в промежуток времени от 24-го февраля 1918 года – момента вступления во Псков немцев и до середины июля 1919 – времени переезда профессора из Пскова, занятого северо-западным правительством, в Юрьев (Тарту) в Эстонию»¹.

С середины лета 1919 года – начался т.н. Юрьевский (Тартуский) период Жакова. Он в течение двух учебных семестров читал лекции по логике и гносеологии на историко-философском факультете университета². Гросвальд последовал за Жаковым в Юрьевский университет, посещая лекции и воскресные философские штудии. Но к исходу учебного года последовали неурядицы с университетским руководством в Юрьеве. Жаков уехал в Ригу в надежде получить профессию в Высшей школе Латвии (так первоначально именовался Латвийский университет).

16 июля 1920 года обрело для Каллистрата Фалалеевича смысл даты провала. В тот день в 41-й аудитории в Высшей школе Латвии была прочитана пробная лекция. Увы, лекция не произвела должного впечатления. Напротив! Вскоре после жаковского публичного выступления профессор Пауль Дале – известный религиозный мыслитель, психолог, доверительно сообщил Э. Гросвальду причину холодного молчания со стороны латвийцев. Темпераментно прочитанная лекция показалась латвийским коллегам только лишь апологией идей лимитивной философии, дала повод воспринять нашего героя скорее как дилетанта, оригинала и чудака, а не профессионала на поприще философии. Декан лингвистико-философского факультета профессор Ян (Иван) Эндзелин высказался недружелюбно против проф. Жакова в том смысле, что «он скорее проповедник, нежели учёный». Только в сентябре руководство факультета официально сообщило Жакову об отказе ему в професуре без указания конкретных причин. «Высшая школа Латвии, лингвистико-философский факультет, 17 сентября 1920 года, № 152. Господину Жакову. В ответ на Ваше ходатайство о предоставлении Вам професуры

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 726, л. 12–13.

² Как свидетельствует доктор филологии Татьяна Кузьминична Шор, пребывание Жакова в Эстонии зафиксировано в Историческом архиве Эстонии, в котором сохранился его фонд. ЭИР, фонд 1433, состоящий из семи дел с 1917 по 1921 год. См. более подробно: Т. Шор. Личные фонды русских деятелей в Эстонских архивохранилищах // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. – Таллинн, Авенариус, 1995. – С. 7–25.

философии в университете Латвии от 22 июня 1920 года Лингвистико-философский факультет онаго университета имеет честь сообщить Вам, что факультет в своём заседании 2 сентября 1920 года, рассмотрев Ваше ходатайство, не нашёл возможным его уважить. Временный декан И. Эндзелин»¹.

(Кстати, машинописный текст этой лекции хранится в рижском архиве философа² и напечатан в посмертном рижском сборнике – К. Ф. Жаков. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929. Оригинальных рукописей лекции не сохранилось. Но как следует из архивной записки Э. Гросвальда, план пробной жаковской лекции был записан им 16 июля 1920 года в 41-й аудитории. Два года спустя текст лекции был реконструирован Гросвальдом и молодым поклонником философии лимитизма Степаном Леонтьевичем Высоколяном³. Думается, текст лекции был просмотрен Жаковым. Но в окончательном варианте пробная жаковская лекция была отредактирована Э. Гросвальдом при подготовке сборника работ любимого учителя 24 мая 1926 года.)

Что же в философских воззрениях Жакова вызывало известное недоверие, настороженность вначале со стороны руководства университетов в Эстонии и Латвии? Да, можно задавать нескончаемые вопросы: почему Жаков не был принят в университет в Риге. Ведь в нём успешно читали лекции по праву, медицине, литературе российские эмигранты. Не последнюю роль сыграла неспособность Жакова вживаться в новые жизненные условия, изменяться и приспособливаться, вливаться в новую научную среду? Он гордо нёс своё право быть самим собой?! Завидная упорность, с которой вместо объявленных лекций, читались лекции по лимитивной философии в университете в Тарту, позже в Английском колледже в Риге, встречала непонимание, недоверие, недружелюбие, протест. Если В. М. Бехтерев, зная строптивость его характера, просил Жакова не давить студентов лимитивной философией. А Жаков всё равно «давил»! И ему прощалось! Лимитивная философия в Тартуском университете и в пробной лекции в Латвийском университете «не прошла».

Увы, Латвия, Эстония не стали для Жакова теми странами, из которых его имя вернулось в Россию в конце 80-х годов 20 века, как открытие, как научный, философский брэнд. Как возвратилось в Россию имя Питирима Александровича Сорокина – уроженца Вологодского края, помощника Жакова по разным экспедициям, печатавшего, к слову сказать, в Риге до 1914 года «пятыкопеечные» брошюры по социологии. Имя Сорокина возвратилось на родину как имя профессора Гарвардского университета, как классика американской социологии. Как вернулось имя Льва Платоновича Карсавина, ставшего классиком литовской философской мысли. И здесь скрыта, как мне думается, не столько вина эстонской и латвийской научной общественности, сколько проблема самого Жакова, не сумевшего перелистнуть страницы жизни – психологически принять безвозвратную потерю своего славного петербургского прошлого. В новых реалиях он уже не убеждал слушателей в том, что положения его лимитивной философии дают более широкие познавательные горизонты, нежели критическая философия им любимого Канта.

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 725, л. 1.

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 721, л. 116–154.

³ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 721, л. 116.

Создание *Общества лимитивной философии Латвии*

Да, зырянский самородок потерпел неудачу в Латвийском университете! Но как свидетельствуют документы архивных дел, провал в стенах университета хоть в какой-то мере был морально компенсирован Жакову друзьями, почитателями его научных и писательских дарований. Преданный друг Эмилий Гросвальд, вернувшийся на родину предков, поддержал учителя: собрал инициативную группу для создания и регистрации в соответствующих инстанциях *Общества лимитивной философии Латвии*. В первом протоколе собрания инициативной группы написано, что таковое состоялось 10 сентября 1920 года в здании бывшей Ломоносовской гимназии (Рига, бульвар Райниса 29). Присутствовал 31 человек, включая самого Каллистрата Фалалеевича Жакова. Подавляющее большинство членов будущего общества составили латыши. Среди друзей и поклонников на знаменательной встрече были Эмилий и Дагмара Гросвальд, Отилия и Эрнест Штаммерс, Валдемарс Приеде, Виллис Задерс, Рейнхолдс Резевских, Рейнхолдс Тейкмане Рейнхолдс, Элизабета Дикман, Дмитрий Соткинс, Петерс Шлессерс и др.¹ С кратким докладом о сущности философии малой величины или философии лимитизма выступил Э. И. Гросвальд, обосновавший необходимость создания общества. По предложению Гросвальда, в качестве целей общества должны быть выдвинуты следующие: 1. изучение философии лимитизма; 2. распространение в народе этого учения; 3. создание во всех городах мира кружков лимитистов для соединения добрых людей; 4. соединение науки и религии, интеллигенции и народа; 5. создание новой моральной расы².

Поистине грандиозность целей общества сплотила только небольшой кружок почитателей Жакова. Среди его членов, как писали в газете, он действительно «пользовался безграничным уважением, близким к возведению его учения в культ»³. Вскоре среди членов общества оказалась Мария Яковлевна Заринь. Юридически оформить общество удалось только к концу 1921 года, когда в административном отделе Рижского окружного суда был окончательно согласован и утверждён его устав. К сожалению, активная, деятельная пропаганда идей философии Жакова в интеллектуальном пространстве Латвии началась с большим опозданием только с февраля 1923 года⁴.

Через несколько дней после учредительного собрания по созданию *Общества лимитивной философии* в сентябре 1920 года Каллистрат Фалалеевич покинул Ригу. С начала 1921 года Жаков поселился на жительство в Валке в его эстонской части. Как написано членами редакционной комиссии в предисловии сборника статей Жакова: «Пришлось теперь уже бедствовать на старости лет. Жил он в это время на чердаке и некоторую поддержку находил среди эстонских офицеров местного гарнизона, которые интересовались идеями лимитизма и занялись его изучением под руководством К. Ф. Жакова. Но жизнь была тяжёлая во всех отношениях»⁵.

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 720, л. 1, 28.

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 720, л. 2.

³ «Сегодня», 1926, № 17, «Проф. К. Ф. Жаков. Некролог».

⁴ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 719, л. 3.

⁵ К. Ф. Жаков. Лимитизм. – С. 22.

Ещё раз обращусь к письму Каллистрата Фалалеевича, строками из которого начала эту статью: «Вся моя жизнь – скорбь, но ничто не сравнится с печалью последних лет». Это строки из письма Жакова, подписанного 19 сентября 1921 года из Валка, где он проживал по улице Пушкинской 13. Адресовано письмо Ревельской русской газете «Последние известия». Жаков далее писал: «Я считаю жизнь свою уже ликвидированною. Мне 55 лет. Я стар и болен. Неизъяснимая тоска сжимает душу мою, ибо погибло всё вместе с Родиной. Не зная, сколь долго протянутся ещё дни мои, подвожу итоги – дней и помышлений моих. Всю жизнь думаю я о философии и развил многогранное миропонимание с премудрым первовозможным в основании [лимитизма]. Но не спас я никого этим. Если многоуважаемая газета сочтёт для кого-нибудь полезным вспомнить жизнь мою, то я посылаю краткую биографию (...) и перечень моих книг, изданных в своё время. Если редакция найдёт нужным напечатать мою биографию и перечень книг, то желательным было бы к 1-му октября. Всё же это я делаю из уважения к газете и по желанию моих друзей и учеников»¹.

Вскоре ко дню рождения Каллистрат Фалалеевич получил в подарок 180 рублей от его верных учеников и друзей из Риги из *Общества лимитивной философии* Латвии Эмилия и Дагмары Гросвальд, Владимира Линдберга, Теодора Буцена и других².

Э. Э. Барон и его *Академия лимитивной философии*

На рубеже 1921/1922 годов вокруг Жакова стал активно суетиться знакомый по Петербургу: не то бывший студент, не то вольнослушатель Психоневрологического института – Эрнест Эрнестович Барон. Судя по газетным публикациям, отзывам современников, он оставил о себе недобрую славу. Документальные свидетельства о нём до сих пор сокрыты где-то на архивных полках. А вот паспорт доступен – я впервые взяла его в руки в ЛГИА 20 июля 2004 года, т.е. накануне 115-летия со дня рождения Э. Барона. Получил он паспорт гражданина Латвийской республики 2 июля 1921 года. Основанием для выдачи документа значилась справка, выданная руководством лагеря для военнопленных и беженцев. В паспорте в графе «дата рождения» записано 21 июля 1889 года, в графе «место рождения» – Шлокская (Schlokenbekas) волость, Тукумский уезд, в графе «национальность» – латыш, по вероисповеданию он принадлежал к Евангелически-лютеранской церкви. Э. Барон был женат на Анне Барон, официальных детей не имел³. В графе «род занятий» Э. Барон прописан «философом, профессором». Только когда, в каком учебном заведении и за какие научные заслуги присвоили Барону профессорское звание, осталось для истории загадкой. Хотя постоянно утверждал, что окончил два факультета – математический и философский, один в

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 721, л. 40.

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 727, л. 52.

³ ЛГИА, ф. 2996, оп. 2, д. 7335. По свидетельству историка М. А. Вестермана, Барон был исключён из рядов ЛСДРП. А его официальная жена, напротив, в 20–30-е годы была тесно связана с посольством Советской России, получала материальное вознаграждение за услуги. При установлении Советской власти в Латвии это стало основанием для получения Анной Барон персональной пенсии.

Эрнест Барон – ученик Жакова, создатель Академии лимитивной философии, редактор журнала «Пачплесис лимитист».

России, а другой в Западной Европе¹. Дипломы также публично никому не предъявлял.

Итак, Э. Э. Барон проявил сочувствие к бедственному положению Жакова и при жёсткой конкуренции сумел устроить его в Рижский английский педагогический колледж, входивший в ведение Министерства образования Латвии. В декабре 1921 года директор колледжа предложил Жакову чтение лекций по логике, индийской философии (впрочем, заменённые на лекции по английской литературе)². Увы, благие намерения Барона нарушил усталый и неизлечимо больной Каллистрат Фалалеевич.

Директор колледжа Август Рейнгольд в письме от 28 февраля 1922 года обращался к Э. Барону: «Хочу сообщить Вам, что по причине отсутствия слушателей, лекции проф. Жакова прерваны. Главные причины отсутствия слушателей на лекциях профессора Жакова

следующие: 1. Слушателем был обещан цикл лекций о значительных персонажах мировой литературы и в первую очередь английской – Гамлете, Макбете, короле Лире и др. Но вместо обещанных лекций он предлагал слушателям свои собственные сочинения; 2. Лекции по логике слишком теоретические и слушателям полностью непонятны»³.

Эрнеста Барона провал «любимого учителя» в Английском колледже не оставил: используя психологическую подавленность и беспомощность Жакова в практических начинаниях, Барон публично провозгласил о создании *Академии лимитивной философии*. Бюро Академии находилось по адресу на Школьной улице 38, в квартире 12. (С 10 февраля 1922 года по указанному адресу был прописан сам Эрнест Эрнестович Барон.) Общественности объявлялось, что министр образования Латвии Александр Дауге 10 февраля 1922 года лично утвердил Устав *Академии лимитивной философии* – принципиального нового учебного центра латвийской столицы⁴.

На Суворовской улице, в доме 36, рижанам за 20 рублей (для студентов и школьников за 10 рублей) предлагались популярные лекции профессора Жакова по философским и естественнонаучным темам. Более высокий профессиональный уровень обучения в рамках созданной им Академии мыслился в рамках привлечения студентов в Институт лимитивной философии, Институт поэзии, Институт эсперанто.

Мне не один раз приходилось осмысливать события в сфере образования Латвийской республики 1920–30-х годов. С 90-летней отдалённости *Академия лимитивной философии* Барона и Жакова выглядит скорее как начинание, рассчитанное на быстрый успех и сбор денег, нежели на длительную перспективу. Возможно, все предложенные Бароном образовательные учреждения могли бы иметь успех, будь в латвийском обществе тех послевоенных лет определённый достаток

¹ «Сегодня», 1926, № 25, «Что говорит Э. Барон о своих отношениях к проф. Жакову».

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 725, л. 3–4.

³ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 725, л. 9.

⁴ «Сегодня», 1926, № 28, «Проф. К. Ф. Жаков и лимитисты».

Алида Каролина Приеде-Жакова, 1930-е годы.

и горячее желание постигать философию лимитизма, эсперанто, тонкости литературы и стихосложения в «исполнении» Жакова. Реальный результат от просветительских начинаний Барона оказался мизерным¹. Делал ли Барон всё это исключительно из большой любви и уважения к Жакову? На этот вопрос положительно ответить, увы, трудно².

Да, Каллистрат Фалалеевич весь 1922 год находился в «душном плену» Эрнеста Барона – безденежье, разрушение союза с Алидой Каролиной. В июле 1922 года Барон даже ездил в Эстонию в город Валк (Валга), где проживала молодая супруга Жакова. В паспорте Эрнеста Барона сделаны отметки о выезде в Валку³. Для чего-то ему нужна была Алида. Может быть, для психологического воздействия на молодую женщину, воспитывавшую двух малолетних дочерей Жакова – Райду (1918–1996) и Елену (1920–1986). Возможно, для получения большего числа рукописей Жакова, на которых он

мог нажиться, и которые можно было выдать и за «свои». Возможно, ездил с предложением продать часть земли, полученную Алидой от родителей.

К кому же он мог обратиться свой горестный рассказ? Своё отчаянное положение Жаков описал в письме от 28 мая 1922 года Эмилию Гросвальду.

«Дорогой Эмилий Иванович. Жизнь моя становится с каждым днём невыносимее. Я уже с января 1922 года не имел и не имею ни одного гроша денег в кармане. Поэтому, хочу предпринять несколько самостоятельных шагов.

1. Хочу съездить в г. Митаву и прочесть там две-три лекции, чтобы нажить денег. Вы мне одолжите денег на дорогу до Митавы и помогите сесть в вагон.

2. Побывайте у министра Дауге и поговорите о безвыходном и бедственном положении моём, не даст ли он какое-либо место учителя (или математики или словесности).

3. Моё положение ужасно. Не имею ни конверта, ни марок, ни денег, не могу ни с кем переписываться. Зайдите ко мне при первой возможности. К. Жаков»⁴.

Жакову не удалось поехать в Митаву. Вскоре Э. Барон увёз Жакова в окрестности Тукума на хутор своего отца «Муцениеки», где он прожил до ноября 1922 года. Всё, или почти всё, написанное Жаковым за этот период, осталось в руках Э. Барона.

¹ К. Ф. Жаков. Лимитизм. – С. 22–23.

² Криминальные истории, связанные с именем Эрнеста Барона, прослеживаются по газетным публикациям 20–30-х годов. См. более подробно: Ю. И. Абызов. Русское печатное слово в Латвии 1917–1944. Био-библиографический справочник. – Stanford, 1990. Т. 2. – С. 72–74. Хотя этот раздел посвящён К. Ф. Жакову, но в нём указаны и статьи, отражающие криминальное поведение Э. Э. Барона уже после кончины Жакова.

³ ЛГИА, ф. 2996, оп. 2, д. 7335.

⁴ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 727, л. 21.

Алида Каролина Приеде-Жакова с детьми в конце 1930-х годов. Дочери К. Ф. Жакова стоят за матерью – Райда (слева на фото) и Елена (справа на фото). Остальные дети – слева направо: Мара, Янис, Лица – НЕ ЕСТЬ дети Жакова, считаться его приёмными детьми после его смерти просто не могут!!!

Более того, у Жакова было вытребовано заветное письменное завещание, на основании которого ещё при жизни Жакова Эрнест Эрнестович Барон объявлялся его исключительным и единственным наследником, главой всех лимитистов (главой общества и ордена). В рижской газете «Слово», № 67, за 1926 год в статье «Э. Барон об осквернении трупа Жакова» приводятся, со слов Э. Э. Барона, параграфы завещания его учителя К.Ф. Жакова. Вот некоторые из них: 1. Проф. Жаков поручил Барону быть руководителем академии лимитической философии после его кончины. 2. Поручил Барону созвать конференцию всех лимитистов мира. 3. Поручил быть воспитателем его 22-летнего сына Вадима. 4. Поручил Барону похоронить учителя на одном из холмов у хутора «Муцениеки», или недалеко от Дундаги. 5. Жаков просил в завещании и Барона похоронить рядом с ним. 6. День рождения К. Ф. Жакова 1 октября по новому стилю объявить праздником всех лимитистов. 7. Автобиографический роман Жакова «Сквозь строй жизни» был провозглашён евангелием лимитистов. В завершении завещания Жаков благословил Барона словами: «Пусть Христос и Амакришна сопутствуют Э. Э. Барону в его величайшем деле на земле».

Кстати, отмена злополучного завещания, послужившего поводом к краже гроба К. Ф. Жакова с рижского Покровского кладбища, состоялась вскоре уже – 6 января 1923 года (!) И этот документ сохранился в архиве³³.

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 727, л. 27.

Эмилий Иванович Гросвальд

Как было уже сказано выше, Эмилий Иванович Гросвальд познакомился с Жаковым во время его жизни в Пскове. Отец Эмилия Гросвальда – Янис Гросвальд, корнями связанный с Лифляндией, с Зегевольде (Сигулдой), долгие-долгие годы прожил во Пскове. Янис Гросвальд бережно относился к своим национальным и религиозным традициям – стал основателем псковского Латышского общества, долгие годы был старостой латышского лютеранского прихода. Там же, в Пскове, 4 февраля 1875 года родился Эмилий Гросвальд. Его жизнь до вынужденного бегства из Пскова 25 августа 1919 года, когда под натиском большевиков город оставила Северо-западная армия под командованием генерала Н. Н. Юденича, была также прочно связана с этим русским городом. Во Пскове Эмилий окончил полный курс мужской гимназии, долгие годы управлял доставшейся от отца мельницей. Правда, получить диплом Петербургского университета не удалось, но на физико-математическом факультете с 1896 по 1903 год были прослушаны различные курсы лекций. В итоге это дало право стать преподавателем математики с 1913 по 1919 год псковской торговой школы. Учителем Гросвальд и в Риге – преподавал физику и математику в Рижской городской ремесленной школе¹. Псковские лекции Жакова помогли Эмилию Ивановичу разрешить мучившие его мировоззренческие вопросы. Профессор в его лице приобрёл верного друга и последователя лимитивной философии. Любовь к философии и математике, близость оценки политических перемен в России, общие взгляды на судьбы различных национальных групп – всё это сблизило Жакова и Гросвальда.

Эмилий Гросвальд – ученик Жакова, создатель Общества лимитивной философии Латвии. Его стараниями в 1929 году вышел в Риге сборник работ К. Жакова и сохранился архив работ.

Наконец-то на рубеже 1922–1923 годов Эмилий Гросвальд взял инициативу в оказании помощи К. Ф. Жакову в свои руки: им ещё в сентябре 1920 года созданное общество *Общество лимитивной философии Латвии* активно заработало только с начала февраля 1923 года. Члены общества приложили усилия в организации постоянных лекций Жакова в Риге, взяли на себя труды по переводу на латышский язык небольших работ Жакова и их издания отдельными книжечками. Статьи Жакова стали появляться и в латышской прессе. Регулярные лекции длились до 17 декабря 1925 года. Лекционная деятельность Каллистрата Фалалеевича, судя по документам, была организована тщательно: в архиве хранятся тетради, в которых зафиксировано название каждой лекции, когда была прочитана и доход от неё². Если лекция прочитывалась повторно, обязательно вносилось соответствующее число. Почти три года неизлечимо больной,

Почти три года неизлечимо больной,

¹ Фонд Министерства образования ЛГИА располагает личным делом Э. Гросвальда. См. более подробно – ф. 1632, оп 1, д. 7162.

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 730, 731 – кассовые книги.

безмерно тоскующий по утраченной родине, проф. Жаков неумолимо проповедовал свои философские идеи рижанам. Часть из этих лекций, наброски к ним, сохранились в рукописном и машинописном варианте в соответствующем фонде Латвийского государственного исторического архива. Сохранились также сказки, рассказы Каллистрата Фалалеевича, которые ожидают пытливого и заинтересованного взгляда филологов. Вот некоторые названия сохранившихся текстов из дела 726 (Фонда 1826, опись 1): машинопись лекции «Жизнь современного человека», датирована 14 декабря 1923 г., посвящена Марии Заринь; машинопись лекции «Таинства жизни и сокровенные науки о человеке», датирована 19 марта 1924 г., посвящена М. Заринь; машинопись лекции «Состав космоса и строение человека (по лимитизму)», датирована 30 апреля 1924 г., посвящена М. Заринь; машинопись лекции «Мудрость Индии и Европейские науки», датирована 25 февраля 1924 г., посвящена М. Заринь; машинопись лекции «Мудрость Востока: Китая, Тибета, Сиам, Бирмана», без даты, посвящена М. Заринь¹.

4-я подруга-жена К. Жакова – Мария Заринь (по современному написанию – Зариня). Благодаря ей он и сумел дожить до января 1926 года.

¹ В деле 721 (ЛГИА, фонд 1826, оп. 1) можно перелистать следующие подлинные рукописи Жакова: «Голоса Природы» (писано в Валке); «Правила жизни по лимитизму» (написано в декабре 1920 года); сказка «Маленький Григорий»; быль-сказка «После зимнего солнцеворота» (написано в декабре 1920 года); сказка «Красный замок»; сказка «Тёмная ночь» (написано 22 марта 1921 года в Валке); сказка «Два брата» (написано 5 января 1921 года, Валке); «Дневник маленького человека, считающего себя великим»; «Грядущая религия» (написано 8 декабря 1920 года в Валке); «Голова Человеческая»; «Грядущее общество (по лимитизму)»; «Общественные болезни»; «Идеал человечества»; «Под новый год» (написано 21 декабря 1920 года в Валке); «О познании» (написано 17 августа 1922 года в Муцениеках); «Ликуда или царство женщины» (написано 23 марта 1922 года в Риге). В этом деле сохранились тексты Жакова, переписанные не его рукой: «Необходимо создать Иерусалимское государство» (написано в апреле 1920 года в Юрьеве); «Проблема личности и общества».

В деле 722 подготовительные материалы сборника Жакова 1929 года, его рукописи, рукописи работ Жакова, но переписанные другим человеком. Так на л. 16–19 указанного дела рукой К. Жаков «Символ веры» (лимитизма), зафиксирована дата 10 апреля 1920 г. Сохранилась поэма «Бой Ильи Муромца с жидовином богатырём».

В деле 723, указанного фонда, имеются рукописи самого Жакова, много рукописей-конспектов лекций Жакова, записи даты прочтения этих лекций по адресу: Рига, улица Башенная, дом, 4: 17 января 1923 г. – Что такое культура?; 8 апреля 1923 г. – Вильям Шекспир как серцевед; 26 апреля 1923 г. – Книга как фактор культуры; 2 мая 1923 г. – Происхождение человека; 3 мая 1923 г. – Безмертие жизненного начала; 6 мая 1923 г. – Мировая грусть – пессимизм нашего времени; 5 июня 1923 г. – Антропogeография; 7 августа 1923 г. – Единство наук, метафизики и религии; 12 августа 1923 г. – Теория и практика многогранной кооперации; 19 августа 1923 г. – Критика западно-европейской философии; 18 октября 1925 г. – Как понять эволюцию разума?; осень 1925 г. – Философия и науки; 26 ноября 1925 г. – Социальная логика; 17 сентября 1925 г. – Принципы психологии; 29 ноября 1925 г. – Учение о пространстве; 3 декабря 1925 г. – Главные идеи философии; 13 декабря 1925 г. – История гносеологии. В указанном деле на листах 110–145 сохранилась рукопись от 19 апреля 1920 года «Пути познания».

В деле 727, указанного фонда, сохранены рукописи Жакова – наброски, письма: «Всемирная партизанская война с жидами» (написано 27 мая 1922 г. в Риге); «Духовный вождь» школа и церковь» (написано 22 мая 1922 года в Риге); «Советы философа» (написано 23 мая 1922 г. в Риге); «Наказ (лимитиста)»; «Цели лимитизма» (написано 9 октября 1923 г.); «О социализме».

Как же парировал Эрнест Барон на организацию лекционных циклов? Примирился ли с тем, что Гросвальд и его общество «перехватили» Жакова?! Барон, естественно, не смирился, взял своеобразный реванш. Приложил организационные усилия, выдумку в рекламе и сумел издать в 1924 году журнал с вычурным названием «Lāčplēsis limitists» (Лачплесис лимитист), посвящённый К. Ф. Жакову и философии лимитизма. Эрнест Эрнестович действительно постарался – Жаков был представлен в этом издании как философ, сказочник, поэт. Сам Барон выступил в роли интерпретатора философских идей профессора. Приглашение участвовать в издании принял академик Владимир Михайлович Бехтерев, пришедший из Петрограда статью «Влияние мышления на поведение животных»¹. Янис Райнис², Аспазия, Виктор Эглитис обогатили издание своей поэзией, репродукции картин художника В. Авотиня украсили журнал. Увы, творческих усилий, материальных запасов Эрнеста Барона хватило на издание только единственного номера журнала.

Строки из писем Жакова

Рижские лекции, организованные *Обществом лимитивной философии Латвии*, несомненно, помогали Жакову, но получаемые от них доходы были, к сожалению, далеко непрочным материальным подспорьем. Сохранились письма Жакова тех далёких лет как обращённые к Э. Гросвальду, так и адресованные его супруге – Дагмаре Владиславовне, благоволившей к старому и больному человеку, старавшейся как-то утешить его.

Приведу строки письма, остающиеся для меня загадкой, требующие дополнительных сведений о родственниках Каллистрата Фалалеевича. Написано письмо 20 января 1923 года: «Глубокоуважаемая Дагмара Владиславовна. С этой запиской к Вам пришла дочь Мария родного брата моего Василия Фалалеевича Жакова (зырянка). Она живёт у Чигера (латыша), женатого на сестре Марии. Говорит, что бранят её. Сам Чигер без определённой службы. Побеседуйте с моей девочкой. (...) Василий брат на 16 лет старше меня; значит, ему 70 лет. Жаков»³.

Каллистрат Фалалеевич предпочитал писать письма, нумеруя и выделяя каждое предложение. «19 ноября 1923 года. Дорогой Эмиль Иванович! (...) 3. Я хотя стал читать лекции два раза в неделю, всё равно, народу мало ходит на лекции. Так что я стал ещё беднее, чем в прошлом году. 4. Надо что-нибудь предпринять. 5. Напечатанные лекции никакого дохода не дают, хотя я лишился новизны своих рукописей, и всякий может списать идеи мои. 6. Мне так всё это горько ощущать, что я всерьёз готов уехать в Финляндию. (...) 10. Словом, я

¹ Bechterevs V. Domāšanas iespaids uz dzīvnieku darbību // Lāčplēsis limitists, 1924. Nr. 1. 39. – 64. lpp.

² В 1973 году в журнале «Karogs», № 7, А. Микушев опубликовал статью «Komi un Latvijas literārie sakari», в которой утверждал о том, что между Райнисом и Жаковым существовала крепкая дружба. Ему ответила чуть позже 8 сентября Б. Гудрике статьёй «Vai jauns Raiņa draugs?» на страницах газеты «Literatūra un māksls». Бирута Гудрике развеяла миф о дружбе, но убедительно подтвердила заинтересованность поэта в переводе на латышский язык поэмы «Биармия», а также факт знакомства Райниса в феврале 1923 года с Эрнестом Бароном.

³ ЛГИА, ф.1826, оп. 1, д. 727, л. 40.

Mila Karolina! Gaidis, rad
 Dravimka (man rarsis vaj iebrauc
 bet nerari sagaidit. Sad nu
 tad izen buv do xien, radel
 notestit. lai po juis, rad' muis
 iebosus
 Par savu veselibu es uztaucis
 jo redzu kienim cietim, sapnu.
 Parot, tilit man atbald, lai
 Lium pa Ter ut.
 Liume ar maizim ir papoi un
 jeldas katon Lium 2-3 redos.
 Tavs cimtas, gen. Dambisa ags
 tagad gais, jammais kara
 mokes to matstetis, minus ka
 lelu, sakram sapalade bonbon
 gu praoti, ka es tu, parlijo.
 Kad braucis cietim, tad sabija
 savu valde. Bet tu megini gan
 atbraukt, kautpatas Saimnieciba
 tagad, jo lai gribi tev redet.

Citadi mui po vssam, Firai' palleiu
 no jeparboma mammas dsi dija
 ka jns bloemaja mus vidus sed
 nasot Laura, lai matetu isoo
 Komunisti.
 Ra ut Annina? Vaj mests
 m dols jau 'icaducis?
 Tu Doga vairs nepazis, jo valdiba
 ir siba Komunistu roka, klusu
 vccals Mucalits tagad tiek radis
 kundru rakt un Lumbodsis
 Ar divim rercim n'cuiskim
 ir es nepazis, lieka diezgan
 Lempatis.
 Vociets vel deins pie unim, bet
 loti maz ir majas, pauram
 medlam deins pal jismalu, kur
 minam otra istaba
 Man dorci atis jubeid, jo
 gaidisi Tevis pagos sietos. Paludes
 jmi tu labi mudi, varbut ka
 tili' an
 Ma dingu redi! Mamma's

Последнее письмо Алиды Каролины Приде накануне кончины, адресовано Райде Каллистратовне.

близок к отчаянию. 11. Кроме всего этого, я давно заявил, что портной требует за починку шубы 1000 рублей. (Барон обещался заплатить, но я не вижу ничего на деле). Жаков»¹.

Осенью 1923 года Каллистрат Фалалеевич обращал к Дагмаре Владиславовне слова отчаяния, писал о том, что не желает жить «в проклятой Латвии, но уехать ему отсюда совершенно некуда». «Многоуважаемая Дагмара Владиславовна. Категорически заявляю, что жизнь в Риге невыносима и не предвижу никаких успехов. (...) Студенчество ко мне равнодушно. Газеты не печатают статей»².

Приведу строки из письма Жакова от 31 октября 1925 года: «Дорогой Эмилий Иванович. Пожалуйста, не думайте, что дела мои блестящие. 1. За квартиру не уплачено ни гроша за октябрь. Хозяева так косятся, что мы не смеем показаться им на глаза. Придётся жить мне в подвале. 2. (...) у меня есть долги и обязательства. 3. Народу ходит мало на лекции. (...) Получил за лекции 300 р. Вернулся еле живой. 4. Каково моё положение? Из лимитизма ровно ничего не выходит ни в каком смысле. 5. Объявления в университете о курсах, не являются: будто бы ректор Трентель не разрешил. И некому слово промолвить ректору в защиту лимитизма. От тоски умираю. Хоть уезжай к дьяволам, в совдепию, куда зовут. Всё хуже и хуже дела. К. Жаков»³.

В архивном фонде, который сформирован без хронологической строгости, сохранилось ещё одно трудночитаемое письмо, обращённое к Дагмаре Гросвальд. На этом письме сделана пометка «последнее письмо». Может быть, это действительно последнее письмо Каллистрата Фалалеевича. Вот некоторые строки пись-

¹ ЛГИА, ф.1826, оп. 1, д. 727, л. 59–60.

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 722, л. 27.

³ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 728, л. 91.

ма. «Любезная Дагмара Владиславовна! (...) 2. Мне тошно жить в Риге, тоскливо жить мне у Вас. Особенно боюсь я воскресных дней, тогда вопросы будут терзать меня весь день. (...) 6. Рвусь в Эстонию душой и телом. (...) 14. Я совершенно ничем не интересуюсь в Латвии. 15. Мне совершенно всё равно, понимают меня или нет»¹.

Итак, накануне кончины в январе 1926 года Жаков находился в кольце сложных, довольно запутанных отношений между двух обществ – *Академией лимитивной философии и Обществом лимитивной философии Латвии*, но и между Алидой Приеде, Эрнестом Бароном, Марией Заринь, Эмилием Гросвальдом.

Его в Риге похоронили дважды

Умер К. Ф. Жаков 20 января 1926 года в первой рижской городской больнице. Его лечил, старался облегчить физические страдания известный врач, профессор Латвийского университета В. Н. Клименко. Жакову было уготовано быть дважды похороненным в латвийской земле. В первый раз тело Жакова положили в гроб в больничной часовне 22 января, а 24 числа перевезли в кафедральный

Фотография святого архиепископа Иоанна Рижского (Поммера) – отпевал К. Ф. Жакова в Христорождественском соборе в центре Риги и провожал К. Ф. Жакова на рижское Покровское кладбище при первом погребении.

собор Рождества Христова. Преосвященный Иоанн (Поммер)² совершил заупокойную литургию³. На рижском Покровском кладбище в тот зимний день собралось много рижан. Эмилий Иванович произнёс подле гроба усопшего проникновенную речь. В ней были такие слова: «Величие Твоих идей в том, что Ты объединил всю область человеческого знания в направлении религиозном, философском и научном. Объединения этого Ты достиг в лице Бога Первопотенциала – из него всё исходит, что есть, к нему же всё и возвращается»⁴.

Спустя несколько дней после похорон, случилось невероятное событие, взбудоражившее не только рижан. Эрнест Барон – великий мастер блефа, подлогов, мелочного вранья, выкопал гроб с телом Жакова и вывез за пределы кладбища. После содеянного, красноречиво и убедительно уверял газетчиков, что только он, Эрнест Барон, является истинным наследником и имеет на руках завещание покойного⁵. Хотя, как мы знаем, это завещание, вряд ли заверенное нотариально, было отменено Жаковым в одностороннем порядке в январе 1923 года. Например, журналисту из газеты «Сегодня»

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 727, л. 47.

² Причислен к лику святых Русской Православной Церковью.

³ «Слово», 1926, № 58, «Из зырянских лесов к профессорской кафедре. Памяти русского самородка проф. К. Ф. Жакова».

⁴ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 727, л. 98.

⁵ См. газета «Слово», 1926 года, №№ 67, 68.

Э. Барон живописал о Жакове, его завещании и о себе самом¹. Не преминул поведать и об *Академии лимитивной философии*. Как утверждал Барон, *Академия лимитивной философии* к началу января 1926 года располагалась в Риге по улице Матвеевской (Матиса) № 11/13, кв. 34/35. В этом помещении «имеется библиотека (здесь и далее выделено автором газетной статьи. – С.К.), насчитывающая много тысяч томов редких книг, главным образом философского содержания, музей, где собраны, между прочим, рукописи Жакова и все его печатные труды, и художественный салон, где устраиваются иногда выставки картин латвийских художников, по своему творчеству более или менее близко подходящих к духу лимитизма. (...) Барон утверждает, что он назначен покойным Жаковым главою всемирного лимитизма, и что погребение Жакова будет совершено по воле покойного. (...) Гроб будет помещаться в особом мавзолее»².

Этот мавзолей Э. Барон замыслил возвести в живописном уголке Курляндии (Курземе) в местечке Дундага, где некогда проживал многочисленный финно-угорский народ – ливы.

Предъявить полиции, Марии Заринь, Э. Гросвальду, рижской общественности сокровенное завещание Эрнест Барон так и не смог. Возможно, он, породивший скандал, ажиотаж вокруг гроба с телом проф. Жакова, под видом совершения бальзамирования, хотел собрать для себя небольшой капитал. Но пожертвования рижан не были особо щедры: бальзамирование тела Жакова было проведено частично, за неимением средств профессор Латвийского университета А. В. Старков работу прекратил. Вторичные похороны профессора прошли 15 февраля 1926 года. Протоиерей Николай Македонский сопровождал гроб на Покровское кладбище³.

В архивном деле *Общества лимитивной философии Латвии* содержится подробный рассказ о болезни и смерти Жакова, его похоронах, о краже гроба с телом покойного с Покровского кладбища, о том, что 5 марта на 40-й день после кончины покойного была отслужена панихида и проведён памятный вечер. На заседании от 3 декабря 1926 года было принято решение об издании статей профессора Жакова⁴. Это предложение *Общества лимитивной философии Латвии* с успехом завершилось публикацией тома небольших работ К. Ф. Жакова, ставшего давно библиографической редкостью. Деньги на книгу «Лимитизм. Единство наук, философий и религий» стараниями Э. И. Гросвальда, М. Я. Заринь и других членов общества были получены. Средства выделил Латвийский Культурный фонд. Книга появилась ко дню рождения К. Ф. Жакова 1 октября 1929 года. Книга широко дарилась представителям духовенства, русской и латышской интеллигенции – всем, кто сочувственно отнёсся к судьбе Каллистрата Фалалеевича Жакова⁵.

¹ «Сегодня», 1926, № 28, «Проф. К. Ф. Жаков и лимитисты».

² Там же.

³ «Слово», 1926, № 77, «Вторичные похороны проф. К. Жакова».

⁴ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 720, л. 29–30, 34, 35, 41.

⁵ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 729. Это дело представляет собой небольшую книжечку, в ней содержатся сведения о тираже: в октябре типография «Атмода» отпечатала 356 экземпляров, в декабре 1929 года ещё 279 книг. В деле отмечен магазин, через который книгу продавал магазин издательского дома «Valters un Rapa». Отмечены лица, которым книга была преподнесена в дар. Среди многих имён – В. И. Синайский, о. Николай Македонский, о. Иоанн Янсон, о. Кирилл Зайц, философ Пауль Юревич и многие другие. В апреле 1930 года 10 книг было отправлено в Тарту.

Преданнейший друг Мария Заринь

Когда Мария Яковлевна Заринь (1878–1955) вошла в жизнь Жакова и скрасила своим присутствием последние годы его жизни, точно неизвестно. Возможно, в начале 1923 года. Мария Яковлевна к тому же совмещала общественные должности секретаря *Общества лимитивной философии Латвии* и помощника Э. И. Гросвальда. В архивном фонде сохранились многочисленные тексты профессора, начинавшиеся с трогательных слов, обращённых к этой женщине – «заботливому ангелу хранителю моему Марии Яковлевне», «эта лекция посвящается преданнейшему другу моему Марии Яковлевне», «все лекции, посвящённые ей, считаются её собственностью». Именно Марии Заринь по адресу – Рига, улица Кр. Валдемара 57/59, квартира 23, прислал 10 февраля 1926 года из Ленинграда Вадим Каллистратович Жаков телеграмму. Сын Жакова – Вадим – убедительно просил латвийские власти безотлагательно вмешаться в создавшуюся ситуацию, отстранить Барона, и предоставить покойного в распоряжение наследницы и душеприказчицы Марии Заринь¹. По этому адресу, как вспоминала Райда Каллистратовна Тимука (урожд. Жакова), Алида Каролина Жакова приводила дочек на встречу с отцом: выходил профессор из комнаты, заговаривал и ласково гладил малюток по головкам. Далее порога их не приглашали.

Кстати, в паспорте Э. Барона значились, в разные годы зарегистрированные, несколько рижских адресов. Один из них улица Николаевская (Валдемара) 57/59, квартира 23. По этому адресу стал проживать, вероятно, на рубеже 1922/1923 годов, Жаков, а чуть позже присоединилась и Мария Заринь.

Судьба Алиды Приеде и её детей

Могила Алиды Каролины Приеде (1893–1941) на рижском Покровском кладбище.

Раньше всех из окружения К. Ф. Жакова ушла в иной мир его третья супруга – Алида Каролина Приеде-Жакова, оставив после себя пятерых детей. В июле 1941 года она умерла от неизлечимой болезни в стенах больницы Пауля Страдыня, от такой же болезни скончался и Жаков. Старшие дочери Райда и Елена похоронили её на рижском Покровском кладбище неподалёку от могилы их отца.

В архиве сохранились заявление и временные паспорта Алиды Приеде². В скурых паспортных сведениях значилась дата её рождения 18 января 1893 года³, а местом рождения – волость Кагеру (или Кагаерви), хутор Ланес (сейчас это некогда Лифляндская территория отно-

¹ ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 728, л. 114.

² ЛГИА, ф. 2996, оп. 15, д. 24517.

³ Дата указана по новому стилю. По старому стилю – 5 января 1893 года.

Рига, улица Кришьяна Валдемара 57/59, в квартире 23 – в этом доме с начала 1923 года до дня кончины проживал К. Жаков с Марией Заринь.

языками, позже выучила польский, чешский. Возможно, родители видели в ней достойную наследницу строгих патриархальных и национальных традиций. Быть может, намечался выгодный, по мнению Яниса Приеде – отца Алиды, брак. Так или иначе, чаяния родителей были перечёркнуты: Алида Каролина, прочитав биографический роман Жакова «Сквозь строй жизни», настолько увлеклась личностью автора, что это подвинуло её отправиться в Петербург. Осенью 1916 года она оказалась среди студентов Психоневрологического института с желанием слышать и видеть своего кумира. Несомненно, Алиде – натуре цельной, сильной, целеустремлённой – были присущи такие черты характера как порывистость, неумённость чувств. Но где же пролегает та хрупкая, почти невидимая грань между целеустремлённостью, настойчивостью, упрямством и эгоцентризмом? Вот строки из письма внучки философа по линии второго брака Любови Вадимовны Жаковой: «Отец был против решения дочери Алиды и отказал ей в материальной поддержке для жизни в Петрограде. Профессор Жаков занимал в то время выборный пост заведующего студентами, он пришёл ей на помощь и предложил место домашней учительницы к своим детям. Банальный треугольник, семья разбилась»¹.

Когда в конце мая 1917 года Алида Каролина представила отцу своего избранника – пятидесятилетнего бородатого профессора из Петербурга, то в родительском благословении на брак ей было категорически отказано. Но Алида Каролина слушала только себя и своё сердце. Как долго продолжался брачный союз Каллистрата Фалалеевича и Алиды Каролины, почему распалась их семья? Где и когда они были повенчаны, перешла ли невеста в православие, или их брак был просто зарегистрирован в соответствующем светском учреждении? Возраст ли, национальность ли Жакова послужили причиной решительного, категорического разрыва Алиды с её родителями? Почему семья Алиды даже после разрыва с

¹ Письмо Жаковой Л. В. от 14 декабря 1990 года, адресованное Ковальчук С. Н.

сится к Эстонии). О семье Алиды Каролины известно немного. Она очень сдержанно, с большой горечью вспоминала родительский дом, рассказывая старшим дочерям некоторые подробности её роковой любви к Каллистрату Фалалеевичу. Известно, что семья была крепкой, зажиточной. В семье родителей равно одинаково знали латышский и эстонский языки. Алида окончила гимназию. Она владела к тому же русским и немецким

Жаковым отторгла её с двумя малютками на руках, отказав в поддержке? Неужели её «преступление» против семьи, воли родителей не могло подлежать обжалованию¹? Вопросы, на которые сейчас никто не ответит. Да и сама Алида Каролина весьма сдержанно посвящала старших дочерей Райду и Елену в подробности своей судьбы.

Как следует из архивных документов (об этом было уже написано выше), летом 1922 года Э. Э. Барон посетил Алиду Каролину, жившую в Эстонии. Он держал Алиду в поле своего внимания, не отпускал её при жизни Жакова, да и после его кончины. Об этом красноречиво свидетельствует следующее письмо из Риги Каллистрата Фалалеевича от 15 января 1924 года. «Дорогая Алида! Двух вещей не делай. 1. Не продавай земли. 2. Не верь Эрнесту Барону. Он обманывает всегда. Целую детей моих дорогих: Райду и Елену. Буду посылать и денег и лекции по мере сил. Папа К. Жаков. Адрес: Эстия. Валк. Почтовый ящик Арака. Алиде Ивановне Жаковой»².

Вскоре после ухода в мир иной Каллистрата Фалалеевича произошло следующее событие: в марте 1926 года Алида Приеде-Жакова родила дочь Лизу. Малютка, конечно, не была дочерью Жакова. Но всех детей, рождённых уже после смерти супруга, Алида наделяла своей девичьей фамилией Приеде и именем Жакова. В графе «имя отца» у девочек Лизы (родилась в 1926 г.) и Мары (родилась в 1928 г.), сына Яниса (1929–1944) значилось – Каллистрат. Имена подлинного отца или отцов троих детей Алида унесла с собой в могилу.

Газета «Слово» в сентябрьском номере за 1926 год опубликовала следующее сообщение: «Вдова покойного профессора К. Ф. Жакова госпожа А. Приеде-Жакова тяжело больна почками. Средств к существованию нет никаких. На руках вдовы находятся трое малолетних детей. Единственный человек, который до сих пор помогал госпоже Приеде-Жаковой – это Эрнест Барон. Вдова профессора просит латвийское правительство, русское общество помочь ей в её исключительно бедственном положении. Её адрес Bulli, Liela iela № 3»³.

Э. Э. Барон никуда не исчез, был постоянно где-то рядом и в последующие годы. Позже, в 1930-е годы, проживал в Риге на улице Аусекля в роскошном квартале Форбург. Рядом, но в скромном доме, жила и Алида с детьми. Приходил в гости, приносил конфеты, позволял детям провести часть лета в сарайчике возле своей скромной дачки в Булдури на рижском взморье.

Чем занималась, как жила Алида Каролина Приеде? Чтение лекций, популяризация идей философии лимитизма К. Ф. Жакова стали одним из источников её семейного дохода. Много ездила с лекциями по Латвии, а в 1928 году, будучи с лекциями в столице Моравии Брно, Алида родила дочь Мару. Кстати, в конце 1929 года, в полученном временном паспорте в графе «род деятельности» – было вписано библиотечарь, а вот в графе «адрес» – Рига, ул. Валдемара 16, кв. 11⁴. Какое-то время жила с детьми в Сигулде, пыталась открыть пекарню, но непрак-

¹ Как сообщила младшая дочь Алиды – Мара Приеде, мать Алиды умерла сравнительно рано. Все отцовские земли, дом унаследовал её родной брат, который при советской власти с семьёй был выслан в Сибирь и там погиб. Родительский дом Алиды на территории Эстонии не сохранился.

² ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, д. 727, л. 62.

³ «Слово», 1926, № 277.

⁴ ЛГИА, ф. 2996, оп. 15, д. 24517.

тичность Алиды и её партнера по бизнесу привели начинание к краху. Принимала на дому студентов, консультировала их по философии, помогала при подготовке к экзаменам по языкам, занималась переводами.

Сколько помнит своё детство Мара Приеде, младшая дочь Алиды Каролины, мать, которую она обожествляла, категорически не умела или не желала вести домашнее хозяйство. Она очень часто отлучалась, куда-то уезжала. Райда и Елена в силу своего возраста назначались матерью на роль старших по дому. За те минимальные средства, которые были оставлены Алидой, готовились блюда из капусты и бесконечная ячневая каша. По возвращении домой, в эту тоскливую обыденную реальность (в дощатый дом в парке Виестура, или позже в двухкомнатную скромную квартирку на пятом этаже по улице Экспорта, дом 3,) – Алида Каролина могла держать в руках диковинное боа из страусиных перьев, хрустальную вазу. Ей было невдомёк, что её пятеро детей нуждаются, к примеру, в обуви и зимней одежде.

У всех детей были реальные матери. Алида, напротив, была сродни фее. Как-то семья проводила лето в Анце (Курземе) в заброшенном доме генерала Канепа, в котором, как поговаривали, жили привидения. Вокруг водились ужи, всюду росли высокие травы. Когда покупали на соседнем хуторе молоко, то непременно ставили блюдо с молоком и для ужей. Часто по утрам Алида, облачившись в какие-то замысловатые одежды, в одиночестве гуляла по лесу. Однажды она взяла с собой маленькую Мару. Ей было велено молча, бесшумно следовать за Алидой, не нарушать тишину леса и пение птиц, в котором вдруг зазвучали на незнакомом для девочки языке поэтические строчки. Впрочем, и другие счастливые, но редкие минуты пребывания в обществе матери сохранились в памяти Мары Приеде: она помнит долгие и непонятные ей богослужения в рижском православном кафедральном Христорождественском соборе, посещение поэтессы Аспазии.

Впрочем, как только дочери Жакова Райда и Елена выросли, окрепли, Алида Каролина стала отправлять их на летние работы в деревню. Райда осталась в памяти младшей сестры Мары Приеде как человек широкой души и бурного темперамента, в котором домовитость, хозяйственность уживались с расточительностью и непрактичностью. В свободные минуты Райду Каллистратовну привлекала литература по нетрадиционной медицине, магии (белой и чёрной), астрономии и астрологии. При единственной встрече автора этих строк с Райдой Каллистратовной, состоявшейся в декабре 1990 года, она произвела неизгладимое впечатление, сразив своей необычностью и удивительным портретным сходством с профессором Жаковым.

У Елены Каллистратовны были поистине золотые руки: ей были даны таланты в шляпном, швейном, сапожном деле. Она обувала, обшивала младших детей. Не имея толком школьного образования, каких-либо основ инженерного образования, Елена проектировала дома своих родственников – шесть реализованных ею архитектурных проектов в разных уголках Латвии стоят по сей день. Елена осталась в памяти как принципиальный, даже жестокий человек. Она не раз поражала своих, получивших высшее образование, младших сестёр широтой кругозора, глубиной, строгостью ума. За ней на семейных советах всегда было последнее слово. После окончания второй мировой войны Елена Каллистратовна устроилась в местечке Стелпе в Латвпотребсоюз и начала водить грузовые маши-

ны, стала, наверно, одной из первых женщин-водителей тяжёлых грузовиков. А первую зарплату водителя грузовика потратила на туфельки, купленные для младшей сестры Мары. Долгие годы на перекрёстке рижских улиц Ганибу дамбис и Ранкас можно было видеть выложенную Еленой Каллистратовной мозаику с изображением тяжёлого грузовика.

Явные таланты старших дочерей совершенно не замечались, не поддерживались, игнорировались Алидой. Развитием способностей, а тем более образованием, старших дочерей мать, поглощённая собой, своими проблемами и переживаниями, совершенно не занималась. Даже младшие дети до войны получили только начальное образование. Словно Алида Каролина постоянно твердила себе строки из первой главы Ветхозаветного Екклесиаста: «От многой мудрости много скорби, и умножающий знанье умножает печаль». После смерти Алиды Каролины её старшие дочери Райда и Елена фактически пожертвовали собой ради образования младших сестёр, как могли, помогали и поддерживали их. Лиза закончила отделение живописи Латвийской Академии художеств. Младшая из сестёр – Мара, чьи первые театральные впечатления связаны с домашними спектаклями Райды, окончила Вторую студию при Художественном театре, стала известным в Латвии театральным педагогом, режиссёром-постановщиком в детских театрах, автором книг.

Находясь на смертном одре, зная, что покидает своих детей, Алида Каролина написала им небольшое духовное завещание. В нём она просила детей, когда вырастут, жить отдельно друг от друга, чтобы не портить отношения; никогда не связывать свою жизнь со стариком; никогда не заигрывать с политическими партиями. Это завещание всю жизнь бережно хранила Райда Каллистратовна Тимука (урождённая Жакова). Она в последние годы жизни была прикована к постели. На кровати подле себя Райда Каллистратовна держала сундучок. В нём хранились самые дорогие вещи, оставшиеся после отца и матери. С ними она не желала расставаться ни на миг.

Заключение

Через год после кончины Жакова, в январе 1927 года, прошёл вечер памяти, ещё через два года, благодаря стараниям Э. Гросвальда и М. Заринь, вышел сборник его небольших статей. Шли годы, имя Каллистрата Фалалеевича стало забываться – не прижились его философские идеи на латвийской почве. Оживить, тем более развить и продолжить идеи лимитивной философии не смог никто – ни в ком из последователей Жакова не было уже такой степени личного обаяния, недюжинного темперамента, никому не доставало такого объёма и глубины знаний, силы художественного воображения.

Спросите, как сложилась судьба тех, кто окружал зырянского самородка в Латвии в те далёкие годы? Увы, не установила судьбу его друзей – супругов Дагмары и Эмиля Гросвальд. Потомки родственников Марии Заринь, увы, ничего не знают о ней, не осталось никаких сведений о её образовании, не сохранился её архив. Как она жила, чем занималась в Риге и за её пределами, неизвестно. Она, как и всё семейство Зариней, было православным по вероисповеданию. Марис

Зариньш – сын известного композитора и писателя Маргера Зариньша, располагает только фотографиями. На них изображена Мария, приходившаяся Маргеру Зариньшу тётей – родной сестрой отца. Известно, что она плохо ладила с женой брата, в 1950-е годы – последние годы жизни – находилась в пансионате для престарелых в Цесисе. Там же на местном кладбище нашла свой последний приют. Вряд ли кто-нибудь найдёт её могилу.

После скандальной кражи гроба Жакова о Бароне заговорили вновь в 1930 году: в мартовском номере газеты «Сегодня вечером», № 58, появилась статья «Два дела „профессора” Барона». Теперь уже Эрнест Эрнестович выдавал себя за председателя общества борьбы с туберкулёзом господина Капустиня и с одного лица взял 600 латов залоговых денег, обещая подыскать выгодное место. Барон умудрился предстать и в облике руководителя «юридическо-философской академии», взяв в магазине якобы в лизинг пишущую машинку. Осенью того же года взял дрова и выписал фиктивный вексель, даже сумел занять корову, одарив её прежнего владельца фиктивным платёжным документом. За эти «проделки» псевдо-профессор угодил в каталажку. И в преклонном возрасте Эрнест Эрнестович сохранял мужское обаяние, шарм неотразимого дамского волокиты, оставаясь, как и в молодые годы, проходимцем и авантюристом. Закончил Эрнест Эрнестович свою жизнь в конце 1960-х годов на тюремных нарах, когда отбывал срок за мошенничество. Как вспоминает историк Маргер Абрамович Вестерман, узнавший в послевоенные годы, скромная дачка Барона в Юрмале на станции Булдури была завалена рукописями, скорее всего, рукописями Жакова.

Во второй половине 20 века имя Жакова в Латвии было достоянием, увы, очень узкого круга его неминуемо старевших почитателей, немногих специалистов. В ответ на предложение правительства автономной республики Коми, профессора Анатолия Микушева, Любови Жаковой (дочери сына Вадима) Райда Каллистратовна Тимука в декабре 1990 года дала согласие на перезахоронение праха отца. Это было действительно правильным решением. Тем самым профессор Жаков вернулся на родину, к своему народу, в контекст зырянской культуры, в лоно им так любимой суровой северной земли. Райда Каллистратовна в то время была уже серьёзно больна. При эксгумации гроба покойного на рижском Покровском кладбище присутствовали, сопровождали прах на родину, участвовали в Сыктывкаре в многочисленных встречах и, наконец, принимали участие в третьих похоронах дочь Райды Каллистратовны – Райда и младшая дочь Алиды Каролины – Мара Приеде. Благодаря госпоже Маре, любезно предоставившей в моё распоряжение свой дневник и газеты, я смогла узнать подробности событий декабря 1990 года, подробности того, как «маленький герой большой сказки мира», как любил именовать сам себя Жаков, вернулся к себе домой¹.

¹ В. Сизов. Позднее возвращение // Молодёжь Севера, 1990, № 152, 21 декабря; Т. Борисевич. Возвращение... (В Сыктывкаре состоялось перезахоронение праха Каллистрата Жакова) // Красное знамя, 1990, № 293, 21 декабря.

Светлой памяти проф. К. Ф. Жакова*

20-го января скончался в Риге на койке городской больницы проф. К. Ф. Жаков, зырянин по национальности, талантливый самородок, редкий идеалист и фанатичный искатель правды жизни...

«Сквозь строй жизни» – так верно назвал он свою автобиографию, изложенную в форме романа или имевшую в своё время шумный успех. Книга эта и не могла не иметь успеха, потому что в ней, с редкой искренностью и высокопробной честностью, рассказана вся жизнь мятущегося человека, родившегося в глухой зырянской деревушке, до 10 лет неграмотного и говорившего только по-зырянски, а через 35 лет вернувшегося в родной зырянский край профессором и поэтом.

После Ломоносова, разумеется, не так уж удивительно наблюдать, как зырянский «кага» (ребёнок) проходит в профессора, но в биографии Жакова есть нечто такое, чего нет в героической биографии Ломоносова: неусыпное искание внутренней Божьей правды...

Домашнее «образование» у брата-солдата... Чтение псалтыри по покойникам... Работа по «богомазной части» с отцом... Потом – уездное училище со свидетельством о бедности из волостного правления...

А дальше пошли этапы: учительская семинария, добывание горького куска хлеба чернорабочим на Холуницком

заводе, реальное училище, лесной институт... затем – послушник монастыря и, наконец, студент университета...

Но где бы и чем ни встречала его жизнь, – он везде остаётся один и тот же, он в вечной погоне за «истинной сутью вещей»...

Он нигде не видит этой не дающейся «правды-истины» и в отчаянии плачет: «Отец Благой, зачем так много узнал я? Зачем Ты дал так много мне, лесному человеку?»

И это были не пустые патетические слова. Он дважды покушался на самоубийство, не приняв грубых выводов позитивной школы, убийственно оскорбляющей богосыновство человека. Учёной смердяковщины не перенёс лесной дикарь...

Исцелила Жакова философия Бернулли: без метафизики невозможно

никакое познание чего бы то ни было...

Молодого зырянину долго не пустили в университет, и только в 30 лет его плечи покрыл студенческий мундир.

И тут, в университете, – та же погоня за правдой, не удовлетворяющая готовыми выводами и авторитетом профессоров. Тут то же учёное упрямство лесного человека – до всего добраться собственным крепким зырянским мозгом.

Естественный факультет, потом математический, психологический семинарий Челпанова, филологический факультет, астрономия.

И было это не порхание маменькиного сынка, отыскивающего «где полег-

* Газета «Перезвоны», 1926, № 13. – С. 377.

Подготовка к публикации С. Н. Ковальчук.

че», а мучительная работа ответственно работающего человека, «одержимого», или, как говорили про него – «неистового Каллистрата».

В оригиналах он читает «Калевалу», Гомера, Гёте, Байрона, Шелли. Получает воспаление лёгких, мёрзнувши на вышке обсерватории. Пишет прекрасные психологические этюды, сочинения филологические и исторические на конкурс... И всё делает вдохновенно, ярко и страстно.

И, наконец, – профессорская кафедра и многолетняя работа о Паме-Бурморте, – очаровательный зырянский эпос, дающий Жакову право считать себя Гомером русского Севера.

Последние годы К. Ф. провёл в Риге (после недолгого пребывания в Гельсингфорском университете и в Эстонии).

Здесь он читал лекции (и зиму, и лето непрерывно – по 2 лекции в неделю) на философские темы, разрабатывая проблемы лимитивной философии. (Limes – предел).

Всякое научное знание, освещая явления природы, упирается в конце концов в предельные категории, не поддающиеся дальнейшему научному объяснению и непонятные «человеческому» разуму – материя, сила, время, пространство и т.д., «границы мира», как называли их проф. Жаков.

Что такое, напр., пространство? Человеческий разум не может постичь ни бесконечности пространства, ни конца его, а в то же время нельзя и отрицать это непостижимое пространство, как это делают материалисты по отношению к «непостижимому» Богу – «непостижимость» здесь должна быть признана как факт, может быть, и неприятный человеческому разуму...

Изучение этих «пределов» человеческого знания и приводит к необходимости религиозного понимания мира, в

виду недостаточности понимания научного, приводит к единению науки и религии, рассматривающих мир с разных точек зрения.

Религиозное понимание мира К. Ф. не только «проповедывал» на лекциях, но и проводил в своей жизни – являя пример непрерывного духовного горения и отрешения от материальных интересов.

Освежиться душою около этого идеалиста-философа собирались не только его постоянные ученики, но и лица, стоявшие в стороне от систематического изучения лимитивной философии, и потеря его будет болезненно чувствоваться многими и многими...

Всю жизнь он был вне партий, и партии заплатили ему холодным безразличием. Печалью звучит тоска одиночки, не способного впрячься в партийный или кружковый хомут: «Везде чувствую я себя, как чужеземец... Я странник... Где же отдохну я?»

Единственную партию признавал он – «союз добрых». К образованию такого союза для активной борьбы со злом мира во всех его проявлениях и призывал покойный.

...«Добрые всего мира, соединяйтесь» – вот девиз и завещание покойного профессора, этого странного и непонятного нашему времени человека, запоздавшего родиться по крайней мере на 500-600 лет, – такого чуждого этому материалистическому веку, единственное оправдание которого разве только в том, что и в нём, этом веке материализма, время от времени могут рождаться Жаковы...

В воскресенье 24-го состоялось погребение усопшего на Покровском кладбище – после заупокойной обедни и отпевания, совершённых преосвященным Иоанном в переполненном молящимися Соброре.

**Микушев
Анатолий Константинович**

05.11.1926 - 11.01.1993

Павел Лимеров

Лимеров Павел Фёдорович, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

А. К. Микушев: путь к эпосу

Начало научной деятельности А. К. Микушева приходится на 1950 год. Именно в этом году он поступает в аспирантуру Пушкинского дома (ИРЛИ) и определяется с темой будущей кандидатской диссертации – «Песенное творчество коми в советскую эпоху». Научным руководителем молодого аспиранта соглашается стать А. М. Астахова, один из наиболее авторитетных учёных-фольклористов, известный эпосовед, к тому времени издавшая первоклассную монографию «Русский былинный эпос на Севере» (1948). Дружбу с Анной Михайловной Микушев поддерживал и в дальнейшем, вплоть до её кончины в 1971 году, и, видимо, не без влияния Астаховой начались поиски Микушевым эпических форм коми фольклора. Очевиден вопрос, почему же научный выбор А. К. Микушева был решён в пользу песенной поэзии, ведь изучение песенной традиции предполагает всё-таки наличие музыкального образования? Надо исходить из того, что А. К. Микушев, как и закончивший в 1950 году аспирантуру Пушкинского дома Ф. В. Плесовский, стояли в самом начале научного изучения коми фольклора, поэтому важно было распределить силы так, чтобы охватить основные области национальной фольклористики. Изучением фольклорной прозы уже занимался Ф. В. Плесовский, под научным руководством В. Я. Проппа написавший диссертацию по теме «Эпический фольклор народа коми (сказки и предания)», естественно, что А. К. Микушев взял на себя область песенного творчества коми народа. Есть и другой, даже более важный фактор, оказавший влияние на научный выбор А. К. Микушева. Дело в том, в этнографических работах примерно с

А. К. Микушев, 1948 год.

* *Использованные в статье фотографии хранятся в библиотеке с. Биб Сыктывдинского района Республики Коми.*

середины XIX века сформировалось мнение о том, что коми не имеют своей песенной поэзии, а поют русские песни. Для образованных кругов XIX века подобное утверждение было равносильно признанию отсутствия у народа живого творческого духа, и, как следствие, национальной самобытности, национальной культуры. Естественно, что такое положение вещей уже тогда вызывало попытки реабилитации народной традиции со стороны коми интеллигенции, свидетельством чему являются публикации образцов фольклора в губернских газетах и журналах, широко известен и тот факт, что И. А. Куратов поместил в «Вологодских губернских ведомостях» под видом зырянских песен пять своих стихотворений. С тех пор прошло немало времени, было записано достаточно большое количество образцов коми песен, составлялись и выходили, пусть небольшие, но – сборники коми песен, однако научного изучения коми народной песенной поэзии до А. К. Микушева, пожалуй, не предпринимал никто. Более того, мнение об отсутствии у коми оригинальной песенной традиции по-прежнему преобладало. Поэтому, определяя предмет своего исследования песенный фольклор народа коми, А. К. Микушев должен был, прежде всего, доказать само существование коми народно-песенной культуры, рассмотреть основные формы её бытования в прошлом и настоящем, а также показать место и значение традиции исполнения русских песен в коми деревне. По сути, благодаря доказательству развитой, оригинальной народной поэзии повышался негласный статус всей народной культуры коми, и А. К. Микушев становился не просто исследователем коми песен, но адвокатом коми традиции в целом. Это стало особенно ясно после выхода первой его монографии «Песенное творчество народа коми» (1956), подготовленной на основе кандидатской диссертации. Конечно, монография во многом следует известным идеологическим постулатам о «фольклоре, как о вторичном, надстроечном явлении, отражающем бытие», и в силу этого выражающем различные «чаяния», «ожидания» трудового народа, и даже являющемся «оружием борьбы за классовые интересы».¹ Однако в ней есть и другое. А. К. Микушев разделяет коми песенный фольклор на «традиционное наследие» и «советское народно-песенное творчество», стремясь показать народную поэзию как явление сложное и живое, не только сохранившее от прошлого лучшие образцы, но и создающее на их основе новые версии народных песен и частушек, «удовлетворяющих духовные потребности советского народа». Благодаря такой обычной для советского времени этикетной формулировке, автор легитимизирует свой интерес к «старинным» песням, наследию эпохи самодержавия. Раскрытию «идейно-художественного содержания» этих песен посвящена первая, основная глава монографии. Пока ещё нет жанровой классификации, песни делятся на группы: трудовые, рекрутские, свадебные, семейно-бытовые, песни-воспоминания о молодости (шондбаной олёмой), шуточные, даётся описательная характеристика каждой из групп, указывается место той или иной группы (или подгруппы) в традиционной культуре коми. К примеру, при описании причитаний невесты, выделяется сравнение «сватов с татарами, сватовства с татарским нашествием, заключения брака с захватом в плен, противопоставление свободной девичьей воли горькой женской доле «на стороне, в чужих людях».² Далее, этот мотив сравнивается с песнями «о свадебном поло-

¹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 2006. – С. 62.

² А. К. Микушев. Песенное творчество народа коми. – Сыктывкар, 1956. – С. 45.

А. К. Микушев с преподавателями и учениками 8 класса Ыбской средней школы. 19 февраля 1949 года.

мана татарами».² Эта линия рассуждений А. К. Микушева достаточно показательна, поскольку в ней уже угадывается будущий интерес исследователя к изучению происхождения эпических форм песенного фольклора.

Наряду с исследованиями в области фольклора А. К. Микушев в те же годы начинает серьезно заниматься литературоведением. Характерно, что благословение на эти занятия он получает от той же А. М. Астаховой. В декабре 1953 года, видимо, в ответ на заданный вопрос, Анна Михайловна пишет Микушеву: «Простите, что задержала ответ. Но я знала, что Пелагея Григорьевна (Ширяева) сейчас же ответила Вам и поддержала Вас в Вашем начинании. Я присоединяюсь к ней. Конечно, надо выходить на более широкую дорогу литературоведения. У Вас есть вкус к поэзии, уже некоторые навыки анализа. Знакомство настоящее с коми поэзией Вам даст основу для будущей Вашей работы по смежной теме. Итак, желаю успеха в предстоящей работе».³ Однако для А. К. Микушева исследования в области коми литературы значили не только анализирование поэтических текстов, сколько исходили из понимания литературы как высшего проявления национального самосознания коми народа. Именно литература, по мысли А. К. Микушева, в советскую эпоху становится организующим началом, как ранее таким организующим началом был фольклор, вокруг которого может и должен формироваться коми национальный характер. Поэтому важно изучать фольклор как историческую основу литературы, определяющую её художественное своеобразие, но не менее важным является и изучение литературно-фольклорных взаимосвязей. На этих положениях строится книга А. К. Микушева «Коми литература и народная поэзия», вышедшая в 1960 году. Конечно, для современного читателя она может показаться чересчур загруженной тем, что сегодня называют «вульгарно-социологической догматикой», но таким было время, и многое из того, что сегодня уже кажется странным, тогда было общепринятым и даже не обсуж-

¹ А. К. Микушев. Песенное творчество народа коми. – Сыктывкар, 1956. – С. 45.

² Там же.

³ А. К. Микушев: статьи, воспоминания, письма. (рукопись)

не», которые уже воспринимаются как лирические, но по сведениям пожилых информантов, прежде были связаны со свадебным обрядом: «Они исполнялись в тот момент, когда жених с дружкой приезжал за невестой, чтобы взять её к венцу».¹ Достаточно корректно формулируется мысль о возможной исторической основе свадебных песен в эпоху татарских нашествий, и проводится параллель с лирико-эпической песней «Мича Роман» (Красивый Роман), «в которой говорится о полонении жены Ро-

далось. Никто не смог бы отменить марксистско-ленинское понятие классовых антагонизмов внутри народа, соответственно, А. К. Микушев пишет в историографической первой главе, что в устной поэзии «не могли не отразиться эти классовые антагонизмы, не могли не проникнуть в неё антинародные мотивы и националистические веяния».¹ Поэтому в фольклоре, условно говоря, можно найти классово чуждые элементы, используемые реакционно настроенными писателями в своём творчестве. Писатели делятся на реакцио-

Микушев с преподавателями Ыбской средней школы.

неров и демократов, которые используют фольклор в своих целях, А. К. Микушев рассматривает творчество и творческие подходы тех и других в исторической перспективе. Среди реакционных оказались П. Распутин, В. Клочков, К. Ф. Жаков, Г. С. Лыткин и др., некоторые ошибались, но вышли на правильный путь, такие, как И. А. Куратов или В. Савин – не ошибались никогда. Всё это так. Но значение книги в том, что в ней впервые показана история коми литературы: не свод единичных авторов прошлого и настоящего, а именно процесс, движение литературы в диахронии, в ошибках, неудачах и достижениях всех авторов – «реакционных» и «демократов», это неважно, они все вовлечены в исторический процесс, и объединяет их творчество фольклоризм. Отдельно рассмотрев творчество наиболее крупных коми писателей: И. А. Куратова, М. И. Лебедева, В. А. Савина, В. Т. Чисталёва, Г. А. Федорова и В. В. Юхнина – А. К. Микушев впервые показал, что фольклоризм присущ коми литературе не только в качестве исторической основы, но и на всём пути её развития. В этом смысле понятие фольклоризма сходно по значению с понятием народности литературы. Книга «Коми литература и народная поэзия» стала важной вехой на творческом пути самого А. К. Микушева: в её содержании уже не трудно увидеть структуру будущего трёхтомника «История коми литературы», а с другой стороны, изучение литературы позволило ему вплотную пойти к изучению творчества К. Ф. Жакова. Но раньше был эпос. Однако путь к эпосу был долгим и не простым.

В конце 1950-х годов А. К. Микушев приглашает работать в сектор фольклора и литературы Коми филиала АН СССР П. И. Чисталёва, композитора и этномузыковеда. Появляется возможность нотировать записи. Спустя тридцать лет, в 1992 году А. К. Микушев пишет: «С приходом П. И. Чисталёва в творческую группу КФАН СССР работа над песенным сводом приобрела динамичный характер. Доставляло истинное удовольствие видеть, с каким удивительным тактом и неподдельным восторгом находил он в коми деревнях неизвестный песенный мотив, записывал на свой издавший виды «Романтик».² Так сложился творческий союз, без которого выпуск трёхтомника песенного фольклора коми был бы немислим.

¹ Микушев А. К. Коми литература и народная поэзия. – Сыктывкар, 1960. – С. 6.

² Микушев А. К. Предисловие ко второму изданию // Коми народные песни. – Сыктывкар, 1992. – С. 6.

Первоначально А. К. Микушев задумал выпустить сборник «Песни Ижмы», в который собирался включить записи экспедиции в Ижемский р-н 1959 года. Он делится своими планами с А. М. Астаховой, и та пишет в ответ: «Основные вопросы Вы правильно наметили. Очень хорошо, что «Песни Ижмы» Вы задумали дать с параллельными переводами на русский язык (в этом отношении образцово сделаны издания «Шорский фольклор» и «Карельские эпические песни») и с музыкальными приложениями».¹ Но работа над Ижемским сборником оказалась более трудоёмкой, чем предполагалось. В 1962 году А. М. Астахова спрашивает в письме: «В каком положении подготовка «Ижемского сборника»? Если бы прислали проспект сборника и образцы комментариев вместе с комментируемыми текстами, я, может быть, на ходу успела бы сделать замечания и помочь. Или Вы думали показать мне сборник, когда он будет готов?» По-видимому, подготовка сборника откладывалась в связи с началом работы над трёхтомником коми народных песен. Анна Михайловна очень сочувственно отнеслась к этому проекту и предложила в качестве музыкального редактора Б. М. Добровольского, в то время работавшего зав. Фонограммархивом ИРЛИ. В планах А. К. Микушева было и издание монографии, но А. М. Астахова ответила ему в довольно категоричной форме: «Относительно Вашей монографии мне думается, что параллельно с подготовкой первых сборников Вам следует только собирать материал. Сразу писать какие-то части монографии нецелесообразно, – всё равно придётся затем к ним возвращаться и перерабатывать. ... Мнение о том, что составление сборников – чисто техническое дело – смехотворно, и с ним надо бороться, ссылаясь на опыт головных институтов, хотя бы на наш. Могли ли бы необразованные люди издать наши «Памятники русского фольклора»? А сборники-антологии «Библиотеки поэта»?»²

Работа над составлением сборников продолжалась до 1967 года, когда третий том, посвящённый удорско-вымской песенной традиции, был сдан в печать. Трудности, с которыми столкнулись составители сборников, касались, прежде всего, нехватки песенного материала. В Предисловии ко второму изданию «Песен» (1992) А. К. Микушев отмечает, что 1950–60-е гг. уже были временем «интенсивного разрушения вековых песенных традиций», и задача, которую ставил А. К. Микушев перед собой и перед своей творческой группой, заключалась в интенсивном сборе песенного материала. С этой целью в экспедиционные поездки выезжали едва ли не два раза в год, что в условиях полного бездорожья было не так то и просто. В ходе работы над сборниками и был выработан региональный подход к составлению томов: материал подавался не сплошным массивом, а был разбит в соответствии с принадлежностью к одной из трёх региональных песенных культур: вычегодско-сысольской, ижмо-печорской и удорско-вымской. Как и предполагала А. М. Астахова, в процессе работы над песенным собранием А. К. Микушев смог определиться с темой будущей диссертации. В ноябре 1966 года он пишет своему учителю: «В результате предварительного сбора фольклорных произведений и исследования их лично для меня стала ясна картина сложного генезиса коми народно-песенного творчества в целом и отдельных его жанров в частности».³ Заметим, что здесь впервые произнесено слово «генезис», вынесенное

¹ А. К. Микушев: статьи, воспоминания, письма. (рукопись)

² Там же.

³ Там же.

затем в название диссертации, причём, генезис песни А. К. Микушев связывает с этногенезом различных этнографических групп коми, поэтому первоначально тема диссертации звучит как «Роль этнических групп в формировании народно-песенных жанров коми фольклора». Надо сказать, что обычная с точки зрения сегодняшнего дня концепция региональности фольклорных традиций, в середине 1960-х выглядела достаточно новаторски, А. М. Астахова поддержала тему, назвав её «чрезвычайно важной в научном отношении», с оговоркой, что её уточнение – «дело дальнейшего продумывания в процессе разработки проспекта», и предложила проконсультироваться у специалистов этнографов и лингвистов. А в ходе работы над «Песнями», видимо, сформировалась и концепция коми эпоса. В письмах 1967 года А. М. Астахова упоминает уже о редактировании вступительной статьи в сборник «Коми эпические песни и баллады» (1969), в частности, обсуждается гипотеза А. К. Микушева относительно происхождения так называемых «баллад о полонянках». В содержание этого сборника А. К. Микушев уже включает ижмо-колвинские песни на правах эпических, хотя в трёхтомнике варианты этих песен ещё называются «повествовательными». Таким образом, состав коми эпоса приобретает известную нам равновесную структуру: с одной стороны – коми-зырянский эпос, включающий баллады о выкупленной полонянке и былины-баллады на сюжеты русского героического эпоса и духовных стихов, а с другой – ижмо-колвинский эпос.

Диссертация была готова к 1970-му году, и теперь она называлась «Генезис и эволюция коми песенного фольклора». В основу концепции А. К. Микушев вынес положение о трёх локальных группах коми – южной, западной и северной, в пределах которых, вследствие различного рода этнических процессов сформировались определённые песенные традиции. Предмет исследования ограничивался четырьмя жанровыми типами: импровизациями, севернокоми ижмо-колвинскими эпическими песнями, народными балладами и частушечной поэзией. Официальными оппонентами были назначены В. И. Лыткин, К. В. Чистов и З. Куприянова. Все три оппонента очень высоко оценили диссертацию А. К. Микушева. В частности К. В. Чистов отметил, что диссертация является обобщением и итогом многолетней работы диссертанта по сбору фольклорного материала, выпуску сборников текстов (пять первоклассных сборников), кроме того диссертант издал две монографии, книгу по коми литературе и значительное количество научных публикаций. Характеризуя главу о песенных импровизациях, К. В. Чистов отметил, что подобные песни «у народов древней земледельческой культуры Европейской

А. К. Микушев – профессор кафедры коми литературы и языка СыктГУ.

части СССР были почти неизвестны (исключение составляют северные карелы, воспринявшие от саамов так называемые йойги и некоторые виды эстонских импровизаций), то значение этой части диссертации Микушева определяется коротким, но выразительным словом – открытие».¹

Но главным открытием диссертанта, по общему мнению, всех троих оппонентов, конечно же, был эпос. К. В. Чистов замечает, что «первые известия о том, что у коми тоже обнаружили эпос, вызывали опасения. Возникло подозрение: не дань ли это всеобщему «эпическому» увлечению?». Он приводит ряд примеров подобных «увлечений» – у белорусов, латышей, грандиозную героическую эпопею «Сияжар» мордовского писателя В. Радаева и т.п., но «на этом фоне исследование А. К. Микушева отличается спокойствием, рассудительностью, научной объективностью». Для этого А. К. Микушеву пришлось отказаться от общепринятых представлений об эпосе, «как о безусловно общенациональном явлении, в создании которого участвуют все этнические группы, об эпосе, как явлении, которое должно исключительно принадлежать одному народу, национальную суть которого он выражает и, наконец, об эпосе как преимущественно героической эпопее богатырского типа. Или, иными словами, надо было отказаться от национально-романтических представлений в пользу научных, допускающих классические и периферийные формы, резкие и размытые границы явлений и требующих не сенсационных открытий, а объективного ответа на основной вопрос: создавала ли (и если создавала, то как и когда) коми фольклорная традиция какие-либо разновидности эпических форм? Ответ оказался неожиданным и теоретически весьма интересным. У коми, расселённых в различных районах республики и за её пределами (Ямало-Ненецкий округ Тюменской области), обнаружили не только различные эпические сюжеты, но и разностадиальные формы эпоса; у северных коми – архаические формы, родственные ненецкому эпосу, у южных и западных коми – различные позднеэпические формы, включая так называемые баллады».

Так был открыт коми эпос, и путь к нему был долгим. Первые записи баллад датируются серединой XIX века, впервые А. К. Микушев к ним обратился при написании кандидатской диссертации в самом начале 1950-х гг., первые ижмо-колвинские песни записаны А. К. Микушевым в 1959 году, но только в 1969 году он определил их как «эпические песни». Первые ижмо-колвинские песни А. К. Микушев записал в 1959 году во время экспедиционных работ в ижемских сёлах Мохче и Бакуре. Но фронтальная запись эпических песен смогла осуществиться только после создания научной группы, в состав которой вошли Ю. Г. Рочев, П. И. Чисталев, В. В. Тимин, В. М. Кудряшова и др. За 6-7 лет ими было записано в экспедиционных поездках в Ижемский район РК, Ненецкий НО, Ямало-ненецкий НО, Тюменскую область и на Кольский п-в более 100 произведений северно-коми эпоса. Десятилетия жизни были заполнены работой в поле, в архивах, в библиотеках для того, чтобы иметь научные основания назвать эти тексты «эпосом». Наконец, защита докторской диссертации в 1970 году, а затем изданная в 1973 году монография «Эпические формы коми фольклора», раз и навсегда закрепили за коми, во всяком случае, для научного мира – статус народа, имеющего эпос. Книга «Коми народный эпос» (1987) уже только подтвердила его. Тем не менее, проблема коми эпоса, особенно его ижмо-колвинской составля-

¹ А. К. Микушев: статьи, воспоминания, письма. (рукопись)

ющей – и сегодня вызывает сомнения у многих. С одной стороны, вызывает сомнение то, что эпос в архаических формах мог возникнуть в начале XIX века, а с другой стороны, ижмо-колвинский эпос воспринимается как нечто чужеродное, не коми, искусственно навязанное. Всё это так, если не учитывать той мощной научной доказательной базы, на которой А. К. Микушев выстроил здание эпоса. На самом деле, говоря о коми эпосе, зачастую забывают о его научной составляющей, и о том, что сам Микушев был, по выражению К. В. Чистова, «одним из ревностных учеников и последователей выдающегося знатока русского эпоса и севернорусского фольклора, профессора Анны Михайловны Астаховой».¹ Тут уж, как говорится, каков учитель, такие и ученики.

К сожалению, времена Д. Макферсона, Э. Лённрота и братьев Киреевских безвозвратно ушли, и статус народной поэзии и даже эпоса – уже совсем не тот. Но я не согласен с точкой зрения К. В. Чистова, когда он говорит, что А. К. Микушеву «надо было отказаться от национально-романтических представлений в пользу научных», чтобы открыть настоящие формы эпоса. Думаю, что как раз национально-романтические представления и питали его неуёмную творческую

энергетику. В этом контексте эпос как раз соответствует представлению о национальной сути коми народа. Удивительно, но национальная суть коми народа интернациональна: в ней мирно соседствуют образы Ёвлёхуплё и Кирьян Варьяна, Ильи Муромца, Вэдэ и Мича Романа. В этом её особенность и национальное достоинство. А. К. Микушев открыл коми эпос, может быть, и коми народу предстоит его открыть?

Мемориальная доска висит на стене Ёбской средней школы (Сыктывдинский р-он).

¹ А. К. Микушев: статьи, воспоминания, письма. (рукопись)

Олексей человек Божий*

Впервые духовный стих об Алексие, человеке Божьем в коми традиции был записан А. К. Микушевым в вымской экспедиции в д. Ибы. Текст был опубликован в книге «Эпические песни и баллады», однако, ввиду религиозного содержания текста А. К. Микушев больше никогда не включал его в число эпических песен. Следует отметить, что по содержанию коми вариант духовного стиха об Алексие существенно отличается от русских версий. А. К. Микушев признаёт эту запись единичной и пишет, что стих не фиксируется даже в соседних деревнях. Однако в 2004–2006 гг. записи духовного стиха об Алексие, человеке Божьем были сделаны на верхней Вычегде, в сёлах Усть-Нем и Мыёлдино, где этот сюжет бытовал как на русском, так и на коми языках. Мы сочли интересным представить читателю журнала духовный стих в записях А. К. Микушева и О. И. Уляшева. Для справки об этом произведении приводится статья из Википедии, а также статья В. Калугина, подготовленная по известной монографии В. П. Андриановой-Перетц «Житие Алексия, человека Божия». Пг., 1917.

- Перво ная олісны князь гозъя,
 Налён чужи и өти пи.
 Бать-мамыс ная зэв ёна өд гётралёны,
 Сія, Олексей человекö Божий, оз гётрась.
- 5 «Олексея пö да человекö Божий,
 Тэныд өд пö нин пöра да гётрасьны.
 – Князь-батюшко да Анна-матушкаö,
 Пöра кө пö инö, ме да и гётрася.
 – Ми пö мунам сар ордö дай корасьны».
- 10 Ная пö мунасны да Марпа-саровнаöс кораласны.
 Ная лöсьодасны дай свадьба,
 Сарскöй свадьба лöсьодасны,
 Сарскöй öдзöс восьтасны,
 Восьтасны ная дай князивскöй öдзöс,
- 15 Восьтасны ная дай крестьянскöй öдзöс,
 Пызан лöсьодасны ная дай, сарскöй пызан,
 Мöд пызан лöсьодасны ная дай, князьскöй пызан,
 Коймöд пызан дай, крестьянскöй пызан.
 Коркö ная локтасны дай свадьбаөн,
- 20 Пырас сія крестьянскöй öдзöсöд да,
 Крестьянскöй пызан сайö пуксяс.
 «Олексейö пö человекö Божий,
 Тадзи тэн колö первой лунсянь тешитчыны да
 шванитчыны?
 Тэныд өд пö коліс сарскöй öдзöсöд пырны да,

Отрывок публикуется из книги А. К. Микушева «Коми эпические песни и баллады». – Ленинград: Изд-во «Наука», 1969. – Стр. 94–99.

* 20. Олексей человек Божий (Алексей человек Божий). Записано А. К. Микушевым в мае 1964 г. от И. Ф. Быковой, Усть-Вымский р-н, дер. Ибы.

- 25 Сарскöй пызан сайö пуксыны.
– Сар-батюшко пö, ме кузя дай тая на вывті!»
Ная пируйтасны да пируйтасны сэн,
Гортас князь ордö мөдöдчасны.
Князьлөн лөсьöдöма бара сарскöй пызан,
- 30 Сарскöй öдзöс восьтöма
И крестьянскöй öдзöс.
Бара сiя пырас крестьянскöй öдзöсöд,
Крестьянскöй пызан сайö пуксяс,
Сылы батъыс да мамыс и шуöны:
- 35 «Олексейö пö человекö Божий,
Тадз öмый пö тэ первой лунсянь тешитчан,
шванитчан да куражитчан?
Тэн öд пö колi пырны сарскöй öдзöсöд
Да сарскöй пызан сайö пуксыны,
Сарскöй кöленаö пö колi пöртчыны.
- 40 – Тая пö на ме кузя вывті!»
Ная пируйтасны да пируйтасны,
Ичмонь гозъяös и водтöдасны.
Ная пырасны да коркö и шуö Марпа-саровна:
«Кызд нö пö ме мöдa тэнö шуны?
- 45 – Марпа-саровна пö, тайö кывтö кö тэ шуин,
Мун пö тэ нянь кöрышла пырав!»
Нянь кöрышла сiя пырас да ваяс.
Öти шöрöм сiя шöрыштас – быдман шöрöм,
Мöд шöрöм сiя шöрыштас – гöтрасян шöрöм,
- 50 Коймöд шöрöм сiя шöрыштас да – туйö мунав
шöрöм,
Сюяс сiя питшöгас да,
Сукман пасьталас да петас да и мунас.
Коркö ичмонь гозъяös, чеччасны да, чуksавны каясны:
«Кöнi нö пö мужикыд?
- 55 – А кытчöкö пö сiя мунiс да». .
Корсясны да корсясны да,
Некысь сiя и оз сюр,
Пуксьöдасны бабатö кытчöкö.
Но сiя коркö и зэв дыр нин олас,
- 60 Быдөн нин сылөн платтьöыс ставыс киссяс,
Вöрын сiя кевмас век келляын,
Сiя нин, гашкö, зэв пöрысь лöö,
Коркö сiя и гортас лэччас,
Гортас лэччас да,
- 65 Öшинь улас таркнитас:
«Лэдзö менö пö, князь, да и узьны!»
Сэссия ная и шуасны:
«Слугаясö, лэдзö кöть курöгъяс дорас!»

- Но ная курөг дорад и узьны лэдзасны,
 70 Сія сэні и узяс.
 Асыводз чеччасны да,
 Быдён мыйкё став керкаыс и быдён чёскыд дук лоё.
 Быдён ная корсясны,
 Некён нинём дай абу.
- 75 Ная пё: «Странник дорад пыраламё!»
 Пырасны да сія сэн лабичад водёма да и кулёма.
 Рукопись сылён киас да гижёма.
 Мамыс пондылас босьтны – оз шед,
 Батыс пондылас босьтны – оз шед,
- 80 Некодлы, сар гозъялы, некодлы оз шед.
 «Мунё пё да Марпа-саровнасё лэччөдлө,
 Сія көнкө пё вылын да пукалө».
 Сія петас дай лэччыны мөдас,
 Öти ступка ступитас да –
- 85 Рукописьыс киас чеччыштас,
 Сія восьтас да и видзөдлас:
 «Ок-ма пё тай, тиян тая и вөлөма, муса пиныд вөлөма!»
 Ная босьтасны да лэччөдасны да и лыддясны,
 Бөрдасны да бөрдасны да, горзасны да горзасны да.
- 90 Мөдөдны мөдасны,
 Горт карасны да быдён ная карасны дзебны нуны,
 Некод сійө вөрзөдны оз вермы, петкөдны,
 Сія сэся дай вөтө уськөдчас:
 «Вольсалө ті быдсөн керкасө златө да серебро
 вичкөдзыс!»
- 95 Ная мөд лун чеччасны да,
 Ставөн быдсөн вольсаласны златө да серебро,
 Ачыс сія гортыс сәті мунас,
 Сэся сійө дзебасны да мөдөдасны да öні век куйлө.

Алексей человек Божий

- Жили-были князь с княгиней,
 У них родился сын,
 Отец с матерью женить его хотят,
 Алексей человек Божий жениться не хочет.
- 5 «Алексей, ты, человек Божий,
 Тебе пора жениться.
 – Князь-батюшка и Анна-матушка,
 Ну коли пора, так женюсь.
 – Мы к царю пойдём сватать дочь его».
- 10 Пошли они сватать Марфу-царевну.
 Готовятся к свадьбе,

- Царскую свадьбу готовят,
 Царские ворота открывают,
 Княжеские ворота открывают,
 15 Крестьянские ворота открывают,
 Стол накрывают – царский стол,
 Другой стол накрывают – княжеский стол,
 Третий стол накрывают – крестьянский стол.
 Тут и свадебный поезд подоспел,
 20 Входит Алексей через крестьянские двери,
 За крестьянский стол садится.
 «Алексей человек Божий,
 И чего это с первого дня насмехаешься и
 чванишься?»
- Тебе ведь нужно было войти через царские ворота,
 25 За царский стол сесть.
 – Царь-батюшка, а по мне это и лишнее!»
 Пировали они, пировали,
 Домой к князю отправились.
 Князь приготовил царский стол,
 30 Царские ворота открыл,
 И крестьянские ворота тоже.
 Снова вошёл Алексей через крестьянские ворота,
 За крестьянский стол сел.
 Отец с матерью говорят:
 35 «Алексей человек Божий,
 Чего это с первого дня насмехаешься, чванишься,
 куражишься?»
- Тебе ведь нужно было войти через царские ворота
 И за царский стол сесть,
 С царским родом породниться.
 40 – А по мне это и лишнее!»
 Пировали, пировали,
 Молодых в постель уложили,
 Молодая спрашивает:
 «Как я тебя величать стану?»
 45 – Марфа-царевна, уж коли слово сказала,
 Принеси хлеба каравай!»
 За караваем хлеба сходила.
 Один ломоть отрезала – ломоть детства,
 Другой ломоть отрезала – ломоть свадьбы,
 50 Третий ломоть отрезала – ломоть, с которым выходят
 в путь.
- Запахнул он третий ломоть за пазуху,
 Надел на себя сермягу и ушёл из дома.
 А утром будят молодых:
 «Где, мол, муж твой?»

- 55 – А куда-то вышел».
Искали-искали,
Отыскать не смогли,
Посадили жену в темницу.
Прошло много-много лет,
- 60 У него вся одежда в лохмотья превратилась,
В лесу, в келье молится,
Стариком стал,
И домой отправился назад,
Пришёл к отчему дому,
- 65 Под окнами постучал:
«Впусти, князь, переспать ночь!»
Сказал слугам:
«Слуги наши, впустите его хотя бы в курятник!»
Впустили в курятник,
- 70 Там он переночевал,
А утром встали –
По всему дому благоухание.
Искали-искали, откуда благоухание исходит.
Ничего не нашли нигде.
- 75 «Пойдёмте к страннику!»
Вошли в курятник, а старец уж преставился,
В руках рукопись-грамоту держит.
Мать хотела взять – не смогла,
Отец хотел взять – не смог,
- 80 Царь с царицею не могут взять.
«Идите, Марфу-царевну приведите,
Она где-то наверху ещё сидит».
Только начала спускаться,
Шагнула одну ступень –
- 85 Рукопись сама ей в руки прилетела,
Развернула рукопись, взглянула:
«Ох-ма, это ведь ваш милый сын!»
Они взяли рукопись, прочитали,
Плакали они, плакали, причитали, причитали.
- 90 Собирать в последний путь начали,
Гроб сколотили,
Никто гроб с места сдвинуть не может.
И приснился сон, и во сне голос:
«До самой церкви от дома устелите дорогу золотом и
серебром!»
- 95 Встали утром,
Устелили дорогу золотом и серебром.
Гроб сам в могилу поплыл,
До сих пор в земле лежит.

Алексей Божий*

Во граде Риме я родился.
В нём я быстро возростал.
И отец мой Ефримян
Меня строго воспитал.
 Мать меня очень любила,
 Не смогла без меня жить.
 Когда кончил я ученье,
 Меня вздумали женить.
Мне усватали невесту,
Я того и не хотел.
Обвенчали меня браком,
Сердцем сильно я скорбел.
 Возвратились мы из церкви,
 Пошли в спальню ночевать,
 И я нежную супругу
 Стал душевно утешать.
Помолились вместе Богу,
Я собрался уходить.
Она плакала, спросила,
Как и где ей здесь прожить.
 Я отдал ей кольцо венчально,
 Просил её не терять,
 Обещал вернуться скоро,
 Велел меня ожидать.
Поклонился я ей в ноги,
Просил сильно не скорбеть.
И разлуку, и страданья,
Ради Бога всё терпеть.
 Она встала на колени,
 И смотрела мне в глаза.
 У самой дрожжали руки,
 Из глаз капала слеза..
Последний раз я поклонился
И я вышел и ушёл.
И потайными путями
В Эгейскую страну пришёл.
 Свою одежду променял я
 С нашим братом на старьё,
 Ходил странником, скитался,
 В слезах много лет прошло.

Меня дома потеряли,
Не могли нигде найти.
Я как блудный сын решился
К отцу странником придти.
 Когда в город Рим явился,
 Предстал перед своим отцом.
 Я просил его как странник
 Пустить ночевать в свой дом.
Он взглянул на меня больно
И сердечно пожалел.
Разрешил мне жить в конюшне,
В дом войти же не велел.
 С этих пор стал жить в конюшне
 Я в родительском дому,
 Я его сын нищий странник
 Неизвестен был ему.
Как ушёл я, мать решила
Из дому не выходить,
Разорвалось моё сердце,
И я плакал в тишине.
 Обижали меня слуги
 В доме родного отца,
 Обливали, избивали,
 Издевались без конца.
Терпел холод, терпел голод,
И телесно ослабел.
И в своей конюшне тесной
Я смертельно заболел.
 Взял листок белой бумаги,
 Написал отцу письмо,
 И матери, и супруге
 О себе я извещал.
Помолился Богу слезно,
Лёг я грешный Алексей.
Предал душу в руки Бога,
Кончил путь жизни своей.
 В этот день в соборной церкви
 Слышал голос Архирей:
 «Умер в доме Ефримяна
 Странник Божий Алексей».

* Гижис О. И. Уляшев. 2004.09.03. Игнатова Д. Г. (1926 г.р. Усть-Нем) тетрадьсы.

И ты инок Иннокентий,
 Возьми его сохрани.
 Как достойного страдальца,
 Помяни за упокой.
 Пришёл папа Иннокентий
 Раба Божьего искать,
 Помолившись о нём Богу,
 Прах его земле предать.
 Ефримян удивился
 И не знает ничего.
 Нашли во дворе в конюшне
 Покойника у него.
 Отец, мать и супруга
 Рассуждали не дыша:
 Кто же этот нищий странник?
 Так, безгрешная душа.
 Смотрят, лежит на соломе,
 В руке грамоту держа,
 Помолвились, письмо взяли,
 Папа вслух его читал.
 Прости, Отец, ты мой милый,
 Твой сынок я, Алексей,
 Жил в твоём доме я долго
 И терпел много скорбей.
 Вот теперь я умираю,
 Богу душу предаю,
 Не ропчи на Бога сильно,
 Пожалей душу свою.
 А ты, мать моя родная,
 В день кончины и страданья
 Прости сына своего.
 А ты, верная супруга,
 От души прости меня.
 И тебе Господь сподобил
 Крест свой слезно донести.
 Ефримян стоял и слушал,
 Как читал папа письмо,
 Как узнал про Алексея,
 И в глазах стало темно.

Пошатнулся, прослезился,
 Обнял сына своего.
 Не узнал тебя я, милый,
 В смиренной жизни я твоей.
 Прости меня, мой любезный,
 Дорогой мой Алексей.
 Мать стояла, побледнела.
 Сказать слово не могла.
 Зарыдала, завопила,
 Преклонилась и слегла.
 А супруга молодая
 Платком закрыла лицо.
 Таким голосом вошла,
 В руке держала кольцо.
 О, супруг мой неизменный,
 Что ты сделал надо мной,
 Обещал вернуться скоро,
 Я ждала тебя с душой.
 И вернулся, не открылся,
 Не утешил ты меня.
 И кольцо твоё венчально
 Почернело у меня.
 Я вдовою молодую
 И девицей остаюсь
 И смиренною душою
 Божьей воле предаюсь.
 И с горячими слезами
 Поклонилась до земли.
 И подруги её взяли,
 В свою келью повели.
 Тут все люди помянули
 Алексея за упокой.
 Ефремяна утешали,
 Чтоб не падал он душой.
 Дорогой папа Иннокентий
 Отпеванье отслужил,
 И в ограде Святой церкви
 Алексея схоронил.

Жития Алексия и духовные стихи

Алексий, человек Божий, конец IV века – начало V века) – христианский святой (в лике преподобных), аскет. Почитается Православной (день памяти – 17 марта по юлианскому календарю) и Католической (день памяти – 17 июля) Церквями. Житие святого Алексия было широко известно и популярно как на

Востоке, так и на Западе. Мощи Алексия, человека Божия, находятся под главным престолом базилики святых Вонифатия (Бонифация) и Алексия на Авентинском холме в Риме.

Реальное существование Алексия не подтверждается никакими источниками, кроме житийных, в связи с чем его историчность остаётся под вопросом.

История святого Алексея известна только из житийной литературы. Древнейший текст жития (в нём Алексий умирает в Эдессе) был написан в Сирии на основе устного предания во второй половине V – начале VI веков. Около IX века появляется греческая версия жития, в которой Алексий возвращается в Рим.^[1]

Согласно житию, Алексий родился в знатной римской семье. Его родители сенатор *Евфимиан* и *Аглауда* были благочестивыми христианами, помогавшими обездоленным и нуждающимся. Для своего сына родители выбрали невесту из знатной фамилии. В ночь

после обручения Алексий, оставшийся со своей невестой наедине, отдал ей поясную пряжку и обручальное кольцо, сказав: *«Сохрани это, и да будет между тобою и мною Господь, доколе не обновит нас Своей благодатью»*. После этого он покинул родной дом и отплыл на корабле на Восток.

После прибытия в Лаодикию Сирийскую (сейчас Латакия в Сирии) Алексий пристал к погонщикам мулов и добрался с ними до Эдессы (сейчас Шанлыурфа в Турции). Здесь Алексий раздал остатки имущества, оделся в лохмотья и стал просить милостыню. В течение последующих семнадцати лет Алексий жил милостыней, питался только хлебом и водой, а все ночи проводил в бдении и молитве. За эти годы святой так изменился внешне, что слуги, посланные его родителями на розыски пропавшего сына и посетившие в том числе Эдессу, подали ему милостыню, но не узнали его.

По истечении семнадцати лет подвижничества молва о святости Алексия широко распространилась по всей Сирии. Более того, церковному сторожу в видении Пресвятая Богородица указала на Алексия как на человека Божия. Смущён-

* Материал из Википедии – свободной энциклопедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

ный оказываемым ему всенародным почтением Алексей тайно бежал из Эдессы, намереваясь на корабле переправиться в Тарс. Но корабль попал в бурю и через много дней был прибит к итальянским берегам.

Никем не узнанный Алексей вернулся в Рим и пришёл в свой родной дом. Его родители не узнали сына, но позволили ему остаться в их доме. Алексей жил в каморке под лестницей, и к нему был приставлен слуга, которому было приказано кормить странника пищей с хозяйского стола. Остальные слуги из зависти исподтишка оскорбляли Алексея, но он принимал оскорбления со смирением. Живя в богатом доме, Алексей продолжал пребывать в непрестанном посте и молитвенном бдении. Наиболее тяжким испытанием для святого было слышать рыдания его матери и невесты, продолжавших его оплакивать. Так прошли ещё семнадцать лет.

В 417 году во время воскресной литургии в соборе святого Петра глас Божий указал молящимся: *«Ищите человека Божия, чтобы он помолился о Риме и всем народе его»*. В следующий четверг тот же глас указал народу: *«В доме Евфимиана человек Божий, там ищите»*. Император Гонорий и папа Иннокентий I напрасно спрашивали Евфимиана – он ничего не знал о живущем в его доме праведнике. И лишь тогда приставленный к Алексею слуга рассказал Евфимиану о подвижничестве Алексея.

Евфимиан, поспешно вернувшись в свой дом, не застал Алексея в живых. Лицо усопшего сияло, а в руке у него был некий свиток. Напрасно Евфимиан и домашние пытались изъять свиток из рук святого. Только когда прибывший в дом папа Иннокентий I испросил у святого позволения прочесть свиток, рука Алексея разжалась. Из свитка присутствовавшие узнали о том, кем на самом деле был человек Божий.

Тело Алексея было выставлено для прощания на площади, и при его гробе произошли многочисленные исцеления. Папа и император лично несли тело святого в погребальной процессии и похоронили его в церкви святого Вонифатия на Авентинском холме.

Алексей человек Божий, святой персонаж русских народных духовных стихов

Легенда об Алексее человеке Божьем, возникновение которой относят к к. IV – н. V в., принадлежит к числу самых популярных раннехристианских легенд, во всех европейских литературах есть немало её прозаических и стихотворных обработок. Не меньшее распространение имели и древнерусские книжные варианты этой легенды, входившие во многие рукописные сборники, включённые в знаменитые макарьевские Четьи Минеи и Пролог, распевавшиеся в форме народного духовного стиха.

Русский народ создал свою песню-поэму об этом герое-страдальце, умирающем неузнанным нищим в доме своего отца-князя. Как и др. персонажи духовных стихов, Алексей человек Божий тоже был примером стойкости, хотя его не зака-

* Калугин В. Публикуется по: http://www.hrono.ru/biograf/bio_a/alexey_bozhi.html.

пывают в землю, как каличьего атамана Касьяна, не мучают «муками разноличными», как Егория Храброго, на его долю выпадают испытания иного рода – жизненные невзгоды.

Алексей человек Божий, наравне с бедным Лазарем, стали своими героями «нищей братии» именно потому, что были нищими. Но в отличие от бедного Лазаря, Алексей человек Божий добровольно отказался от всех благ земных. Русская «нищая братия» веками пела о его страданиях, как о своих. О степени популярности этого стиха В. П. Адрианова-Перетц писала в 1917: «Без преувеличения можно сказать, что ни один из подвижников русской земли не вызвал к себе такого интереса, не пробуждал такого сочувствия к своей жизни, как Алексей человек Божий».

Народный духовный стих об Алексее человеке Божьем близок и к устным легендам, и к книжным вариантам. Своеобразие народной обработки заключается не в том, что первоисточник изменён до неузнаваемости, что в него введены новые образы, сюжетные линии. Наоборот, это довольно редкий случай, когда народный стих довольно близок к «оригиналу», в нём почти полностью сохранена сюжетная канва. «Узнаваемость» является одним из основных условий устного бытования стиха и его популярности. С той лишь разницей, что в народном стихе средневековая легенда переосмыслена точно так же, как и любые другие «бродячие» сюжеты, совпадающие в фольклоре почти всех стран и народов.

Наиболее полный и развёрнутый вариант духовного стиха об Алексее человеке Божьем опубликован П. В. Киреевским в 1849 в первом томе его Собрания народных песен (по всей вероятности, его и имел в виду Н. М. Языков, когда в письме А. С. Пушкину от 1 июня 1836 сообщал на просьбу поэта, что народную легенду об Алексее человеке Божьем «должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками»). Этот духовный стих известен также в записи от «народной поэтессы» И. А. Федосовой, создавшей свою оригинальную поэму. Вот как, к примеру, Евфимиан (у Федосовой – Ефим-Ян) с женой молят Господа послать им «чадо единое»: «Дай-ко, Господи, мало мне отродье, / Пошли, Господи, на землю отплодье! / Создай, Господи, сына, либо дочь, / С малых лет их на утеху, / Моему полувеку на перемену, / Под старые дни на потеху».

В варианте П. В. Киреевского просто сообщается: «Создал им Господь детище единое, / Аглаида во утробе поносила, / Понося ему чадо породила». У Федосовой эта сцена развёртывается в целый эпический сюжет. Её Ефим-Ян после своего обращения к Господу слышит «глас»: «Ай-же, Ефим-Ян, княже богатый, / Поди-ко ты в свою каменну палату, / Возьми-ко ты шёлков свой невод, / Иди-ко ты на синё море, / Вылови свежую ты рыбину, / Скорми обручнуй княгине Катерине: / С той поры княгиня понесётся; / Принесёт чадо тебе мило, / Принесёт тебе-ли она сына; / Порекут ему имя Алексеем».

Федосова не описывает странствий и страданий Алексея, но такие описания есть во многих др. вариантах, в т. ч. у П. В. Киреевского, где приводится такая характерная сцена. Выйдя из дома, Алексей встречает нищего и обращается к нему со словами: «Ты нищий, ты нищий брате! / Скинь свою нищенску одежду, / Возьми ты моё цветно платье, / А мне дай свою нищенску одежду!»

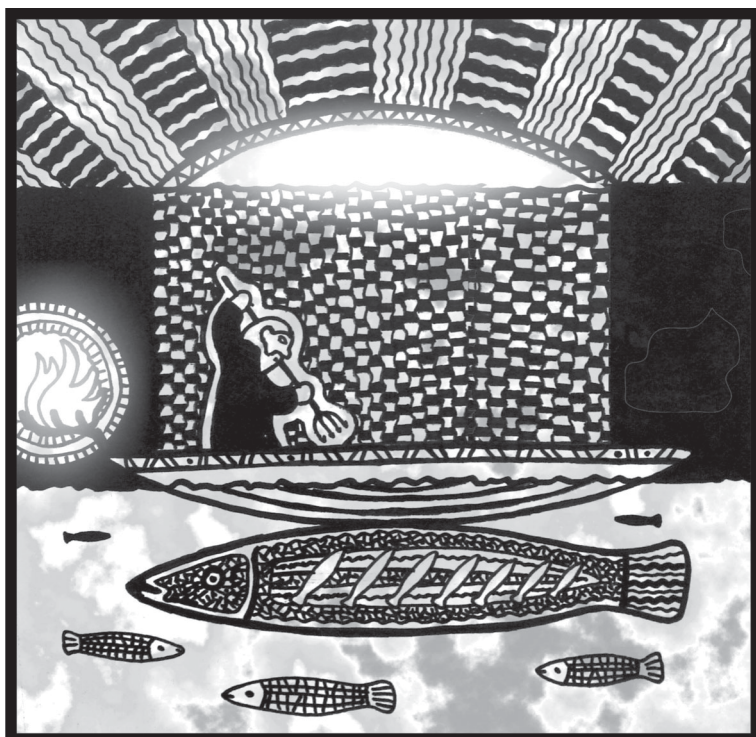
Почти во всех вариантах народный духовный стих об Алексее человеке Божьем заканчивается сценой плача. Это одна из самых выразительных сцен в народ-

ных духовных стихах. Вот как выглядит такой плач в прозаической записи П. Н. Рыбникова от слепого калики Ивана: «Свет ты, моё любимое чадо, – обращается отец к умершему сыну, – чего ради ты во плоти не сказался?» – «Сын ли ты мой спорожденный, – причитает благоверная княгиня, – чего ради мне, матери, не сказался, пришёл из великия пустыни? Али ты плачи нашей не слышал? Сама бы я, мать, к тебе приходила, сахарны бы яства приносила, одежду бы с тебя перенадела». – «Чего ради мне, младый, не сказался, – вторит ей жена Алексея, – пришёл из великия пустыни? Аль ты плачи нашей не слышал? Втай бы к тебе, млада, приходила».

Ничего подобного в книжных вариантах легенды нет, она «обработана» согласно законам народной поэтики, обогащена введением фольклорных мотивов в сценах рождения, крещения, свадьбы, оплакивания Алексея. И такой фольклоризированный книжный сюжет, причём не собственно русский, а заимствованный, становится оригинальным произведением устной народной словесности. Широкому распространению стиха об Алексее человеке Божьем в народной среде во многом способствовало его содержание. Отказ от богатства, лишения, странствования Алексея, жизнь неузнанным нищим в доме отца – всё это, безусловно, вызывало искреннее сочувствие, находило живой отклик в народной среде.

Арт-факт

Ольга Орлова

Орлова Ольга Владимировна, заведующая научным отделом Национальной галереи Республики Коми.

Наталья Плаксина

Плаксина Наталья Евгеньевна – искусствовед, заместитель директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми. Сфера научного интереса – история иконописи в Коми крае.

Притяжение Италии

Итальянское путешествие должно быть одним из решительных душевных опытов.

П. П. Муратов

Человек европейской цивилизации испытывает особое притяжение Италии, что вполне объяснимо и понятно. В России интерес к Италии сформировался не так давно – с XVIII–XIX вв., но приобрёл форму устойчивого культа. По словам Е. А. Бобринской, Италия представлялась «живым отзвуком золотого века, тем земным раем, где исчезала непреодолимая в культурах других стран пропасть... между идеальным и реальным». Для русского человека, как писал И. В. Киреевский, «...и синее итальянское небо, и воздух итальянский, исполненный солнца и музыки, и итальянский язык, проникнутый всей прелестью неги и грации, и земля итальянская, усеянная великими воспоминаниями, покрытая, зачарованная созданиями гениального творчества, – может быть, всё это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственно неудушающим воздухом».

В конце XVIII в., после того, как были установлены регулярные дипломатические отношения России с Италией, русские путешественники начали совершать длительные путешествия по Европе с ознакомительными целями, в программу которых обязательно входило посещение Италии, городов, прославленных искусствами и архитектурой – Рима, Флоренции, Венеции, Неаполя. В литературе приобрёл большую популярность жанр путешествий, с помощью которых впервые знакомились с древней землёй те, кому ещё только предстояло совершить собственное паломничество в страну грёз. Выставка «Край чудный! Он цветёт и блещет красой природы и искусств...», открывшаяся в мае в залах Национальной галереи Республики Коми в рамках «Года Италии в России», предложила свой вариант виртуального путешествия в эту страну с помощью искусства. На выставке экспонировались произведения русских и итальянских художников XVII – начала XXI века из фондов Национальной галереи Республики Коми и из мастерских художников.

Особый раздел выставки составили произведения итальянских художников конца XVII – начала XX в. – живописные полотна Пьетро Белотти, Альфонсо Савини, Мориани, акварели Рафаэля Майнеллы, Паоло Салы, Соломона Корроди, скульптура неизвестных итальянских мастеров. Они поступили в музей в конце 1920-х гг. в составе коллекции, привезённой из Государственного Музейного фонда Д. Т. Яновичем. Некогда все они украшали частные интерьеры: итальянское искусство было весьма популярно у русских собирателей.

Большую известность в петербургском обществе в конце XIX в. получил итальянский живописец, акварелист Паоло Сала (1859–1929). Художник родился в Милане, жил в Париже, Лондоне, Южной Америке. Долгое время работал в России, выполнил росписи в Санкт-Петербургской консерватории. П. Сала был участником многих выставок Общества русских акварелистов. Его работы приобретались для частных коллекций. На выставке представлена акварель художника «Венецианский вид», созданная в Петербурге в 1899 г.

Из частного собрания Бобринского происходит бронзовая кабинетная скульптура «Борьба. Самсон, избивающий филистимлян ослиной челюстью». Группа изображает Самсона, героя ветхозаветных преданий, двенадцатого из «судей Израилевых», наделённого невиданной физической силой. Ему было суждено «спасти Израиль от руки филистимлян». В стане филистимлян на пленённого Самсона «сошёл дух Господень, и верёвки... упали... с рук его». Тут же Самсон, подняв с земли ослиную челюсть, поражает ею тысячу воинов-филистимлян. Прототипом скульптуры из собрания галереи послужила статуя известного итальянского скульптора Джамболоньи (Джованни да Болонья, 1529–1608) «Самсон и филистимлянин» (ок. 1570. Мрамор. Музей Виктории и Альберта в Лондоне). Джамболоньи в своём творчестве вдохновлялся эллинистической скульптурой и творчеством мастеров Ренессанса Микеланджело, Бандинелли и Челлини. В частности, голова и поза Самсона, выполненного Джамболоньей, имеет сильное сходство с наработками Микеланджело. Произведение из собрания НГРК является более поздней отливкой по более ранней восковой модели.

Как работа неизвестного итальянского скульптора поступила в музей мраморная статуэтка «Женщина в античной одежде с урной в руках». Это фигура, закутанная в длинную столу, со множеством длинных, тяжёлых, свисающих дра-

пировок, скреплённых на груди фибулой, в руках – жертвенный сосуд. Работа выполнена с прекрасным знанием художественного ремесла. Скульптура идентична статуе «Весталка» из коллекции Государственного Эрмитажа, приписываемой кругу французского мастера Гудона, который заинтересовался темой весталок во время своего пребывания в Италии. Весталки в Древнем Риме – жрицы, посвящённые служению неугасимому огню богини Весты, покровительницы домашнего очага. Гудон создал повторение античной статуи Капитолия, которая происходила с виллы Адриана в Тиволи, а затем была куплена кардиналом Ипполитом Д'Эсте. С этого антика Гудон повторял мотив весталки много раз. Его весталки служили образцами для многочисленных копий и повторений, которые становились элементами убранства интерьеров в стиле классицизма.

Большое распространение в личных коллекциях имели копии с полотен великих мастеров Ренессанса. Нередко они привозились из путешествий по Италии на память о художественных впечатлениях. Заказывались копии с Веронезе, Караваджо, Гверчино, Рафаэля. Особую популярность в России приобрела картина Рафаэля Санти (1483–1520) «Мадонна делла Седиа» (Мадонна в кресле) (1514–1515, галерея Питти, Флоренция). Эта картина разошлась в многочисленных копиях по частным коллекциям, многократно копировалась в разных художественных техниках (в живописи, иконе, гобелене), став своего рода эталоном эстетики классицизма. В собрании Национальной галереи РК представлена копия с шедевра Рафаэля, выполненная в 1843 г. художником-копиистом Луи Пизани, и приобретённая в его галерее современных копий на улице *Borgognissanti* во Флоренции, как свидетельствует о том надпись на обороте холста.

Поговорим о Риме – дивный град!

О. Манделъштам

В искусстве конца XVIII – первой половины XIX в. широкое распространение получили виды Италии. «Вокруг природа так богата: куда ни взглянешь, везде готовый предмет для картины... В картинности видов, легко находимых в Италии на каждом шагу, заключается причина пристрастия всех художников к этой стране...». Пейзажисты могли здесь одновременно без помех работать в солнечном климате и оттачивать своё мастерство на шедеврах античного и классического зодчества. Одним из центров притяжения для художников-пейзажистов был Рим, который привлекал не только архитектурными шедеврами Высокого Возрождения, но и античными памятниками, средоточием которых являлся Римский форум – непосредственный свидетель славного прошлого Италии. Панорама Римского форума с величественными руинами предстаёт на тончайшей по исполнению акварели итальянского художника, живописца, акварелиста швейцарского происхождения Соломона Корроди (1810–1892). С 1832 г. он жил и работал в Риме. Писал пейзажи с итальянскими мотивами: окрестности Рима, побережье Неаполитанского залива и Ривьеры. На акварели «Рим. Римский форум» (1853) художник изобразил ту часть Римского форума, которая известна как *Campus Vercina* («Коровье пастбище»). С площадки на руинах храма Конкордии открывается вид с аркой императора Септимия Севера слева и руинами храма Сатурна

справа. Подобные акварели пользовались у путешественников большим спросом, не только напоминая о Вечном городе, но и служа своего рода энциклопедией римской архитектуры, знать которую должен был каждый образованный европеец.

Вид другой древней столицы Италии города Альбано (Альба Лонга) изображён на картине литовского художника-пейзажиста Альберта Жамета (1821–1877). Картина написана в 1852 г. в Италии, где художник жил в качестве пенсионера с 1847 г. после обучения в Императорской Академии Художеств. Итальянские пейзажи составили славу творчеству А. Жамета.

В русской академической живописи первой половины XIX в. сложился особый род живописи – «итальянский жанр», который в 1830–1840-е гг. существовал под знаком творчества знаменитого русского художника К. П. Брюллова, который провёл в Италии свои лучшие годы и посвятил ей немало своих произведений. Последователи Брюллова воспроизводили некоторые наиболее характерные приёмы мастера: пристрастие к разработке сложных и эффектных цветовых и световых рефлексов, предельная насыщенность колорита до иллюзионизма в трактовке форм, создающих впечатление реальности в её максимальном выражении. Яркое воплощение «итальянский жанр» нашёл в творчестве русского художника итальянского происхождения Михаила Ивановича Скотти (1814–1861). После окончания Академии Художеств в 1839 году он вместе с одним из своих покровителей графом Кутайсовым отправился в Италию. Здесь М. И. Скотти создал свои лучшие картины, связанные с бытом и нравами итальянцев. Тема Италии нашла продолжение в его творчестве и после возвращения в Россию. Картину «Итальянка» художник написал в России, возможно, по заказу. Привлекательные по сюжету, яркие по колориту и тщательно выписанные картины М. И. Скотти пользовались большим спросом у любителей и коллекционеров. На холсте из собрания галереи воплощён идеально-прекрасный образ молодой женщины в ярком карнавальном костюме, с мандолиной в руке. В 1856 году художник навсегда уехал в Италию, где и умер спустя 5 лет.

Италия оставалась Меккой для русских художников вплоть до событий 1917 года. Заграничные поездки советских художников возобновляются только в 1950-е годы. В 1959 г. Италию посещает известный московский художник Владимир Фёдорович Стожаров (1926–1973), прославившийся своими живописными пейзажами Русского Севера и старинных русских городов. Здесь он написал картину «Рим. Площадь Венеции» (собрание НГРК). Картина написана насыщенными красками: яркое синее небо, густая тень, контрастные по цвету дома, залитый солнцем асфальт. Поездка в Италию сильно повлияла на творчество художника – палитра художника стала «жаркой». Здесь Стожаров «воочию увидел, что знаменитый «венецианский колорит» Тинторетто и Тициана – не выдумка мастеров, а порождение природы».

В 1970-е годы произошло новое открытие Италии в советском искусстве. На этот раз молодое поколение художников-«семидесятников» в поиске новых тем и средств художественной выразительности обратилось к творчеству великих мастеров Ренессанса, которое явилось для той эпохи «общей вехой на пути к изучению человека». Московский живописец Олег Павлович Филатчев (1937–1997) посетил Италию летом 1973 г. В том же году он написал «Автопортрет с палитрой», в котором, как отмечают исследователи творчества художника, ощущается

«знакомство с работами мастеров итальянского Возрождения, пристальное изучение их живописи, их манеры письма, попытка проникнуть в их мироощущение».

Увлечение искусством эпохи Возрождения разделила в 1970–1980-е гг. и художница Елена Борисовна Романова (род. в 1944). Её «Автопортрет» (1984) навеян творчеством одного из её самых любимых художников Сандро Боттичелли. Традициям высокого станкового искусства, заложенными старыми мастерами, следует в своём творчестве и ленинградская художница Лариса Николаевна Кириллова (род. в 1943). Образ юной матери в картине «Счастье» (1985–1987) из собрания галереи вызывает в памяти хрупких Мадонн Филиппино Липпи и Сандро Боттичелли.

Художественными впечатлениями, полученными во время путешествия по Италии в 1996 г. вдохновлена мраморная скульптура сыктывкарского художника Владимира Афанасьевича Рохина «Обнажённый» (1997–1998), изваянная из куска мрамора, найденного на месте шахматного павильона в Кировском парке. В одном из них скульптор увидел и изваял фигуру мальчика – некую реплику эрмитажного «Скорчившегося мальчика», живо напоминающую о творчестве Микеланджело.

Особый раздел выставки составила графика российских художников, созданная по впечатлениям от итальянских путешествий. Мистический, загадочный Рим предстаёт в изысканных офортах Алисы Кальпус (род. в 1939). Закончив Московский архитектурный институт, художница сохранила профессиональный интерес к архитектурным произведениям и проявила его в своём творчестве. На выставке представлены три графических листа из серии «Рим» (1987): «Церковь Санта-Мария ин Арачели», «Арка Константина» и «Лестницы». Знаменитые архитектурные памятники предстают на них узнаваемыми, и в то же время странными и причудливыми, увиденными в неожиданном ракурсе. Впечатлению таинственности способствует оригинальная авторская графическая техника.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорной аркады,
Воды застыли стеклом.

Н. Гумилев

Другим центром паломничества была и остаётся Венеция – жемчужина Адриатики, которая притягивает путешественников не только художественными сокровищами, но и самой экзотичностью жизни на воде, с её неизменным атрибутом гондолой, ставшей своеобразным символом Венеции. Гондола присутствует почти на всех произведениях, посвящённых Венеции.

Известная московская художница, график, книжный иллюстратор, эстампист Ирина Николаевна Воробьева (1932–1993) посвятила гондоле строки своих путевых заметок, написанных и проиллюстрированных вместе с художником Г. Безукладниковым: «...О гондолах и гондольерах можно многое написать. Как плавно и быстро движутся эти огромные красивые лодки! Их поверхность чёрная, полированная, как крышка рояля, инкрустированная золотыми или серебряными узорами. Гондольер, стоя на корме, управляет лодкой одним веслом и всё время с

одной стороны. Он опирает весло на особую изогнутую подставку, которая придаёт веслу сложный поворот. В результате лодка идёт только прямо и может очень точно лавировать и поворачиваться, когда в узеньких каналах встречаются сразу несколько лодок...». На выставке представлен лист из серии «Путешествия», выполненный в авторской уникальной технике цветной гравюры на картоне.

Притяжение Венеции испытали на себе и художники из Республики Коми – Татьяна Васильева, Анжела Разманова, Светлана Бутакова, Наталья Селиверстова. В 2007 году Татьяна Васильева и Светлана Бутакова в составе группы московских живописцев, графиков, фотографов посетили Венецию, Флоренцию, острова Мурано, Бурано. Гуашь Светланы Бутаковой «Пинии, Итальянское утро» пронизана солнцем и небом Италии, цветовые и световые эффекты вызывают в памяти итальянские этюды К. Брюллова. Тихие, спокойные улочки в маленьких городках на островах венецианской лагуны в «дождливых» и солнечных этюдах Светланы Бутаковой предстают в своей исключительной красоте. Хотя сама художница, блуждая по улочкам побережья Лидо, восхищаясь чёрными смоляными гондолами, горшками с алой геранью, вспоминала о «русской деревне». В прозрачных как муранское стекло венецианских пастелях-зеркала Татьяна Васильевой – вода, воздух, солнечное марево. Иное прочтение Венеции у Натальи Селиверстовой. Карнавально-карамельная живопись её полотен пронизана солнцем, светом, дребезжаще-хрупким воздухом, вековой историей. Это – волшебный иллюзорный мир «страны Италии», который ещё долго грезится путешественнику после возвращения на родину. После творческой поездки в Венецию в 2009 г. Анжела Разманова написала автопортрет «Воспоминания о Венеции». В глубине бирюзово-изумрудно-золотого фона медной «пластины-холста» проступает Вре-мя...

Галина Маркова

Маркова Галина Александровна родилась 7 ноября 1929 года в г. Сыктывкаре в семье учителя. Окончила Коми государственный пединститут, аспирантуру Горьковского педагогического института им. М. Горького. Специальность – физика. Более тридцати лет работала научным сотрудником Института геологии Коми НЦ УрО РАН, с 1989 года на пенсии. Ветеран войны и труда, лауреат Премии Совмина СССР. Автор нескольких книжек: «Самое памятное», «Сергей Марков. Жизнь и судьба», «Люби ближнего», «Эталон чести», «Всё прошло», «Рассказы», «Шучу-шучу», «Кошки-мышки», «Мысли вслух», «Бабочка в окне», «Странички жизни в письмах».

* * *

Как-то мне попала в руки любопытная книга под названием «Структурный гороскоп». Именно там я прочитала о существовании различных возрастных периодов, которые проживает каждый человек, начиная с младенчества...

Естественно, меня прежде всего заинтересовал тот период, в котором сейчас нахожусь я сама, – так называемый возраст Дракона (от 55 до 70 лет).

Познакомившись поближе с Галиной Александровной Марковой, я заглянула в следующий период – под названием Возраст Кота (от 70 до 85 лет).

Для молодых людей, наверное, нет большой разницы между этими периодами, а на самом деле, разница огромная. Именно в возрасте Кота, говорится в книге, завершается работа над душой, идёт её огранка. Отсюда – мемуары, воспоминания, просмотр всей пройденной жизни...

В это время человек, оторвавшись от активной действительности, от предметного мира, часто обращается душой к высшим материям, божественным сферам. И глубоко ошибаются те, кто смотрит на задумавшегося пожилого человека и полагает, что он дремлет. Нет! В душе его идёт титаническая работа, – не внешняя, а внутренняя... И поэтому неудивительно, что именно в таком серьёзном возрасте многие обращаются к поэзии. «Просто они не очень афишируют своё почти поголовное пристрастие к рифмованию», – так утверждают авторы «Структурного гороскопа», и я с ними абсолютно согласна. Я знаю довольно много пожилых людей (особенно среди женщин), которые вдруг, уже в преклонном возрасте, начали писать стихи. Вдруг у них появилась неистребимая потребность общаться с окружающим миром другим, новым языком, в новых для себя (и для других!) формах... Но так диктует их душа!

Откуда такая «взлётность» души, свойство совершенно противоположное «приземлённости»?..

Сегодня я хочу предложить вам интервью с Галиной Александровной Марковой. Может быть, от неё удастся получить ответ на этот вопрос.

Галина Бутырева

Г.В.: Для очень многих людей выход на пенсию – катастрофа: не знают, как жить дальше, чем заниматься... Как было у Вас?

Г.А.: Вышла я на пенсию в 60 лет (в 1989 г.), и то в большей степени по состоянию здоровья. Но уход с работы не был хирургическим «обрезанием пуповины», связывавшей меня с Институтом геологии на протяжении почти 40 лет. Связи с родным коллективом не оборвались и по сей день. Меня и в последующем привлекали к выполнению довольно ответственной работы. (Так, в 1997–98 гг. в качестве редактора-составителя я подготовила к изданию две работы, отмеченные академией наук Дипломом за лучшую работу по популяризации науки и Большой медалью Всероссийского минералогического общества. Приятно осознавать, что копилка института пополнилась высокими наградами). Регулярно публикуюсь в «Вестнике института геологии» с очерками и воспоминаниями о коллегах по совместной работе, а также с рассказами в литературных сборниках геологов. В ноябре прошлого года в институте отметили моё 80-летие. Так что переход в пенсионное состояние был очень плавным, с «мягкой посадкой». Думаю, очень важно не утратить связи с коллективом, где работал многие годы. А заниматься на пенсии нужно каким-нибудь интересным делом, для души.

Из своего возраста я не делаю секрета. Считаю, что возраст – это не трагедия, а скорее – приобретение, своего рода богатство. (И даже советую, особенно женщинам, не скрывать, не уменьшать себе годы, а, наоборот, прибавлять их – тогда можно рассчитывать и на комплимент).

Г.В.: Чем Вы любите заниматься на досуге до пенсии? Пригодилось ли что-то из этого после выхода на пенсию?

Г.А.: Мне повезло работать в творческом коллективе среди геологов-романтиков и физиков-лириков. В большинстве своём это разносторонне одарённые люди.

Г. Маркова, В. В. Буканов и профессор Д. П. Григорьев. Сыктывкар, 1972 г.

Так на перекрестии собрания талантов невольно вливаешься туда с чем-то своим.

Есть люди, чей досуг посвящён какому-то одному страстному увлечению. Есть «заядлые» театралы, кто-то поёт в церковном хоре, кто-то «ходит в горы». А мне интересно всё. В горы, конечно, не хожу, но, покорённая величием Эвереста, посвятила ему «Чомолунгма, туджи чей!»

Прекрасная, великая, святая,
Ты, Джомолунгма, – мать богов и гор,
На землю с высоты взирая,
Бросаешь людям свой немой укор...
Ты принимала лишь того, кто шёл с молитвой,
Кто белый стан твой, как невесту, обнимал,
И шёл по ледяному склону, срезанному бритвой
За гранью жизни, вознося того на пьедестал... (отрывок)

В молодые годы много времени отнимали заботы о детях, родителях, о семье в целом. Весь досуг был посвящён интересам детей – с ними нужно и на лыжах покататься, и в театр сводить, и мир показать, и копию картины Шишкина «Рожь», что на букваре, нарисовать. Мало ли чего ещё? Во время учёбы в школе, институте занималась в театральном кружке (сам Василий Леканов похваливал), бегала в хоровую студию. Эти невинные увлечения, даже если они не приближают к будущей профессии, дают многое – помогают глубже понимать, больше узнать о театре, о культуре.

Всегда любила книги, музыку, театр. Преклоняюсь перед Расулом Гамзатовым, Ираклием Андрониковым, Мстиславом Ростроповичем. В детстве, конечно, это была приключенческая литература – Жюль Верн, Майн Рид, Джек Лондон. Люблю сатирическую, ироническую литературу. В детстве же благодаря отцу познакомилась с произведениями М. Зощенко, кажется, уже запрещёнными. От них «разилась» ироническим взглядом на окружающее. Возможно, это в какой-то степени тоже послужило тому, что у меня впоследствии родились рассказы иронического толка.

Ещё с детских лет была хорошо знакома с деревней, где проводила каникулы. Именно в тесном общении с деревенскими родственниками познала коми язык изнутри – не выученный-вымученный по учебникам, а настоящий, народный. Язык непростой, непосвящённый человек и выговорить не может иное слово. Сейчас с удовольствием, когда есть время, перевожу с коми рассказы Ивана Белыха – чистосердечные, удивительно трогательные. Один из них был опубликован в альманахе «Сыктывкар-2009».

Что меня потянуло на переводы? Может быть, «зов предков»? Недавно из статьи Н. Митюшевой («Коми му», 24 января 2009 г.) я узнала, что мой отец, будучи студентом Педтехникума повышенного типа, участвовал в переводах с русского языка на коми рассказов Каллистрата Жакова и Михаила Лебедева для хрестоматии «Выль туйёд» (1923 г.). А привлекла его к этой работе Агния Суханова, настоящий подвижник народного образования, сотрудник ещё молодого «Коми книжного издательства».

Г.В.: Вы как-то стараетесь организовать своё время, и что получается из этого?

Г.А.: Знаю очень организованных людей, у которых каждая минута рассчитана, всё наперёд запланировано. Есть люди хаотического поведения. Я ни то, ни другое. Конечно, какие-то дела, обязательства вынуждают делать их вовремя, к сроку (не обязательно важные мероприятия, но и простые бытовые заботы). Стараюсь не распыляться, не позволяю себе никуда опаздывать, заранее пытаюсь предусмотреть, не помешает ли что-либо намеченному. Планов на длительную перспективу в моём возрасте уже не строят. Но то, что планирую на текущий момент, стараюсь сделать обязательно. Наверное, так поступает большинство. (Однако есть много не зависящих от нас причин, которые могут помешать любому благому делу. Если суммировать время, проведённое в разных очередях, в пустой беговне, в ожидании транспорта, наверное, оно составит чуть ли не половину жизни. И это обидно).

Г.В.: *Когда Вы стали писать стихи? Что это для вас – серьёзная литературная работа или, как у многих, некий терапевтический сеанс?*

Г.А.: Я бы не сказала о себе, что пишу СТИХИ. Это слишком ответственно. Так, стишки, стихосложения. В Институте, где я работала, приходилось писать по разным поводам – посвящения, поздравления, что-то для весёлых капустников.

Была я несколько раз в Серёгово. Строчки сами попросились на бумагу. Какое-то слияние с природой, очарование, удивление.

Серёговские дали,
Крутые берега,
Раскинулись, как шали,
Твои леса, луга.
Тайга до горизонта,
А дальше снова лес,
И Вымь сверкает солнцем,
Голубизной небес... (отрывок, «Серёгово», 1990 г.)

Мне кажется, что нельзя насильно заставить себя написать – стихи это или рассказ. Они где-то внутри созревают, а потом прорываются, бывало, что и во сне. Толчком, поводом может быть какой-то случай, глубокое потрясение. Так, «Афродита из Усть-Цильмы» – о беломраморной красавице, соседке по больничной палате.

Вот был у меня двоюродный брат Иван, инвалид В.О.В., вернулся с фронта без ноги, а когда он умер, рядом с ним на стол положили стоптанный ботинок. Зачем так сделали? Для меня – шок!

И вот лежит солдат не в праздничном наряде,
Один, на старом, распатавшемся столе...
Вместо ноги – пустой ботинок рядом,
Сжимает намертво медали, ордена в остывшем кулаке...
(отрывок, «Солдат», 2004 г.)

С этим невозможно жить. Строчки слезами вытекли на бумагу. Душа освободилась от гнёта и жалости. Вы правы, когда говорите о терапевтическом эффекте. Да, это лечение. Бывает, что и хирургический разрез. (*Японцы, например, чтобы снять стресс, нокаутируют куклу начальника. И живут дольше всех на свете*).

Свеча горела и погасла,
Оплавившись своей последней каплей,
И растеклась безликой маской
По дну простой разбитой чашки.
Но пламень бился не напрасно –
Пока он был, свеча не гасла.
Так жизнь горит, не угасает,
Пока жива надежда, пусть пустая,
Но лишь она одна, как факел, освещает
Шаги идущего во тьме над пропастью, у края.
(«Свеча погасла», 2002 г.)

Цветы сухие на столе,
В них жизнь хранит свои мгновенья,
Хранит их в первозданной красоте,
В тончайшем кружеве цветенья.

Букет из сухоцветов на столе
Стоит в большой хрустальной вазе.
И в каждом нежном лепестке
Живая память каждого им прожитого часа...

(отрывок, «Бессмертники», 2001 г.)

Квадрат Малевича – загадка века,
Стеснён квадратом рамки на стене,
Как «чёрная дыра», как пустота без света,
Но всё богатство мира скрыто в глубине...

(отрывок, «Квадрат Малевича», 2005 г.)

Г.В.: В последнее время Вы издаёте книги. Что это за книги? Как Вам пришла эта идея и как, главное, удаётся её реализовать?

Г.А.: Первая книжка возникла сама собой. Скопились материалы, которые я готовила для музея истории КГПИ, музея истории и культуры Сыктывдинского района (с. Вьльгорт), для «Вестника института геологии» по просьбам краеведов – о самых родных и близких (моём замечательном отце А. С. Сивкове, стоявшем у истоков высшего образования в Республике Коми, заведующем кафедрой химии КГПИ, его брате, погибшем в 1942 г. под Ленинградом, моём дяде генерале Д. Дубровском), о моих коллегах и учителях – крупных учёных Журавском, Григорьеве и др. Всё это вошло в книжку «Самое памятное», изданную в Институте геологии в 1999 г. к моему 70-летию.

Следующая книжка была о жизни и судьбе моего супруга С. П. Маркова в память о его боевом пути, творческой и педагогической деятельности. Книга сделана на документальном материале, написала её вместе с моими дочерьми Ольгой Марковой и Людмилой Кочевой, а финансировал её издание «Продюсерский центр В. Юрковского».

Как говорится, «вкусив единожды плод», хочется ещё и ещё. Тем более оказалось, что дело интересное и вполне осуществимое. Сейчас можно издавать без лишних проволочек.

Потом были книжки: «Люби ближнего» (2005 г.) – о самых близких людях, о деревне, о коми земле; «Эталон чести» (2007 г.) – о выдающихся деятелях науки от Ломоносова и Менделеева до академика Н. П. Юшкина, о великих музыкантах, художниках; «Рассказы» (2009 г.); автобиографические «Всё прошло» (2008 г.) и «Странички жизни в письмах» (2010 г.). Между делом в 2006–2007 гг.

вышли маленькие книжки «Мысли вслух», «Шучу-шучу», «Кошки-мышки», в 2010 г. – сборник стихов «Бабочка в окне».

Так что каждый год удаётся выпустить одну, иногда и две книжки. Издаю их самостоятельно через ООО «Типография «Полиграф-Сервис» небольшим тиражом в 50, иногда в 100 экземпляров. Книжки получаются приятные, я довольна.

Некоторые из книжек были подготовлены по уже публиковавшимся материалам. Так, например, в «Эталон чести» вошли очерки, ранее опубликованные во всероссийской газете «Вузовский Вестник». С газетой сотрудничаю уже несколько лет, исключительно на дружеской основе. То же самое и с газетой «Коми му» – там они выходят на коми языке. Бывает, что в книжках использую двуязычный текст.

Г.В.: Кому Вы адресуете свои книги? Что означают они для Вас?

Г.А.: Поскольку их содержание очень личностное, адресуются они, прежде всего, близким людям, друзьям, знакомым, коллегам по Институту геологии.

Галина Александровна с дочерьми Людмилой и Олей.

Когда ставишь последнюю точку в рукописи, приходит облегчение – ты написал всё, что хотелось, освободилась душа, а там уже и новое местечко образовалось для другого. Конечно, пишу для себя, а не с какой-то специальной целью кого-то удивить, что-то кому-то доказать. Ведь никто не принуждает.

Мои книжки – как свидетели моей жизни. Перед чистым листом нельзя лгать, нужно быть честным. Иногда пишу только для того, чтобы сохранить память о дорогих мне людях, выразить свои чувства по отношению к ним, хотя они уже не услышат, их нет рядом.

Не скрою, очень бывает приятно получить в типографии ещё тёплый экземпляр новой книжки, а потом раздавать, дарить её своим друзьям. Как будто подарил кусочек своей души.

Г.В.: Что бы Вы пожелали пожилым людям, у кого пенсия ещё впереди?

Г.А.: Не нужно страшиться своего возраста. За годы жизни многое накапливается в душе, а с выходом на пенсию, действительно, появляется много свободного времени («досуг» в чистом виде). Хотя, думаю, что просто иметь свободное время – не самое главное, важно, чем его заполнить. Если у человека есть интерес к людям, к окружающему миру, то искать какое-то специальное занятие только лишь для того, чтобы скрасить старость, и не придётся. Дело само найдёт человека. Важно, чтобы оно оказалось по душе, приносило удовлетворение. А самое главное, чтобы здоровье позволяло заниматься не только необходимыми делами, но и интересными. Поэтому всем-всем желаю крепкого здоровья, хороших друзей и оптимизма.

Новости. Обозрения. Рецензии

Валентина Сундукова,

*младший научный сотрудник отдела этнографии
Национального музея Республики Коми*

Во руках у неё узорно-пёстро полотно...

23–26 июня 2011 года гостеприимная земля Карелии приняла участников II Всероссийского фестиваля современного ручного ткачества «Kirjavat langat» («Пёстрые нити»). Тематика его уникальна – среди многих фестивалей по текстилю это единственный фестиваль, полностью посвящённый ткачеству. Он собрал людей, которые занимаются древним, как история человеческой цивилизации, искусством ткачества. Участницы – от хранительниц традиций почтенного возраста до студенток Московского текстильного института им. Косыгина – 94 мастера с 18 регионов России представили свои работы, а число тех, кто приехал на фестиваль – 52. От республики Коми участвовали: известный мастер по ткачеству Тамара Васильевна Гилева из села Пажга, которая трудится в Центре народных ремёсел «Зарань» и Валентина Сундукова, то есть я – младший научный сотрудник отдела этнографии Национального музея Республики Коми.

Работы участников фестиваля были представлены на 5 выставках, одна из которых являлась конкурсной – «Сумок много не бывает». Трудно не согласиться с фразой, заложенной в названии выставки. Сумка является неким посредником между миром традиционной культуры и современным – если для того, чтобы надеть народный костюм требуется особый случай, то сумка в этностиле может быть ежедневной, уместна в любой ситуации и подчеркнёт индивидуальность владелицы.

По итогам конкурса сумок первый приз жюри и приз зрительских симпатий совпали, их обладательницей стала Гуслияна Картюшова из Псковской области. Увидев её впервые сошедшей с поезда в рубашке и поневе, я подумала, что выставка началась с перрона. Примечательно, что Гуслияна с мужем живут «на земле» –

крестьянствуют. Второе место получила Валентина Харитоновна, руководитель известной школы ткачества в Архангельской области, третье место у Альбины Ядыгаровой из Удмуртии – мастерицы, в 2009 году удостоившейся премии «Душа России».

Выставки остальных работ участников – тканых полотенец, изделий для интерьера, декоративных панно, народных костюмов и кукол – это новые идеи и произведения, где традиция дополняется современным её прочтением. Выставку «Дороги Параскевы» представлял Санкт-Петербургский Клуб ручного ткачества «Параскева», существующий более двадцати лет, и результаты

его деятельности впечатляющие: от копирования этнографических образцов до разработки концептуальных современных моделей. Преподаватели и студенты кафедры художественного текстиля Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица продемонстрировали «Fiber art» – «Искусство волокна» – произведения, созданные нетрадиционными способами плетения нитей, как из натуральных, так и искусственных материалов, и зачастую из вторсырья.

Что касается представленных мною изделий – это коллекция аксессуаров по мотивам саамского искусства, где различные виды плетения и ткачества совмещаются с традиционной для саамов вышивкой бисером по красному сукну. Традиция переосмысливается в авторских поясах и сумках, дополнениях к современной одежде.

Первые два дня фестиваля были посвящены лекциям и презентациям участников, не только мастеров, но и представителей музеев, исследователей. Художники Московской ассоциации художников декоративного искусства рассказали о ткачестве в промышленных условиях, на ткацких комбинатах, существовавших до недавнего времени. Теоретическая часть плавно перешла в практическую, в мастер-классы – около 10 мероприятий, действующих одновременно. Можно было

попробовать соткать скандинавский пояс, сделать Вилегодскую куклу, изучить разные виды ткачества на станке – браное, закладное, двустороннее, на просвет... – даже те, кто, казалось бы, знает о ткачестве всё, учились чему-то новому. Официальные мастер-классы переходили в неформальные, и действовали с утра до ночи.

Происходило всё на месте расселения участников – в санатории «Урозеро», замеча-

тельном уголке карельской природы, у озера, воды которого по чистоте и целебному действию сравнивают с Байкалом. Другое примечательное место гости фестиваля посетили во время экскурсии в историческую деревню Кинерма, состояние которой на сегодняшний день называют «консервированным» – здесь деревянные постройки сохранены и демонстрируют, как гармонично с природой застраивались в старину поселения.

На закрытии фестиваля все участники были награждены дипломами и памятными буклетами «Пёстрые нити». Их главное пожелание организаторам – сделать фестиваль традиционным. Ведь именно на таких мероприятиях мастера находят единомышленников, вдохновение и потенциал к развитию творчества.

Что же такое процесс ткачества для тех людей, которые имеют к нему непосредственное отношение?

Юлия Борисовна Иванова, заведующая отделом изобразительного и декоративно-прикладного искусства Государственного Российского Дома народного творчества (при поддержке которого проходит фестиваль):

Ручным ткачеством сегодня с огромным увлечением занимаются самые разные люди: и профессиональные художники, и мастера народных промыслов, и множество любителей самостоятельно в домашних условиях, а также кружках и студиях. Секрет текстильного творчества – оно является тем универсальным способом, который способен создавать всё новые и новые орнаменты, формы, неожиданные композиции, образы и концепции. Это хорошая профессиональная основа для развития и осуществления творческих идей. В ткачестве как нигде должна быть хорошая ремесленная выучка, а главные действующие персонажи – мастер или мастерица, то есть люди, хорошо исполняющие свою работу. Работа может носить различный характер – от чисто технического и рутинного до инновационного.

Гусляна Картюшова:

Мне вообще интересно, откуда берутся вещи. Откуда берётся всё в этом мире.

Ткачество – это один из этапов превращения растения (или овцы) в одежду. Ткачество – один из способов поучаствовать в акте Творения. Из потребителя стать Демиургом.

Тамара Васильевна Гилева:

Одновременно это и работа и главное увлечение. Привлекает работа с узорами: копирование старинных, придумывание новых. Это и желание творчества. Как мы разглядываем старые вещи, так, в свою очередь, сами можем сотворить то, что останется в памяти внукам.

«Жизнеткачество» называли призванием женщины, и занятие это являлось таким же основополагающим, как и земледелие. До замужества девушка занималась преимущественно прядением и ткачеством, в первую очередь заготавливая приданое. Если она была искусна в этих занятиях, она обеспечивала хороший заработок семье, её освобождали от других работ по хозяйству.

Когда мастерица ткала, с каждым движением нити приговаривала «на счастье, на здоровье». Весь процесс изготовления ткани являл собой ритуал, направленный на сохранение и приумножение благополучия. Недаром современный человек, надев на себя домотканую одежду, ощутит себя словно в доспехах: вот откуда брались богатыри на Руси! В каждой частице такой одежды заключалась любовь матери, жены, сестры, а это самая главная сила.

Хотелось бы поделиться своими впечатлениями, возникшими, когда я всерьёз занялась ткачеством: ощущение нитей словно натянутых струн, мерный ритм движений рождает ритм узора-орнамента... Поэтический образ девушки-женщины за тканьем восходит к архетипическим представлениям о творении мира, когда из неорганизованного хаоса появляется упорядоченная материя (фантастика!..)

И, конечно, важна эстетика, художественная ценность произведений: в народном искусстве безвкусицы нет – традиция оттачивалась веками. Эти умение и гармонию необходимо постигать. И в современное динамичное время, в век компьютеров и нанотехнологий, механизации производства и товаров массового потребления, возрождается старинное трудоёмкое ремесло ручного ткачества. Эта тенденция поможет восстановить гармонию в человеке, живущего в искусственной городской среде, преодолеть дисбаланс его существования с миром природы и культуры, обрести целостность.

19–20 мая 2011 г. в Сыктывкарском государственном университете состоялась конференция «Устные и письменные традиции народов европейского севера России», которая была приурочена к юбилеям двух замечательных уроженцев Коми края: Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866–1926) – писателя и учёного с мировым именем, и Анатолия Константиновича Микушева (1926–1993) – видного фольклориста, литературоведа, профессора Сыктывкарского университета. Эти имена сближают не только сферы их интересов и юбилейные даты: А. К. Микушев был одним из тех, кто восстанавливал доброе имя К. Ф. Жакова в России, преданное забвению в советскую эпоху, исследовал его творческое наследие.

На приглашение участвовать в конференции откликнулось более 60 учёных и специалистов, это фольклористы, литературоведы, искусствоведы, этнологи, филологи, лингвисты, сотрудники академических центров, вузов, музеев и других учреждений из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Ижевска, Петрозаводска, Чебоксар, Липецка, Нижнего Новгорода, Сыктывкара, а также из Риги.

На открытии конференции со словами приветствия выступили проректор СыктГУ по научной и внеучебной работе В. А. Залевский, начальник отдела государственных языков и официального перевода Министерства национальной политики Республики Коми С. Г. Козулина, Первый заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми В. П. Марков, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы РАН, член-корреспондент РАН В. М. Гопак, заведующий сектором русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН А. Н. Власов, глава администрации МО «Сыктывдинский район» А. А. Рудольф.

Заседания конференции прошли в рамках 3-х секций: «Научное и творческое наследие К. Ф. Жакова и А. К. Микушева», «Устные традиции народов европейского севера России», «Письменные традиции народов европейского севера России». Состоялось также два выездных мероприятия. 19 мая для участников конференции сотрудниками историко-краеведческого музея села Ыб Сыктывдинского р-на была проведена экскурсия по селу, завершившаяся встречей в местной школе, где начиналась профессиональная деятельность А. К. Микушева. 20 мая в Центре народных ремёсел «Зарань» (с. Выльгорт) состоялся оживлённый разговор учёных и представителей Сыктывдинской администрации в рамках круглого стола «Финно-угорский этнокультурный парк в Республике Коми: проблемы и перспективы», на котором – кроме всего прочего – свои проекты представили и студенты Факультета искусств (Гусева И., рук. – Е. Л. Шадрин).

Отдавая дань памяти известным уроженцам Коми земли, делегация от конференции возложила цветы на могилы К. Ф. Жакова и А. К. Микушева.

Подводя итоги, участники конференции выразили удовлетворение от двухдневной встречи и высказали пожелания о продолжении подобных научных форумов в Сыктывкаре. В заключительных словах были высказаны предложения об установлении памятно-информационных табличек на улицах г. Сыктывкара, носящих имена К. Ф. Жакова и А. К. Микушева, о необходимости издания книги воспоминаний о А. К. Микушеве, подготовленной в ИЯЛИ Коми НЦ УРО РАН несколько лет назад. С удивлением гости конференции констатировали отсутствие в книжных магазинах г. Сыктывкара изданий К. Ф. Жакова, что следует признать местной научной и культурной общественностью, а также специалистами, связанными с издательской деятельностью как вопрос, требующий решения.

Гости конференции отметили хороший уровень подготовки конференции, чёткость в организации её мероприятий, которые были обеспечены рабочей группой оргкомитета конференции – внештатные сотрудники Центра фольклорных исследований СыктГУ.

Финансовую поддержку в проведении конференции Сыктывкарскому университету оказали Министерство национальной политики Республики Коми и Администрация МО «Сыктывдинский район».

Фестиваль «Ыбица» показал уникальное сочетание традиций и современности

Мультифестиваль «Ыбица», которым завершились праздничные мероприятия, посвящённые 90-летию республики Коми, прошёл в новом финно-угорском этнокультурном парке в селе Ыб. Можно долго рассказывать о том, что увидели, услышали и попробовали гости фестиваля. Но главным, пожалуй, была всё-таки музыка. Живая и очень разная. Как и обещал музыкальный директор фестиваля Александра Савеня, «можно будет услышать как русские и финно-угорские традиционно народные мотивы, так и современную интерпретацию народной музыки разных народов. Ведь вся музыка мира когда-то вышла из народных напевов. Поэтому фестиваль было решено сделать неконкурсным, чтобы не смотреть на состязания музыкантов разных стилей, а показать только лучшее.

Всего в списке музыкальных коллективов значилось более 20 групп из разных городов республики Коми и регионов России. Представляем некоторых участников «Ыбицы».

Екатеринбург. H-Ural

Группа электронного шаманского рока H-Ural (Хурал) – ансамбль, соединивший воедино музыку народов тайги, рок и современную электронику. В произведениях коллектива есть элементы хантыйского и мансийского фолка, хард-рока, фанка и техно. H-Ural использует как народные инструменты (варган, шаманский бубен), так и традиционный эстрадный арсенал (гитары, бас, барабаны, тамбурин, синтезатор). Тексты H-Ural тесно переплетают мифы и легенды малых народов, лирику и современные проблемы Урала и Сибири.

Несмотря на относительно небольшой срок существования коллектива, H-Ural уже широко известен как в России, так и за её пределами. В июле 2008 года коллектив стал хэдлайнером Всемирного конгресса финно-угорских народов в Ханты-Мансийске. Осенью 2010 года H-Ural совершил тур по Финляндии и Швеции, дав 25 концертов в 17 городах, став одной из самых известных рок-групп, поющей на языках обских угров (хантов и манси).

В составе команды семь человек: Ананьев Владимир – клавиши, программирование; Александр Волков – бас, Люк – гитара, Сергей Кашин – ударные, Мария Оленева – варган, шаманский бубен, Юван Зайцев – вокал, Сергей Ялунин – клавиши.

Санкт-Петербург. Konec leta

Группа Konec leta (Конец лета) образовалась в 2006 году из выпускников школы искусств имени Свиридова в Петербурге. Музыканты экспериментируют с

разнообразными инструментами, стилями и аранжировками для создания современной ингерманландской музыки.

Альбом «Слушайте гром!» в конце 2008 года вызвал неоднозначную реакцию у критиков: материал не попал не под одно из чётких стилистических направлений, как это часто бывает у молодых команд. Московский критик Олег Бобрик писал: «Когда-нибудь должен был появиться в России коллектив, играющий прогрессив-

ный фолк... перед нами арт-фолк с ижорской спецификой. Впору снять шляпу, признавая фантазию коллектива – такого я ещё не слышал на нашей сцене».

Конец лета сразу же взяли курс на выработку собственного стиля. В их музыке можно одновременно услышать отголоски шведских Hedningarna, немецких Rammstein, Tanzwut и Letzte Instanz, норвежских Lumsk и многих других команд. В то же время группа начала активно сотрудничать с киностудией ALP-Films карельского режиссёра Адре Галичанина. Клавишник группы Дмитрий Свиридо написал саунд-трек к фильму Адре «Диалоги Платона», где раскрывается концепция северной нео-античности.

Мини-альбом «Радуга над тьмой» вышел летом 2009 года. Одной из главных композиций стала ингерманландская *Omal' Maal'*, посвящённая репрессиям против ингерманландских народов в 1920–1940-х гг.

Стиль, в котором работает команда, музыканты определяют, как ингерманландский постмодерн-фолк. В составе коллектива семь человек: Андрей Чепелев – пианино, саксофон, вокал, флейты, тексты; Дмитрий Свиридо – клавиши, электроника, музыка; Оксана Михалева – вокал; Олег Иванов – гитара; Женя Россомакина – скрипка; Денис Алексанов – бас; Макс Васильев – барабаны.

Удмуртия. Silent Woo Goore

Название Silent Woo Goore состоит из английского Silent (тишина, безмолвие) и удмуртского Woo Goore (песня воды), и сочетается в «Безмолвную Песнь Воды». Своё творчество музыканты базируют на современном переосмыслении музыки удмуртского народа, создании нового мелодического алгоритма и включении традиционных составляющих удмуртского песенного фольклора.

традиционных составляющих удмуртского песенного фольклора.

Silent Woo Goore образовалась в сентябре 2008 года и сразу же активно стала выступать. Уже несколько месяцев спустя коллектив дебютировал на пятом Yumshan-фестивале «Новая Песня Древней Земли» на одной сцене с эстонским коллективом FRAGLE и Надеждой Уткиной, презентовавших удмуртско-эстонский альбом «Учке али». До конца года группа Silent Woo Goore

дала в Ижевске ряд концертов, включая выступление в Национальном театре Удмуртской республики на закрытии сразу двух крупных мероприятий: арт-форума «День Удмурта» и Yumshan-фестиваля «Новая песня древней земли» в героико-эпическом арт-шоу «Тропой Кылдысина». Следующий год Silent Woo Goore провели в подготовке нового и переосмыслении старого материала, в непрерывном поиске нового звучания. Группа много выступает на различных мероприятиях, на одной сцене с ведущими музыкальными коллективами города. Одно из последних значимых событий состоялось в сентябре 2009 года. Коллектив принял участие в фестивале «Femme Fatale II. Роковая женщина», прошедшего в городе Екатеринбурге.

Наряду с Noid (Карелия), Manam (Шотландия), Siroka (Баски) и Aoife Scott (Ирландия), Silent Woo Goore вошли в финал Liet International 2011 («Евровидение коренных народов» или «Этно-Евровидение»), который пройдёт 19 ноября 2011 года в городе Удине в Италии. В этом конкурсе участвовали многие коллективы из России, но в финал вышли только две российские команды.

В составе Silent Woo Goore всего четыре человека: Светлана Ручкина – вокал, Владимир Жуйков – гитара, Анатолий Галиханов – бас-гитара, Григорий Степанов – барабаны.

Республика Коми, Печора. Павел Некипелов

Павел Некипелов живёт в Печоре, служит пожарным. Пение для него сначала было увлечением, постепенно оно стало его второй профессией. За пределами республики его хорошо знают, Павла часто приглашают на гастроли по Европе. Признание он получил, завоевав в 2009 году Гран-при Международного фестиваля-конкурса в Париже. При этом специального музыкального образования у него нет, он воспринимает музыку исключительно на слух.

Жанр Павла Некипелова – песнопения тундры – йойк, горловое пение. Он поёт на саамском и ненецком языках. В его песнях можно услышать и ветер тундры, и песни зимнего солнца, и долгие полярные ночи, и северное сияние. Свою музыку и тексты он пишет сам. На фестивале «Ыбица», кроме собственной программы, Павел Некипелов выступит и в не

совсем обычном для себя амплуа: вместе с одним из диджеев Сыктывкара он готовит современную обработку одного из своих произведений. Традиционное пение северных шаманов прозвучит под сопровождение электронной клубной музыки.

Марий-Эл. Pairem

Группа Pairem – это фолк-рок на марийском языке. Группа была образована в 2008 году в ходе сотрудничества участников группы «Бродяги» и вокалистки Эльвиры Курай. С успехом представила республику Марий-Эл в Финляндии на фестивале этно-рок групп России «SUGRIROCK» в 2010 году. Как отмечает солистка группы Эльвира Курай, репертуар Pairem составляется из современных

авторских и народных марийских песен. Старинные песни, много лет ждавшие исследователей и ценителей в библиотечных каталогах, с Pairem получают вторую жизнь. Марийская мелодика, патриотический подтекст и настроение в стиле рок позволяют коллективу не только пропагандировать национальную культуру мари, но и развивать у своих слушателей вкус к хорошей музыке.

На сцене «Ыбица» Эльвира Курай выступит без своего коллектива, она привезёт сольные произведения.

Мордовия. «Эх, Мордовочка»

Фольклорный ансамбль «Эх, Мордовочка» создан около 10 лет назад. В коллективе поют четыре сестры Капаевы, уроженки села Рыбкино республики Мордовия. В Москву сёстры переехали ещё в юности, однако родные язык и культуру не только не забыли, но и активно развивают, являясь активистами культурно-просветительного общества «Масторава».

На концертах коллектива можно услышать и мордовские национальные песни, и русские народные мелодии, и произведения современных авторов, но предпочтение ансамбль отдаёт мордовскому национальному песенному творчеству.

В составе ансамбля «Эх, Мордовочка» поют сёстры Наталья Кувезенкова, Чумбаева, Анна Ткачева и Елена Чинилина.

Ямало-Ненецкий автономный округ. «Сёэтэй ямал» (Поющий Ямал)

Ансамбль национальной песни «Сёэтэй Ямал» (Поющий Ямал) был создан в 1969 году. Деятельность коллектива тесно связана со столицей Ямало-Ненецкого автономного округа городом Салехардом, где артисты работают на базе окружного Центра национальных культур. Основу творчества ансамбля составляют мелодии коренных малочисленных народов Севера.

Коллектив исполняет песни коренных малочисленных народов Севера, что позволяет знакомить современников с исторической музыкальной культурой различных этносов. Второе направление предполагает современную авторскую обработку фольклорно-

го материала (включая элементы эстрады). Талантливый коллектив помогает ближе познать национальное музыкальное творчество, увидеть его как часть общемировой культуры. Он способствует тому, чтобы эти культурные ценности стали достоянием не только нашего времени, но и будущих поколений.

Уже сейчас в репертуаре ансамбля собрано более 20 обработок песен различных жанров, есть и собственные сочинения. Ансамбль неоднократно принимал участие в российских и международных фестивалях в России, Франции, Нидерландах, Испании, Швейцарии, Финляндии.

Александра Савеня

* * *

2011 вося сора (июль) тӧлысьӧ Коми гижысь котырӧн вӧйӧм серти «Томъяслӧн библиотека» пас улын петӧсны том коми авторъяслӧн книгаяс.

Ичӧтик вӧсныдик нель книга кута кыин... А кутшӧм долыд таысь! Радла сы вӧсна, мый коми кывйыс бара на шыалис выль горӧн, гижӧдъясь овмӧдӧм кокни лолыс сылӧн бара на кодлыкӧ лоас сынӧдӧн либӧ сӧстӧм ваӧн...

Нимъясыс том поэтъяслӧн уналы нин тӧдсаӧсь. Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Юлия Нефедова тшӧкыда йӧзӧдӧны ассыныс кывбуръяс да висътъяс «Войвыв кодзув», «Арт» журналъясын (Люба Ануфриевалӧн петалис нин Эстони-яын небӧг – «Лэбачьяс оз дивитны»). А Алёна Старцевалӧн абу на сэтшӧм уна йӧзӧдӧм гижӧдыс, но и тайӧ комын гӧгӧр кывбуръсыс тӧдчӧ нин бур гижан сямыс. Алёналы этша видзӧдны олӧмсӧ бокиянь, сылы колӧ сибӧдны ас бердас сійӧс: «Юлиплысь чӧскыд серамсӧ нылышти. / Шобдӧлысь небыд юрсисӧ сынышти. / Эжвалысь сӧстӧм синвасӧ юышти...», кывны сьӧлӧмсӧ «ель тӧпкӧмысь, / куравлыны бипур бӧрся пӧим пӧсьысь, / кывзыны кагалӧн лов шыысь», а муслунсӧ корсьны мӧд морглӧн синмысь: «Синъясным адззысисны да домасисны. / Тӧдлытӧг паныдасигӧн окасисны...»

Том авторъяс оз сӧмын нимкодъясны му-ва мичлунӧн, оз сӧмын ыджӧдлыны чужаніннысӧ, но и видлӧны кывбур пырыс восьтыны ловпытшкӧсса Енкӧла-нысӧ: «Восьті ас пытшкысь / мӧд Енкӧла – / чужис кывбур» (Л. Ануфриева), «Ме, кӧнкӧ, воддза олӧмас вӧлі лэбачӧн...» (А. Шомысова), да и вежӧртӧны аддзанасӧ: «...и Эжва юыс косьмӧ. Пӧдтӧ сійӧс карса няйтис. А важӧн кага синва кодъ сӧстӧм вӧлі ваыс. А ӧні?.. И тӧвнас Эжва шӧрас рыыс оз и кынмывлы. Няйтсӧ лэдзасны, да сук ру сӧмын петӧ, енэжӧдз кайӧ... И кажитчӧ, быттӧ кулӧм Эжвалӧн лолыс кыпӧдчӧ Ен дорӧ... Да корӧ прӧцца сылысь ми вӧсна...» (Ю. Нефедова). Юлия гижӧ жӧ кывбуръяс, но татчӧ сылӧн пырисны дженьыдик висътъяс, но и найӧс позьӧ шуны прозаӧн гижӧм кывбуръясӧн. Том авторъяс босьтчӧны мӧвпавны и кадсӧ, «...кыззи нэмӧвӧйся вуджӧръясыс сылӧн вуджӧны лолӧ...» (Л. Ануфриева) – ӧд тані шымыртӧма и кывйыслысь пыді вежӧртассӧ: вуджӧр – сідзкӧ, вуджӧма. А кадыс бергӧдчылӧ и сьӧлӧм пытшкӧстӧ оровтысь дойӧн: «...Ӧні сійӧ часыс / век на сулалӧ / пӧчӧлӧн жырйын, / ланьтӧма. Пыр петкӧдлӧ асъя кад. / Но ӧшинь сайын / ломалӧ рытъя кыа. / И сылы воча ыпъялӧ / пӧчӧӧн быдтӧм сад» (А. Шомысова).

«Дзар», «Мукӧд енкӧлаын», «Лольштӧм», «Луннебӧг» – тайӧ книгаяслӧн нимъясыс, и наысь нин кылан мӧд нога мӧвпалӧм, аслыспӧлӧс видзӧдлас, выль юӧр.

2009 воын «Арт» журнал бердын котырӧтӧма вӧлі литобъединение, и ми тшӧкыда аддзсыслывлам тайӧ нывъясыскӧд, и кӧсья шуны, мый кыла на пытшкысь ыджыд вын да кӧсйӧм гижны-уджавны водзӧ.

Елена Афанасьева

Summary

The Republic of Komi celebrated the 90th anniversary of statehood. In the third issue of the journal we publish the interview with the Head of the Republic of Komi V.M. Gaizer.

The beginning of the new novel by V.Timin «A Viking from Biarmia» and continuation of the documentary by Ye. Kholopova «The voyage of Russian women-retirees to the period of undeveloped capitalism» and also poetry of I. Vavilov and O. Ulyasheva are published in the division «Prose. Poetry».

There are also two significant blocks of materials about a distinguished thinker, Komi philosopher K. Zhakov and Professor A. Mikushev and their heritage. A. Mikushev – a well-known Komi folklore scholar left a lot of interesting materials, gathered in various expeditions along the native land. Spiritual verses about the Man of God Aleksey are among them.

In connection with the Year of Italy in Russia, the National Gallery of the Republic of Komi exhibits a list of splendid pictures, devoted to Italy. There are also pictures of contemporary artists, our countrymen.

There is one more gift to the children in the Year of a Child in the appendix to the journal – a book by A. Vaneyev «Yora. The elk Vaska».

Translated by Lubov Hoodyaeva